

AMORE

A woman with dark hair styled in a bun, wearing a red knit sweater, looking down with a somber expression. The background is a blurred outdoor setting.

ПОМАШИ МНЕ
НА ПРОЩАНИЕ

РУБИ ДЖЕКСОН

«Уютный роман!
В произведения
Джексон погру-
жаешься с головой,
и выныривать
совсем не хочется».

[GOODREADS.COM](https://www.goodreads.com)

«Произведения
Джексон всегда
наполнены приметами
истинно английского
уклада жизни».

[BOOKREVIEW](https://www.bookreview.com)

«Прекрасное чтение,
которое держит
в напряжении до
самой последней
страницы».

[AMAZON.COM](https://www.amazon.com)

Февраль 1940 года. Грейс Патерсон решает вступить в Земледельческую армию, чтобы помочь фронту. Теперь каждый день наполнен работой: пахота, уход за животными, сбор урожая. За заботами Грейс постепенно забывает и о своей влюбленности в красавца Сэма Петри, который ушел в армию, и о родных, бросивших ее в детстве.

В огромном поместье в Дартфорде она вроде бы находит утешение, но так трудно справиться с невзгодами, когда рядом нет никого, кто мог бы согреть и утешить... Тайна семьи вновь беспокоит Грейс: вдруг она не простая сирота? Все усложняется, когда в жизни девушки вновь появляется Сэм и возникает загадочная шкатулка, хранящая секреты далекого прошлого. Теперь у нее появился шанс узнать все о своих родных, но главное – обрести счастье с любимым мужчиной.

- [Руби Джексон](#)
  -
  - [Благодарности](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
-

Руби Джексон

Пوماши мне на прощанье

© Т. Перцева, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Благодарности

Огромное спасибо «Дейри Крест» за любезность их секретарей и особенное спасибо Крису Манну за помощь и знакомство с несравненным Томом Фелпсом. Тому – за длинное подробное письмо и за удивительную книгу «Хозяин молочной фермы».

Моя благодарность Шарлотте Марри из Университета Ридинга, которая нашла для меня несколько полезных источников информации и великодушно предложила помощь, а также – дружелюбным и готовым прийти на выручку сотрудникам Музея сельской жизни Англии.

И большое спасибо Джил Эллис из Королевской Шекспировской компании за помощь в подборе правильных цитат.

Барнаби, Стелле и Финну с любовью

Она поступила правильно, сделав это. Собрала немногочисленные вещи и уехала, никому ничего не сказав. Даже тем, кто был так добр к ней все эти годы. Да, она жалела об этом: не о доброте, конечно, а о своем бегстве. Как можно объяснить им, что она больше не может выносить такого существования? Враждебности собственной сестры, неудобный, неприветливый сырой коттедж, который она, и особенно Меган, называли домом. Даже работа на оружейном заводе «Викерс» не давала удовлетворения. Несколькими светлыми пятнами в ее жизни была дружба с семьями Бруэр и Петри, маленький сад, посаженный ею и подругами, и мечты о Сэме.

Зимние морозы погубили сад, который давал ей столько радости, а Сэм, предвидевший начало войны и вступивший в армию задолго до сентября тридцать девятого, сейчас был где-то со своим полком. Но мечтать о нем не было смысла: не из-за того, что она понятия не имела, где он и что с ним происходит, а просто потому, что любил он Салли Бруэр.

Так легко представить Салли, с ее длинными черными волосами и прекрасными синими глазами...

Салли, начинающая актриса, была почти так же высока, как любой из трех сыновей Петри, и идеально оттеняла нордическую внешность блондина Сэма. Как могла она, самая обычная простушка Грейс Патерсон, не зная даже, кто ее родители, привлечь внимание такого мужчины, как Сэм? О да, он был добр к ней в детстве, но Сэм, первенец в большой семье, был таким со всеми. Что он подумает о ней, услышав от кого-нибудь, что она исчезла, даже не попрощавшись?

Грейс всхлипнула и зарылась лицом в подушку на случай, если девушки войдут и услышат ее. Однако уколы совести не давали покоя, став наконец невыносимыми.

«Ты должна написать, Грейс, это твой долг перед ними».

Она встала, поправила серое шерстяное одеяло и взбила комковатую подушку, решив, что не будет лежать здесь и ныть. Напишет всем и тогда, отделавшись от неприятной обязанности, попытается стать лучшей работницей во всей Земледельческой армии.

Она взяла блокнот, купленный в ближайшем магазине «Севеноукс», двинулась по комнате между длинными рядами железных кроватей, застеленных теплыми одеялами. На некоторых устроились старые, любимые игрушки, привезенные из дома.

Она подошла к письменному столу, за которым, редкий случай, никто не сидел, и стала рассматривать разлинованные странички блокнота. Ее беспокоила мысль о том, что следовало бы истратить немного больше заработанных тяжким трудом денег на покупку приличной писчей бумаги. Потом она покачала головой и пообещала себе, что так и сделает, когда закончится месяц обучения и ее переведут на ферму.

Она сказала себе, что миссис Петри и миссис Бруэр не будут возражать.

Когда она впервые их встретила? Больше чем полжизни назад, но поскольку ей и двадцати не было, полжизни – не слишком большой срок.

Грейс вздохнула. Десять-одиннадцать рождественских ночей проведено в доме ее подруги Салли Бруэр. Десять дней рождения, проведенных с Бруэрами и Петри.

Но, вспоминая о семье Петри, она думала не о доброй миссис Петри. Не о своих подругах, близняшках Роуз и Дейзи, так и стоявших перед глазами, а о Сэме. Сэме, который, кто знает, может, и убит уже...

«Нет, он не может быть мертв. Господь не так жесток!»

Грейс закрыла глаза и увидела его: высокого, светловолосого, голубоглазого Сэма, гнавшегося за хулиганами, которые сбили ее на землю на игровой площадке. Он поднял ее, отряхнул пыль и подвел к своим сестрам.

Так много доброты, а она отплатила им тем, что сбежала, как ночная кошка, без слова, без объяснения, без благодарности.

Грейс снова опустила глаза в блокнот и стала писать.

Дорогая миссис Петри, я вступила в Женскую Земледельческую армию и учу все, что нужно знать о коровах.

Но письмо девушке не понравилось, и неудачное начало было скомкано и порвано. Грейс стала писать снова.

Дорогая миссис Петри, простите за то, что не сказала, что вступила в Женскую Земледельческую армию. Я думала, у меня будет время и я успею сообщить вам об этом, но когда я вошла туда, там было много женщин. Какая-то модная леди спросила, сколько мне лет и знает ли моя мать, где я сейчас. Я ответила, что у меня нет матери.

«Знаешь, что это чрезвычайно тяжелая работа?» – спросила она, немного подумав. Никогда не слышала, чтобы кто-то так выразился. Другая леди велела мне идти к доктору. Он сидел в соседней комнате, и я немного испугалась, потому что никогда серьезно не болела и не ходила ко врачам. Доктор взглянул на меня и спросил, чем я болела и лежала ли в больнице. Я ответила «нет, сэр», и он покачал головой:

«Зачем тебе это нужно? Чертовски кошмарная работа».

Грейс остановилась и задумалась. Насколько интересен ее простенький рассказ? Не посчитает ли миссис Петри странным, что доктор задал всего несколько вопросов, после чего сказал, что «она сойдет», что бы это ни означало, и добавил что-то насчет необходимости пить молоко.

И как она могла объяснить свое желание вступить в армию, даже зная, насколько это чертовски кошмарная работа?

Пока что я работаю в саду, выращиваю рассаду. Трудно объяснить, но, хотя работа действительно тяжелая, я чувствую, что наслаждаюсь ею.

Она не могла понять причину удовольствия, которую давал ей вид растущей зелени, так что и этот вариант письма оказался в мусорной корзинке. Она попыталась написать миссис Петри еще четыре раза, но бесплодные попытки ничем не закончились.

Грейс в отчаянии уставилась в стену; в этот момент она видела только комнату ожидания докторского кабинета в Дартфорде.

Кроме нее, там было несколько девушек и женщин. Судя по их одежде и выговору, они пришли сюда, как выражался мистер Бруэр, «со всех дорог жизни», хотя ни у кого из них не было ее акцента, который, по словам ее сводной сестры Меган, был наполовину шотландским и наполовину кентским. Грейс, опустив голову, спокойно ждала вызова.

Доктор был довольно стар, старше мистера Бруэра и мистера Петри, а им скоро исполнится пятьдесят. Неужели всех молодых докторов призвали?

– Сначала несколько простых вопросов, мисс Патерсон. Почему вы хотите вступить в

Земледельческую армию?

- Люблю выращивать растения.
- Имеется опыт?
- У меня был маленький огород.
- Великолепно! Чем болели?
- В общем, почти ничем. Только корью.

Грейс ощутила, как с губ готовы сорваться слова «в монастырской школе». Но что это ей взбрело в голову? Она ведь никогда не была в монастырской школе, верно?

– Рост?

Поскольку младшие мальчишки Петри пытались растянуть ее чуть не каждый день, Грейс точно знала свой рост, но скрестила пальцы за спиной, отгоняя дурной глаз и добавила полдюйма.

– Пять футов, два с половиной дюйма^[1].

Он уставился на нее. Она глубоко вдохнула и попробовала вытянуть шею.

– Сойдете, – с сомнением пробормотал он. – Размер обуви.

«Врать глупо, надо сказать правду».

– Четвертый...

– Трудно будет достать. Возьмите с собой все старые носки.

Грейс улыбнулась. Звучит обнадеживающе, даже если ноги слишком малы, чтобы стать полезным бойцом трудового фронта.

– Варикоз имеется?

Она понятия не имела, что такое «варикоз», но все же покачала головой:

– Нет, конечно.

Ответ, казалось, удивил и поразил доктора, который деловито писал в карточке, пока Грейс с нарастающим ужасом ждала осмотра.

Доктор закрыл папку.

– Спасибо, мисс Патерсон. Подождите за дверью и постарайтесь пить все молоко, которое вам выдадут. Вы нам сойдете.

Никакого осмотра. Он даже пульса не померил. Если доктор померит его сейчас, почувствует, как частит сердце.

«Вы нам сойдете» – самые прекрасные слова в английском языке вертелись в ее мозгу снова и снова.

– Все еще не спишь? Хочешь какао? Мы готовим на кухне, нам еще оставили немного лепешек с маслом. Удивительно, что мы способны впихнуть в себя еду перед сном, всего через несколько часов после ужина из трех блюд.

В дверях стояла Олив Тернер, одна из соседок Грейс по комнате, принеся с собой аппетитный запах свежееиспеченных и, следовательно, горячих лепешек.

Грейс с некоторым облегчением встала.

– Работа тяжелая, а воздух свежий. Поэтому и есть хочется. Божественно пахнет!

– И все наши, – рассмеялась Олив, и они вместе сбежали по пролетам не застеленной дорожкой лестницы на кухню, где несколько девушек сгрудились вокруг длинного деревянного стола, в центре которого стояло блюдо, нагруженное лепешками, несколько горшочков с малиновым джемом, каждая с именем хозяйки на крышке, и миска с маленькими брусочками масла – дневная норма каждой девушки.

– Дом, милый дом, – вдохнула Олив, когда они с Грейс нашли свободные стулья.

– Мой дом никогда не был таким, – заметила Бетти Гуд, вгрызаясь в лепешку.

Остальные засмеялись. Грейс улыбнулась, но промолчала. Девушки-новички пили горячий какао и ели лепешки, намазанные маслом с фермы и малиновым джемом, пока старшая не пришла напомнить, что следующая дойка – в пять часов утра. Девушки со стонами закончили ужин, умылись и пошли наверх спать.

Грейс проделала процедуры отхода ко сну как можно быстрее: на третьем этаже, где жили девушки, было холодно.

– Сейчас постели мягкие и теплые, но мне жаль, что я не могу провести в комнату отопление. Летний класс постоянно жалуется на жару, а под одеялами и вовсе жарче, чем в теплице, но вокруг все равно холодно, – объяснила старшая девушка.

Работницы просто мечтали очутиться в чудесной жаркой теплице, особенно теперь, в феврале, когда ледяные ветра находили каждую щелочку в стенах и крыше. Некоторые идеально отточили искусство раздеваться и одеваться под одеялами. Не из-за скромности, а ради комфорта. Грейс, выросшая в почти таком же убогом старом доме, с единственным работающим камином, привыкла к неудобствам и одевалась и раздевалась с годами отработанной скоростью.

– Неужели мы никогда не согреемся, Грейс? У меня ноги, как лед, – озвучила ежевечернюю жалобу лежавшая на соседней кровати Олив.

– Не снимай носков, глупая, – откликнулась другая девушка, но скоро они, утомленные длинным, мучительно тяжелым трудовым днем, уже спали.

Грейс по достоинству ценила длинные шерстяные носки до колен, выданные ей вместе с униформой, но не слишком любила рубашки из сетчатого трикотажа фирмы «Аэртекс». Они никогда не сидели как надо, и она была рада, что днем они оказывались скрыты зеленым джемпером военного образца. Она очень заботилась об одежде. Благодаря матерям Салли и Дейзи на каждый день рождения она получала что-то новенькое, даже если это был кардиган, связанный из шерсти, на которую была распущена ранее ношенная вещь. Кардиган был связан специально для нее, и, следовательно, не имело значения, что шерсть старая. Женщины вроде миссис Бруэр и миссис Петри являлись большими специалистами в области переделки и штопки, задолго до того как были выпущены правительственные плакаты с призывом к англичанам быть экономнее.

Громкие стоны донеслись с кровати несколько часов спустя, когда зазвонил большой металлический будильник, стоявший в оловянном тазике, чтобы шума от него было еще больше. Словно возвещая миру, что уже четыре утра, будильник не прекращая звенел. Девушки медленно просыпались.

– Господи боже, почему я не вступила в армию или не стала медсестрой?

Этот вопрос задавался ежедневно.

– Солдаты никогда не спят, а «утки» и вовсе – веский довод против профессии медсестры.

– Пожалуйста, неужели недостаточно того, что приходится вставать еще до чертовых петухов, так еще и выслушивать все эти стенания!

Грейс улыбнулась. Она любила жизнь, ей нравилось общество ровесниц. «Если все фермы, – думала она, – на которых придется работать во время проклятой войны, похожи на эту, то причин жаловаться не будет».

Чаще всего вокруг произносили слово «чистота». Владелец молочной фермы требовал от девушек чистоты и безупречных белых передников и лично осматривал руки каждой доярки. Работа была тяжелой. Первая увиденная Грейс корова перепугала ее. Это большое, теплое, коричневое с белыми пятнами животное с чудесными глазами вдруг злобно уставилось на Грейс, когда та попыталась подоить ее, как ей показывали и объясняли. Корова вполне намеренно перевернула ведро, разлив драгоценную жидкость, которая вылилась в сток. Главный по дойке окинул девушку неприязненным взглядом.

– Старайтесь сохранить молоко, Патерсон. Идет война, и нам необходима каждая капля.

Теперь, через неделю обучения, Грейс была вполне уверена в своих возможностях. Она умела вымыть теплой водой вымя коровы, прежде чем начать ручное или машинное доение.

Самой неприятной работой была уборка коровника после дойки. Вода всегда была холодной как лед, и Грейс не выносила вони коровьего навоза.

– Вздор, – объявил Джордж, старший дояр, когда некоторые девушки пожаловались на жуткий запах. Шотландский акцент придавал его словам излишнюю свирепость.

– Что плохого в добром чистом запахе скотного двора? Некоторые из вас уж больно изнежены.

Джорджу было трудно угодить, зато он отличался терпением и справедливостью, и девушки ничего не имели против его постоянного ворчания.

После дойки коров гнали на пастбища неподалеку от фермы. Новая травка еще не пробилась, поэтому Грейс и Олив Тернер велели вилами накладывать сено в большие кормушки-колоды, отчего надсадно ныла спина, зато девушки согревались.

– Надеюсь, нам оставили завтрак, – простонала Олив, когда урчание в пустом желудке напомнило ей о времени.

– Повариха позаботится, чтобы мы не голодали.

– Ты права, но я больше волнуюсь о том, что будет потом. Сколько историй я слышала о жадности и злобе фермеров! Им нужен только дешевый труд, и чем меньше они будут давать нам взамен, тем для них выгоднее.

Грейс тоже слышала пугающие истории, но предпочитала им не верить. Фермеры – всего лишь люди, и очень разные: некоторые злые, как ее сестра Меган, есть и порядочные, щедрые, как Петри и Бруэры, например.

– Все будет хорошо, Олив. А теперь заканчиваем работу и возвращаемся в дом.

– Правда, было бы здорово, если бы резиновые сапоги подбивались мехом?

Олив, только сейчас вступившая во что-то отвратительно вонючее, выглядела ужасно, была вся мокрая и тряслась от холода. И стояла на одной ноге. Вторая увязла намертво.

Грейс помогла ей вытащить сапог. Тот поддался с отвратительным чавканьем. Работницы часто теряли сапоги в грязи и были вынуждены «танцевать» вокруг на одной ноге, пытаясь не опустить в навоз другую, в чистом носке.

– Лучшей идеи я не слышала, дорогая Олив. А пока постарайся надевать сразу несколько пар носков.

– У меня их немного, а толстых всего одна.

– Я тебе одолжу. Развеселись! Скоро настанет весна: нарциссы, примулы, маленькие ягнята. А теперь – выше нос и лови аромат завтрака.

Они вошли в кухню, где их встретил аромат жареных колбасок.

– Надеюсь, вам двоим хватит овсянки, но у нас осталось три колбаски, можете съесть каждая по полторы. Вместе со свежей булочкой. Ах да, еще вам крупно повезло, ведь я только что заварила чай, – сказала мисс Райленд, заведующая общежитием.

Грейс и Олив вымыли руки в глубокой раковине и с благодарными улыбками сели за стол, поставив перед собой тарелки с овсянкой.

– Амброзия, – блаженно вздохнула Олив, опустошив миску.

– Никогда раньше не слышала этого слова. Что оно означает? Я бы хотела написать его в письме к моей подруге Дейзи. Она обожает учить новые слова.

– В общем, не знаю, – пожала плечами Олив. – Полагаю, что-то особенное. Слышала, что такое говорят о чем-то по-настоящему вкусном.

– Амброзия – сдобренная медом пища греческих богов, девушки, – пояснила мисс Райленд. – И если она действует на вас так, как на богов, значит, впереди вас ждут годы и годы чистки коровников.

Девушки изумленно воззрились на нее.

– Пожалуйста, мисс Райленд, не расскажете подробнее? – спросила Грейс. – Не знаю, как насчет Олив, но я с радостью буду чистить коровники, если это поможет фронту. Но сколько лет, по-вашему, мне придется это делать?

– Амброзия обещает бессмертие. Грейс. Вы будете жить вечно, занимаясь уборкой коровников.

Олив выглядела так, словно вот-вот разразится слезами.

– Она шутит, – утешила ее Грейс. – Это всего лишь сказка, но на всякий случай начинай вязать толстые носки.

– Довольно болтовни! Доедайте колбаски и идите в следующий коровник.

Закончив сытный завтрак, девушки снова закутались в старые одежды и вышли из общежития.

– Что дальше?

Олив уже тряслась от холода.

– Когда нам должны были выдать теплые пальто?

– Надеюсь, их скоро пришлют, но, думаю, мисс Райленд из тех, кто не станет возражать, если мы ее о них спросим.

Грейс глянула на почти посиневшую от холода подругу.

– Тебе нужно натянуть два джемпера или по крайней мере жилет. У тебя нет такого? Если нет, я дам тебе свой, когда пойдем на обед.

Грейс слишком хорошо помнила, каково это – не иметь достаточно теплой одежды. Сестра была ужасно скупой и жалела каждый пенни, потраченный на маленькую девочку, которую по причине, известной только ей, поклялась растить и воспитывать.

– У меня был прекрасный жилет, – пробормотала Олив, чихая. – Мама советовала взять его с собой и носить поверх джемпера, но я больше не ребенок.

– Нет, ты молодая женщина, которая простудилась. Кстати, у нас урок скоро. Сможешь согреться и надеть поверх одежды все, что найдешь, до того, как пошлют ухаживать за овцами. Пойдем.

Они поспешили в главное здание, где, как они уже знали, шла интересная лекция по земледелию. Но им не позволили войти. Лектор долго орал на них за то, что посмели явиться в таких грязных сапогах.

– Никто не научил вас смывать грязь перед тем, как войти в здание?

– Мы все вымыли, – начала Грейс, но ей не дали возможности объяснить, что грязь налипла на резиновые сапоги по пути в аудиторию.

– Никогда не пытайтесь оправдаться и выжать слезу. Убирайтесь и приведите себя в порядок.

Они попятились так быстро и грациозно, как только могли. Смыли грязь и снова вошли. Бетти Гуд уже ждала их. Круглое розовое лицо было встревоженным.

– Вы пропустили первую половину лекции, но я дам вам конспект. Просто потрясающая информация! Вы позавтракали?

– Да, спасибо, Бетти, – кивнула Грейс. Олив громко чихнула.

Обе девушки обеспокоенно переглянулись поверх головы Бетти, и Грейс тут же приняла решение, основанное на не оставлявшем ее воспоминании о собственных одиночестве и неустроенности. Дело было не только в том, что Олив непрерывно чихала, но еще и в том, что ее

трясло в ознобе, хотя в вестибюле было довольно тепло.

– Я отведу ее к мисс Райленд. Если меня вызовут, скажи, что приду как можно скорее.

Олив слабо запротестовала.

– Проведешь остаток дня в постели с бутылкой горячей воды, и все как рукой снимет, – улыбнулась Грейс.

«Я делаю для Олив то же самое, что Роуз, Дейзи и Салли всегда делали для меня».

Это было прекрасное чувство, и она вспомнила, что так и не написала подругам.

«Они не Меган; они простят меня, потому что любят».

Она проводила Олив в общежитие и постучалась в кабинет мисс Райленд. Заведующая подняла глаза от бумаг, которые читала, и явно растерялась при виде растрепанных и измученных девушек.

– Почему вы не на лекции?

В обычно спокойном и дружелюбном голосе звенели льдинки.

Олив чихнула несколько раз подряд, почти заглушив объяснения Грейс.

– Олив нездорова, мисс Райленд. Она все утро чихает, и ее бьет озноб. Так что я подумала, будет лучше привести ее назад и уложить в постель на целый день.

Хорошо очерченные и зверски выщипанные брови мисс Райленд взлетели к самой линии волос. Почти вскочив, она сначала обвела глазами комнату, а потом девушек. Олив повесила голову. Но Грейс, хоть и напуганная так же, как в детстве, под строгим взглядом сестры, стояла на своем.

– Кто, мисс Патерсон, дал вам власть решать, кому давать выходной, а кому не давать?

– Она не берет выходной. Думаю, Олив больна.

– Так вы доктор! Какая я глупая! Считала вас трудармейкой^[2]. Вы же знаете, что идет война, и брать выходной без разрешения... кстати, вы попросили у лектора разрешения уйти?

Олив заплакала. Ее трясло, но она все бормотала:

– Прощу вас... это я виновата. Не Грейс. Я не надела жилет.

Последовало потрясенное молчание, прерванное подругой.

– Виновата не она. Олив слишком больна, чтобы принять разумное решение, и не думаю, что мистер Черчилл захочет, чтобы она...

Договорить Грейс не успела.

Мисс Райленд смотрела на нее с таким видом, словно глазам не верила... и ушам тоже.

– Довольно, наглая девчонка! Как вы смеете считать себя вправе решать, чего захочет или не захочет мистер Черчилл!

Она повернулась к Олив.

– Что же до вас... Тернер, – немедленно вернитесь в аудиторию.

Девушка молча выбежала из комнаты.

Грейс ждала. По своему долгому опыту она знала: извиняться, пытаться объяснить хоть что-то – только ухудшит ситуацию.

Мисс Райленд подошла ближе, глядя на стоявший на письменном столе телефон. Ожидала звонка или хотела позвонить сама, пожаловаться на Грейс Патерсон?

– Никто из вас не имеет зимней одежды, – выговорила она наконец.

– Мы еще не получили пальто. Я подумывала спросить вас насчет них.

– Стоит ли напоминать, что сейчас недостает очень многого? Будь у нас ткань, мы немедленно отдали бы ее производителям шинелей для наших храбрых солдат, у которых нет теплого уютного общежития, куда можно вернуться после рабочего дня. Пальто были заказаны давно и будут привезены в ближайшее время. Для того чтобы победить в этой войне, мы должны быть дисциплинированными и вооружиться высокими моральными принципами. Всем

приходится приносить жертвы во имя победы, и, мисс Патерсон, нам всем нужно учиться подчиняться приказам, а не думать за старших.

Повернувшись, она подошла к окну. Грейс гадала, отпустили ее или придется еще подождать.

Ждать долго не пришлось.

– Подойдите сюда...

Грейс покорно поплелась к окну.

– Видите вон то здание?

– Да, мисс Райленд.

– Это свинарник, вычистите его. К чаю я ожидаю увидеть пример хорошего ухода за животными. А теперь – вон!

– Да, мисс, – пролепетала Грейс и вышла, очень тихо закрыв за собой дверь.

Этим вечером после ужина Бетти Гуд дала Грейс конспекты лекции и стала изображать лектора, в надежде развеселить лежавшую в постели Олив.

– Классная лекция. Все, что нужно знать о земледелии, – в одном простом уроке. Представьте его: не выше меня, а руки, как окорока, – помните окорока в витринах мясников? И ровно три волоска поперек самой блестящей лысины, которую вы только видели в жизни. Абсолютно безупречные рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи и туфли такие начищенные, что в них можно смотреться. Не думаю, что он когда-то был на ферме, но, так или иначе, пальцы сунуты за помочи, а сам ходит взад-вперед по аудитории.

«Выращивать зерно – очень просто, – вещал он. – Прежде всего вспашите поле на современном тракторе или великолепной британской лошади. Дальше забороните его. Что потом? Сев, конечно. В наше время для этого есть сеялки, или, в зависимости от размера фермы, можете разбрасывать зерно вручную. Далее следует прополка, – чертовы сорняки могут стать проклятием вашей жизни. После этого у вас есть право предоставить все матушке-природе. Поливать при необходимости. Ах, какое счастье наблюдать, как колышется на ветерке золотистая пшеница, как зреет на подпорках великолепный английский горошек! Прелестно. И что мы делаем в последнюю очередь? Жатва. Наслаждаемся плодами нашего труда. Итак, леди, что может быть легче?»

Бетти Гуд даже не ждала от них ответа.

«Да ничего, уверяю вас», – изобразив лектора, пробубнила девушка.

– Прости, но разве он не сказал: «это чертовски кошмарная работа?» – не удержалась Грейс.

– Вовсе нет, Грейс Патерсон. И будьте любезны больше не перебивать.

Они с радостью увидели улыбку на бледном лице Олив.

– Я продолжу, Олив, – пообещала Бетти и, набрав в грудь воздуха, снова вошла в роль.

«Итак, если вас попросят пахать, даю небольшую подсказку. У леди весьма нежные «мадам сижу». Я всегда предлагаю толстую, хотя и шершавую соломенную подстилку, которую легче найти на многих фермах, чем лучшую подушку фермерской миссис. Трактора шумны, медлительны и имеют дурную привычку ломаться. Зато над вами не будут жужжать стаи оводов. О, и оводы, и осы, и пчелы по-прежнему будут летать над полем, но подальше от вас. Только подумайте о меде, который приносят пчелы, но не могу понять, почему добрый господь создал ос, хотя, возможно, они каким-то образом помогают удобрять землю. Видите, все на своем месте. Вопросы имеются?»

– Конечно, он не дал никому возможности спросить о чем-то, – продолжала Бетти, – и под конец заявил: «Думаю, что нет. Итак, куда вы сейчас? Кто ухаживает за свиньями, кто за курами? В любом случае – доброго вам дня».

Грейс рассмеялась.

– Ты напоминаешь мне подругу, настоящую актрису. Бетти, ты так хороша. Верно, Олив?

Девушка казалась слишком слабой, чтобы ответить. Ее трясло всю лекцию об уходе за свиньями и производстве яиц. В ее голове все звучали слова: курица кладет яйца, если ее правильно кормить, поить и содержать. Но вы не можете заставить ее нестись. Только если все сделано правильно, – а обязанность фермера заботиться о том, чтобы все условия были идеальными, – можно ожидать яиц от курицы.

Олив пыталась прийти в себя, глотая чай на переменах, и вызвала некоторый переполох, свалившись в обморок в туалете. Мисс Райленд была вынуждена признать, что девушке следует дать две таблетки аспирина и бутылку с горячей водой и отослать в постель.

Грейс, со своей стороны, провела остаток дня и большую часть вечера, убирая в свинарнике. Все подстилки и навоз полагалось поддевать на лопату и выбрасывать за дверь, а полы и стены мыть. Главный дояр Джордж, проходя мимо свинарника в полной темноте, услышал скребущие звуки, тихо вошел внутрь и увидел девушку, отмывавшую полы.

– Какого черта вы тут делаете?! – заорал он.

Грейс не понимала, что отвечать. Она устала, перемазалась и переживала, что от нее несет так же мерзко, как от свинарника до начала уборки.

– Вижу, ты скребешь замаранные полы в полной темноте. Чьей блестящей идеей это было?

На какой-то безумный момент Грейс захотелось бросить щетку и сбежать, но она постаралась остаться спокойной.

– Мисс Райленд, – почти прошептала она.

– Райленд? Господи боже мой!

Несколько секунд они молча стояли во мраке, после чего Джордж, очевидно, принял волевое решение.

– Иди и прими горячую ванну. Если не поторопишься, пропустишь чай, а я уверен, ей этого не захочется.

Видя, как Грейс колеблется, он заорал:

– Беги!

И добавил уже мягче:

– Иди, девочка. Вымойся. Я сам все объясню мисс Райленд.

Грейс, залившись слезами, поплелась в общежитие под бледным светом луны.

Позже, когда она выходила из столовой, мисс Райленд остановила ее.

– Похоже, Патерсон, вы не так поняли меня. Вам следует очень внимательно слушать и безоговорочно выполнять мои приказы. А теперь мы оставим эту тему, и, пожалуй, на этот раз я не стану писать на вас рапорт.

Грейс не смогла заставить себя сказать «Да, мисс» и, резко кивнув, побежала вверх, к подругам.

Она все еще не написала друзьям в Дартфорд, но, сидя у постели Олив, думала о них. Сравнивала их с мисс Райленд и ругала себя за то, что так плохо разбирается в людях.

– А я-то считала ее милой женщиной, хорошей и честной. Ну разве она может сравниться добротой с миссис Бруэр или миссис Петри. И я не ослышалась, а прекрасно поняла ее слова. Она мне солгала. И еще мне нужны нормальные жилеты и теплые носки, – пробормотала Грейс непривычно тихой комнате. – Я же обещала тебе, Олив, жилет. Думаю, что смогу одолжить еще и шерстяные носки, как только поправишься.

Незаметно для Грейс соседки по комнате встали и принялись рыться в скудных пожитках.

– Каждая старушка в нашей деревне связала мне теплые носки, и, быюсь об заклад, без

вязаного жилета тоже не обошлось, – сказала девушка из Йоркшира, немного постарше остальных. – Ненавижу прикосновение шерсти к голой коже, но что можно сказать пожилым леди?

– Большое спасибо, – хором пропели девушки. Раздался дружный смех.

– Я не могу взять все это, – прокашляла Олив, когда на кровати выросла гора вязанных носков, чулок, жилетов и даже трусиков.

– Не расстраивайся, мы все поделим. В этой войне мы должны держаться вместе, правда, леди? – весело заявила Бетти и заставила Олив улыбнуться, вытащив из груды вещей громадный вязанный жилет и натянув его поверх пижамы. Затем сняла и выставила на всеобщее обозрение.

– Маловат для меня. Есть охотники?

Грейс, все еще раздосадованная и злая, начала немного расслабляться в дружеской атмосфере. Именно так она шутила со старыми школьными подругами. Никто не украдет их место в ее душе. Но она улыбнулась, понимая, что эти молодые женщины всегда будут занимать особое положение в ее новой жизни.

Еще через два дня мисс Райленд была вынуждена признать, что Олив не стало лучше, и позвонила доктору. Грейс и Бетти было позволено остаться с Олив. У Грейс не имелось никакого опыта в уходе за больными, так что она не знала, как сбить температуру Олив.

– Она вся горит, Бетти. Что мы можем сделать до приезда доктора? Может, снять тяжелое одеяло?

Она уже шагнула к кровати.

– Нет, – резко бросила Бетти. – Если я верно помню, няня в таких случаях опускала нас в холодную воду, а потом тут же снова запихивала в теплую постель, и так до тех пор, пока не снизится температура. И еще я знаю, что она не должна лежать на сквозняке.

Грейс огляделась.

– Жаль, что нет камина. Я могла бы легко набрать веток в лесу. Здесь все время откуда-то дует.

Она рассерженно подбежала к маленькому окошку и попыталась выглянуть:

– Ни черта не вижу. Сейчас спущусь вниз, буду ждать машину. Не могу просто сидеть сложа руки.

Олив закашлялась, громко, надрывно, сотрясаясь всем телом.

– Все будет хорошо, Грейс, – прохрипела она.

Пугающий свист в груди девушки слышали слишком часто за последние несколько дней. Она постоянно металась в жару, сбрасывая одеяла, чем еще больше тревожила подруг.

Бетти, державшая Олив под спину, пока не прошел спазм, опустила ее на подушку.

– Грейс, принеси три чашки чая. Олив, ты ведь выпьешь чашечку? Думаю, ты просто умираешь от жажды. Да и мы все тоже.

Грейс схватила джемпер и натянула поверх одежды. Еще будет время продолжить борьбу за обещанные пальто, когда выздоровеет Олив.

Правда, вместо того чтобы отправиться на кухню за чаем, она напрягла слух, чтобы услышать дверной звонок, но до нее доносился только стук тяжелых ботинок по деревянным ступенькам.

Было слишком холодно стоять на лестнице, глядя на подъездную дорожку, поэтому она решила пробежаться до ворот в надежде увидеть машину доктора.

Грейс добралась до ворот, коснулась засова. Прислонилась к железным решеткам, чтобы немного отдышаться, и тут увидела вдали велосипед. Он медленно катил вперед: наездник боролся с ветром и весом древней машины. Разочарование. На велосипеде сидела женщина.

Грейс никогда не ощущала такого бессилия, как сейчас. Олив нужен доктор! Доктор, который справедливости ради должен был приехать еще два дня назад. Но тут ветер раздул плащ велосипедистки, и Грейс заметила ярко-красную подкладку.

– Медсестра! – завопила она! – Медсестра!

Встрепенувшись, она помчалась по дороге, чтобы встретить женщину.

Та никак не могла отдышаться, но вручила Грейс медицинский саквояж и, облегчив ношу, побрела к общежитию.

– Мы посылали за доктором. Где он? – спросила мисс Райленд вместо приветствия.

– Придется довольствоваться мной. Я окружная сестра Стивенсон, а доктор слишком занят. Да и лучшее средство от простуды – мед с горячей водой и капелькой бренди, а потому я уверена, что ему не было никакой нужды сюда ехать. Мне позвонили как раз в разгар тренировок по оказанию первой помощи...

Она поднялась на второй этаж. Грейс шла следом, таща тяжелый и потертый саквояж.

Мисс Райленд решила пустить в ход свое обаяние.

– Простите, сестра, что пришлось оторвать вас от работы, но мы тоже стараемся для фронта, и здоровье наших студентов для нас на первом месте. Девушка очень хрупкая, и, возможно, ей не стоило идти в Трудовую армию, особенно в разгар зимы.

Они продолжали подниматься вверх.

Этим вечером почти у всех девушек не было аппетита. В камине столовой ревел огонь, восхитительный аромат жареного картофеля почти забивал запах печеных яблок, от которого текли слюнки, но, несмотря на присутствие молодых голодных женщин, в комнате было необычно тихо.

Взглянув на трясущуюся и потную Олив, сестра, рассерженно бросив «нужно было послать за мной раньше», отослала девушку в ближайшую больницу.

– Плеврит? – переспрашивали друг у друга студентки. – Что такое плеврит, Грейс? Что-то вроде пневмонии?

Грейс, которая резала картофелину на кусочки, не пытаясь положить их в рот, покачала головой.

– Сестра ничего не объяснила. Думаю, дело в легких, но я никогда раньше не слышала о такой болезни. Болит в груди, и трудно дышать. Мисс Райленд поехала с Олив.

Новости встретили со смешанными чувствами. Большинство радовались, что заведующая поехала с Олив, но некоторые опасались, что это лишь доказывает, насколько та больна.

– Она одна из тех, у кого нет пальто! – гневно кричали девушки. – Нам обещали теплую одежду.

– Только последняя партия работников осталась без пальто. Но их обещали выдать, – пытаясь утешить друг друга, вторили им другие девушки.

– Бросьте, леди. Лучше посмотрите, какой ужин, – вмешалась одна из студенток. – Ешьте, сегодня с яблоками подали настоящий заварной крем. Завтра наступит новый день, и нам не нужно, чтобы еще кто-то заболел!

Бормотание и ворчанье постепенно улеглись, когда здоровый аппетит взял верх. Некоторые оглядывали теплую уютную комнату с камином, скамейками и старыми, заваленными подушками диванами, блестящими латунными украшениями на стенах. Да, работа тяжелая, зато кормят прекрасно. Одна студентка, вероятно, из тех, кому не стоило взваливать на себя такой непосильный труд, заболела, но получила наилучший из возможных уход. Разве стоит из-за этого переживать? Завтра они узнают что-то новое, и настанет день, когда, вооруженные добытыми тяжким трудом умением и опытом, девушки начнут новую жизнь.

Этим вечером в спальне не было тихо. Хорошо понимая, что им придется рано вставать, девушки не могли успокоиться и сидели на кроватях, перебирая события последних нескольких дней. Молчали только Грейс и Бетти Гуд, самые близкие подруги Олив. Какой смысл болтать, теряя драгоценные минуты, посвященные сну? За Олив ухаживают: никто, по мнению Грейс, не мог сделать большего, чем сестра Стивенсон, да и у больничного персонала есть оборудование, которого не может быть у окружной сестры.

Громкий звон будильника заставил их подскочить, наскоро умыться и одеться. Рабочий день начался после завтрака, и Грейс была рада, что лекцию по севообороту назначили вместо расчистки канавы.

– Здорово! – воскликнула Бетти. – Сидеть в теплой уютной аудитории лучше, чем стоять в ледяной воде, вытаскивая на свет божий бог знает что. Однажды я нашла в канаве овечью голову!

Грейс была согласна с Бетти, но уже через несколько минут обнаружила, что способна думать только о больничной койке, на которой лежала Олив. Было ли что-то такое, что она могла сделать раньше и не сделала? Если бы она заметила, как дрожит Олив, если бы настояла, чтобы та надела теплое белье, если бы им раздали обещанные зимние пальто, – лежала бы Олив сейчас в больнице?

Она с усилием заставила себя вернуться к лекции: пшеницу сеют после картофеля... или наоборот? И какое это имеет значение?

– Ты почти ничего не записываешь, Грейс, – заметила одна из соседок по комнате, когда лекция закончилась.

– Только то, что имеет смысл. – отмахнулась она, глядя на разлинованный блокнот.

Под руку с Бетти Грейс прошла по столовой, где огонь горел в камине и на длинном деревянном столе стояли кружки с «Оксо», разведенными бульонными кубиками или поразительно крепким чаем. Девушки выбрали чай и отошли от камина как раз в тот момент, когда дверь открылась и появилась мисс Райленд. В комнате стало тихо, а женщина, стоя на пороге, оглядела людную комнату.

– Прощу девушек из комнаты одиннадцать зайти ко мне в кабинет.

Она вышла, но обернулась и в неудачной попытке улыбнуться попросила захватить с собой горячие напитки.

Грейс и Бетти, уже поднявшие кружки, немедленно взяли другие и вместе с остальными девушками пошли к двери. По дороге все молчали.

Кабинет был небольшим: маленький камин, где слабый огонь безуспешно боролся с холодом, металлический буфет с ключом в дверце и два складных стула у стены. Места для всех едва хватало.

Мисс Райленд оглядела всех и, никому не глядя в глаза, выпрямилась.

– Мне нелегко говорить об этом, но сейчас позвонили из больницы... Олив Тернер умерла рано утром.

Грейс словно окаменела. Умерла? Как могла Олив умереть? Она уехала из дома, оставив жилет, а вместе с ним, получается, и детство. Девушка слышала громкий голос, озвучивающий вопрос «почему?». И поняла, что голос принадлежит ей. Голос... ее голос продолжал:

– Почему умерла? Она всего лишь простудилась. Почему простуда вдруг перешла в плеврит?

Остальные стали перешептываться. Бормотание и шепот, словно шелест падающих с деревьев листьев, заполнили комнату. Мисс Райленд глубоко вздохнула.

– Мы, британские женщины, тоже солдаты, ведущие собственную борьбу. В иные времена мисс Тернер, возможно, не приняли бы в Земледельческую армию. Да, у нее была простуда, быстро перетекшая в плеврит... с дальнейшими осложнениями.

Присутствовавшие в комнате хором охнули и стали переглядываться с испуганным недоверием.

Мисс Райленд заговорила еще быстрее:

– Больничный персонал сделал все возможное, все...

– Мы не сделали всего возможного, – перебила Грейс. – И вы тоже. Вы все равно что убили ее.

Собственный голос отдавался в ушах, напряженный, подрагивавший от эмоций. Она хотела остановиться, но голос – ее голос – продолжал.

– Вы не хотели меня слушать. Почему? Потому что...

Она осеклась.

Бетти Гуд подскочила к ней, обняла и попыталась успокоить.

– Довольно. Все свободны, кроме Патерсон, – прервала ее мисс Райленд.

Грейс, чувствуя себя так, словно вся сила куда-то утекла, наблюдала, как уходят девушки: некоторые сочувственно на нее поглядывали, некоторые отводили глаза, будто боясь, что их заподозрят в связи с ней и ее неожиданным взрывом эмоций.

Несколько минут мисс Райленд молчала. Грейс смотрела прямо перед собой. Она помнила, как, охваченная ужасом, стояла перед Меган, а до этого, много лет назад – в почти таком же кабинете. Но кто тогда говорил с ней?

Не важно; обрывки воспоминаний появлялись и исчезали и, возможно, придут снова. На этот раз более отчетливые.

Она ждала.

Заведующая подошла к окну, выглянула наружу, потом стала перебирать карандаши на столе. Некоторые из них нужно было очинить.

– Я бы выбросила вас отсюда, если бы могла. Но почему-то вы произвели хорошее впечатление на мистера Эркарта, и он скорее всего выскажется в вашу пользу. К несчастью, как это ни обидно, у него больше власти.

Она шагнула к Грейс и всмотрелась в ее лицо.

– Слушайте внимательно. Идите к себе, оставайтесь там до ужина, ничего не говорите другим девушкам, держитесь подальше от меня до конца обучения, и, может быть, всего лишь может быть, это поможет вам пройти весь курс. А теперь убирайтесь.

Грейс на подгибающихся ногах вышла из кабинета. Видела ли она когда-нибудь столько ненависти в чьем-то взгляде? Меган смотрела на нее раздраженно, но без ненависти.

Она немного постояла у подножия лестницы и вдруг нервно хихикнула. Интересно, кто ее защитник, этот мистер Эркарт?

Вернувшись в спальню, где было пусто, Грейс подошла к своей кровати и села.

«Мертва. Только несколько дней назад была жива и здорова, а теперь мертва. Бедная малышка Олив».

Грейс не могла позволить и Дейзи Петри так легко уйти из своей жизни, а потому встала, вынула блокнот и быстро, не задумываясь, написала записку Дейзи.

Дорогая Дейзи,

*Со мной все в порядке. Скажи всем, что я очень сожалею, и простите меня.
Надеюсь, у вас все хорошо.*

Грейс

Она думала совсем о другом Петри, когда писала все это. И решила, что скоро всем все

расскажет подробно.

Написав наконец подруге, она почувствовала, как свалилась с плеч огромная тяжесть. Грейс потянулась и оглядела комнату.

Кровать Олив была рядом. На ней все еще висела гора одежды. Бедной Олив она больше не понадобится.

– Глупо оставлять ее здесь, – решили большинство девушек, вернувшись в спальню после ужина. – Кто знает, чем нам придется заниматься в следующем месяце. Может, будем благодарны за лишний жилет.

Грейс оставила запасной жилет и толстые чулки на кровати Олив и облегченно вздохнула, когда за несколько дней до окончания курса они таинственным образом исчезли.

К тому времени как наступил последний день обучения, повсюду расцвели нарциссы, и сирень у ворот обещала со дня на день взорваться душистыми гроздьями.

– Жаль, что я этого не увижу, – вздохнула Бетти.

Она и Грейс вместе шли к автобусу, который должен был отвезти их на ближайший вокзал, где им предстояло начать первое путешествие в качестве полноправных трудармеек.

– Господи, Бетти, я это сделала... мы это сделали! Глупо, но иногда я верила, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Мы квалифицированные сельские труженицы, и я почти уверена, что чувствую запах сирени.

– В следующие несколько недель повсюду будет полно сирени, – перебил мужской голос. Это был Джордж, старший дояр.

– Я везу телку на ферму Блубелл. Вокзал по пути, леди. Так что, если не возражаете против тесноты, я вас подвезу.

– Фантастика! – хором откликнулись девушки.

– Готовы даже втиснуться рядом с телкой, – засмеялась Бетти, но поспешно вскарабкалась на сиденье надежного старого «Остин КЗ» рядом с Грейс.

Некоторое время они молчали, и только оказавшись на большой дороге, ведущей к городу, Джордж заговорил:

– Скверное дело с той девушкой случилось.

Эйфория от окончания обучения мгновенно испарилась. Бетти и Грейс грустно закивали.

– Пусть нам всем будет уроком: лучше сделать слишком много слишком рано, чем слишком мало и слишком поздно.

Он подался вперед и вытер воображаемое пятнышко с лобового стекла.

– Счастливы, что едете на одну ферму?

– К сожалению, это не так, сэр, – ответила Грейс. – Бетти очень хорошо училась, и ее направили на прекрасную ферму в Девоне. А я не покрыла себя славой и еду на ферму, о которой никто ничего не знает.

Она не добавила, что едва не упала в обморок от облегчения. От сознания того, что больше не увидит мисс Райленд и не услышит ее голоса.

Ей хотелось петь, прыгать от радости, но сейчас это было невозможно.

Звук, отдаленно напоминавший смех, прервал ее мысли.

– Похоже, ты крепко стала на ноги. И у тебя появились друзья.

– Мы все так считаем, Джордж, – заметила Бетти, – но Грейс трудно убедить. У нее появился защитник. Мистер Эркарт.

– Да. Упертый чудаковатый Эркарт. Но на будущее запомни, Патерсон: сражаться нужно с оглядкой. И к тебе это тоже относится, – добавил он, глядя на Бетти. – А вот и вокзал. Выходите.

Девушки поспешили к кузову грузовика, чтобы забрать чемоданы.

– Спасибо, Джордж, – сказали они хором.

– Если увидите мистера Эркарта... – начала было Грейс.

– Думаю, он уже все знает. Доброго пути вам.

Он отъехал, оставив девушек провожать его взглядом.

– Это не он! – полушутливо воскликнула Грейс.

Она продолжала смотреть вслед обшарпанному грузовику, пока тот не исчез из вида.

– Наверняка он, – расхохоталась Бетти. – Готова побиться на полкроны, что он и есть твой рыцарь в сверкающих доспехах.

Грейс покачала головой. Джордж был добр, терпелив и требователен, но рыцарь...

Однако возможности поразмыслить над этим не было: оставалось совсем мало времени, чтобы успеть на поезда, идущие в разных направлениях.

– Ты будешь писать мне, дорогая?

Грейс обещала, хотя помнила, сколько писем ей нужно было еще написать.

«Я стану организованной. Я не потеряю связь с Бетти. Но сначала дам знать о себе старым подругам».

Только усевшись в вагон, который, как ни странно, был почти пуст, она задумалась насчет нового места. Миссис Райленд дала ей плохую характеристику. Ей грозило исключение, но вмешался мистер Эркарт, и Грейс послали в большое поместье, совсем недавно потребовавшее помощи от правительства.

– Эркарт считает, что мы еще будем гордиться вами, Патерсон, – заметила мисс Райленд, когда рассказывала о ее новом назначении. – Это большое поместье, которым владеет настоящий лорд. Правда, вы вряд ли подойдете близко к нему или его родным. Вам дадут комнату, полагаю, в помещении для слуг, так что вы будете чувствовать себя как дома.

Грейс не позволяла, чтобы ее провоцировали. И сейчас чувствовала: мисс Райленд надеется, что она ляпнет нечто дурное и дело закончится исключением. Но Грейс не дала ей такой возможности.

«Как она могла так легко обмануть меня? – спросила себя Грейс. – Я считала ее добрым равнодушным человеком».

Мисс Райленд резко отвернулась, словно услышала мысли Грейс. Она предпочитала спрятать лицо, а не смотреть ученице в глаза. Она спокойно постояла несколько секунд и снова обернулась к Грейс, очевидно взяв себя в руки.

– Вы понимаете фразу «большое поместье»? Это не только резиденция аристократа. Оно очень велико. К несчастью для вас, его светлость поощряет стремление работников идти в армию, и сейчас он... нуждается в рабочей силе. Возможно, скоро туда приедут еще несколько квалифицированных трудармеек, но пока что вы и несколько старших рабочих, а также все, кого он сумеет найти, будут трудиться на ближайшей ферме, а также и на других, более отдаленных. Несколько пожилых мужчин и вы, Грейс Патерсон, трудармейка, будете отвечать за всю круглогодичную работу на большой ферме. Сюда входят не только ваши любимые занятия – дойка смирных коров и доставка молока, но и чистка забитых дерьмом коровников, подготовка земли, пахота, косьба, внесение удобрений, прополка, жатва. Уверена, вы выросли в лачуге, где мыши устраивают балы, но имели ли вы когда-нибудь дело с крысами? И я еще едва начала перечислять, что вас ждет. О господи, как же вы будете уставать! Уж точно не найдете время совать свой нос в дела, которые вас не касаются. Можете идти.

Теперь Грейс смотрела в окно и облегченно вздыхала. Несмотря ни на что, она добилась своего. Она трудармейка и едет работать на ферме. Она сможет справиться со всем, включая крыс, хотя при этой мысли Грейс невольно вздрогнула. Жизнь просто не может стать еще лучше.

В животе словно пузырьки лопались. «Это начало фантастической новой жизни, – твердила она себе. – Смотри вперед, в будущее и старайся помнить о прошлом только хорошее».

Ей в жизни не было так холодно.

Грейс в одной пижаме стояла у пустой кровати и хотела одного: поскорее забраться обратно. Где ее одежда? Она ничего не видит в темноте.

«Не паникуй, Грейс, – велела она себе. – Ты стоишь у кровати, а стул, на котором сложена одежда...»

Она нагнулась и шарила по кровати, пока не наткнулась на железное изголовье.

– Есть, – прошептала она сквозь стучавшие зубы. Потом вытянула правую руку и шагнула вперед, пока не наткнулась на стул, которому вчера вечером дала кличку Отвислая Задница. Одежда была аккуратно сложена на продавленном сиденье. Она ощупью перебрала горку, пока не наткнулась на трусики и поспешно их натянула. Далее – толстые и, по счастью, теплые шерстяные носки. Кремовая рубашка фирмы «Аэртекс» военного образца, зеленый теплый джемпер и, наконец, вельветовые бриджи.

– Ненавижу вас, дурацкие бриджи, – прошептала она, сражаясь с завязками у колен. Она еще не овладела искусством молниеносно надевать их и снимать.

Из-под двери пробивался горевший в коридоре свет.

– Вы проснулись, Грейс? – спросил кто-то.

– Да.

Дверь открылась. На пороге появилась женская фигура.

– Добро пожаловать в Уайтфилдз-Корт. На случай, если не запомнили названия станции – Бигглзвуд, все мы находимся в графстве Берфордшир.

Она тут же сменила тему:

– Почему вы одеваетесь в темноте?

Не дожидаясь ответа, Грейс чиркнула спичкой, которая вспыхнула и на мгновение осветила леди примерно возраста ее сестры. Только она была одета так, как оделась бы сама Грейс, получив возможность умыться и закончить одевание.

– Почему вы не взяли керосиновую лампу? – деловито, но добродушно спросила женщина.

– Мне не дали.

Загорелась вторая спичка. Женщина подошла к маленькому туалетному столику и зажгла стоявшую там свечу.

– Теперь вы найдете дорогу в туалет. Не будьте такой стеснительной. Мы все туда ходим. Если через пять минут спуститесь вниз, успеете выпить чашку чая и согреться перед дойкой. Иначе придется ждать, пока она закончится. А теперь рысью!

Грейс ринулась в туалет. Что-то в голосе женщины позволяло предположить, что она привыкла к безусловному повиновению, и кроме того, Грейс хотела чая, горячего и сладкого. Это было бы здорово, но сойдет и просто горячий.

Она в жизни не одевалась и не умывалась так быстро. С тяжелыми военными ботинками в руках она ворвалась на кухню ровно через пять минут. Миссис Лав, женщина, с которой Грейс познакомилась вчерашней ночью, – возможно, кухарка или экономка, – возилась у большой кухонной плиты, а женщина, приходившая в комнату Грейс, курила, прислонившись к буфету. Она бесцеремонно оглядела девушку и приказала:

– Джесси, дайте ей чая в оловянной кружке. Она сможет пить его на ходу.

– Да, мэм.

До этой минуты девушка не особенно верила, что есть люди, говорящие «да, мэм», но, похоже, миссис Лав из таких.

– Не глазей так, Грейс, это ужасно грубо. И возьми с собой кружку, – произнесла она и, обратившись к миссис Лав, добавила: – Мы вернемся к завтраку.

«Прозвучали ли в ее голосе предостерегающие нотки?» – пронеслось в голове Грейс.

Но она молча взяла кружку, поблагодарила миссис Лав и последовала за женщиной в темноту. Жгучий холод огрел ее, как лопатой.

– Где ваше пальто?

Пока Грейс пыталась найти слова, женщина повелительно взмахнула рукой:

– Можете не говорить: вам его не выдали. Интересно, как эта страна надеется выиграть войну?

Грейс совершенно верно предположила, что ее спутница не ждет ответа на столь важный вопрос. По крайней мере не ждет ответа от *нее*. Она пыталась глотать горячую жидкость и одновременно почти бежала в полном мраке. Может, это представитель Министерства обороны? Никогда не думала, что они поднимутся раньше рабочих или вообще появятся здесь. Неужели в честь ее первого рабочего дня?

Перед ней маячило нечто большое и прямоугольное. Грейс присмотрелась. Здание. Коровы! Чудесные теплые коровы! Что бы ни говорила Райленд, а дойка никогда не была ее любимым занятием. Но сидеть, прислонившись лбом к теплomu коровьему боку, куда лучше, чем мерзнуть на улице.

Женщина из министерства была так же помешана на чистоте, как Джордж.

– Нам удалось избежать бруцеллеза и ящура, и бог знает каких еще болезней, которым подвержены эти прелестные глупые животные. Главное – абсолютная гигиена. Каждое утро на полу будет лежать для вас чистый комбинезон, и я стану проверять ваши руки, – простите, – пока не пойму, что вам можно доверять.

– Старший дояр на учебной ферме был ужасным придирой.

– А, старина Джордж, лучший дояр на всю страну, – рассмеялась женщина. – Как видите, у нас еще нет нового доильного аппарата. Мы не пастеризуем молоко отчасти потому, что местные покупатели желают получать молоко «из-под коровы». Они любят то, что называют «разливным молоком», не бутилированным. И мы пользуемся старомодными кувшинами и бидонами. Как в случае с вами и теплым пальто, могу заверить, что прогресс не будет стоять на месте. А сейчас начнем.

Грейс огляделась. Тридцать – сорок коров терпеливо ждали дойки. Сладкий запах сена перебивался другим, знакомым, более едким, хотя не слишком неприятным. Она часто ощущала его на учебной ферме.

– Фу, – пробормотала она, уткнув нос в бок коровы, которую доила.

– Часть развлечений на ферме, – усмехнулась ее спутница. – Я начну с другого конца. Крикните, если понадобится помощь. И следите за большой Молли, третьей отсюда. Она любит сбивать ведра на пол.

«Класс», – подумала Грейс. Интересно, на всех фермах имеется корова, находящая радость жизни в том, чтобы разливать молоко? Первый день, никакого завтрака, и корова – любительница футбола. Но Молли не доставила ей никаких неприятностей, и Грейс наконец очутилась рядом с дамой из Министерства обороны и с тревогой увидела, что та подоила на пять коров больше, чем она. Грейс украдкой поглядывала на нее. Какие прекрасные руки. И на ногтях маникюр, как у Меган, только лучше.

Она глянула на свои изуродованные работой руки и вздохнула.

– Проблема, Грейс?

– Нет, мисс. Моя школьная подруга работает в Национальной ассоциации службы развлечений. Ваш маникюр напомнил мне о ней.

– Ну при каждодневной дойке долго он не продержится. Следовало бы обрезать ногти, но времени не было. И пожалуйста, не называйте меня «мисс». Я дочь его светлости. Вношу свою лепту. Зовите меня леди Элис. Итак, можете найти дорогу на кухню? Идите. На завтрак вам дается полчаса. И как можно скорее назад, развозить молоко.

Грейс поспешила в дом. Мозг работал так же быстро, как ноги. Она доит коров вместе с дочерью лорда! Обязательно нужно написать об этом Дейзи! И женщина вполне обычная, стройная и элегантная, с красивыми каштановыми волосами и нежно-сливочной кожей, и лучше Грейс умеет доить! Представить только! Война делает с людьми странные вещи, верно? На леди Элис была униформа трудармейки, совсем как у Грейс, если не считать чудесного теплого пальто.

– Я тоже вношу свою лепту, – повторила она вслух.

За длинным деревянным кухонным столом сидели двое мужчин. Грейс на секунду поколебалась.

– Если ты на завтрак, садись, – велела кухарка. – Это всего лишь мужчины. Они не кусаются.

Один из мужчин рассмеялся, и Грейс заметила, что он довольно молод.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – сказал он, разводя руки на размер стола, словно приглашая в объятия. – Мы непатриотичные кончиз^[3]. – В его голосе звучали нотки сарказма.

– Мы те, кого называют пацифистами, но тоже выполняем свой долг и действительно не кусаемся, – добавил друг молодого парня.

Грейс вспыхнула и уселась как можно дальше от мужчин. «Кончиз? Сознательные отказники».

Она слышала о таких людях, чьи принципы не позволяли им сражаться на фронте. Но это еще не делает их непатриотичными.

– Тише, Джек. Ты пугаешь девочку, – покачал головой старший мужчина. – Она приехала только вчера ночью и, должно быть, считала, что придется работать в одиночку. Мы чистим канавы, так что вы будете видеть нас только за столом.

Грейс нерешительно улыбнулась. Она привыкла к мужчинам рабочего класса, как этот, но высокий и какой-то сдержанный, но при этом шутливый Джек с его бархатным голосом – нечто совершенно иное.

Перед ней поставили тарелку, и она тут же забыла о мужчинах. Бекон, два яйца, картофель, жаренный в жиру от бекона. Не важно, сколько придется работать, лишь бы кормили, как сейчас.

– Спасибо, – почти благоговейно прошептала она. Трудно не сравнивать эту еду с тем, что давали на учебной ферме. Никаких отдельных горшочков. На столе стояли две большие миски с маслом и джемом.

– В заварнике чай, – сообщила краснолицая кухарка, возвращаясь к плите. – Налей себе сама.

Грейс искоса поглядела на круглый коричневый чайник. Сумеет ли она поднять его и налить, не разбрызгав чай?

– Эта тростинка никогда не поднимет такой тяжелый чайник, – заметил пожилой мужчина. – Джек, ты сидишь ближе.

Джек молча налил Грейс чаю. Она не привыкла быть объектом общего внимания, но, смущаясь, поблагодарила за проявленную доброту и стала есть.

Некоторое время все молчали, и Грейс гадала, не покажется ли наглым с ее стороны затеять

беседу. На учебной ферме все трещали целыми днями. Почему эта ферма должна быть иной?

– Тяжелая это работа – чистить канавы.

Мужчины глянули на нее и без единого слова уткнулись в почти пустые тарелки.

Атмосфера в комнате, и без того тяжелая, стала по-настоящему сложной.

– Для уклонистов всякая работа недостаточно тяжела, – ехидно заметила кухарка.

Мужчины на мгновение застыли, но тут же снова принялись за еду.

Грейс собралась с храбростью.

– Это одна из важнейших работ на войне, – тихо пояснила она. – Лекторы учебной фермы говорили, что до тридцать девятого года в Англию импортировалось больше половины продуктов. Теперь нашим фермерам предстоит удвоить или утроить количество производимой продукции, и если канавы не будут очищены, поля не получают орошения и урожай сгниет.

Окончательно смутившись, она глотнула чая и встала, чтобы идти. Кухарка тоже поднялась, сложила руки на груди, и, судя по выражению ее лица, Грейс опять ухитрилась нажать себе грозного врага.

– Я Гарри Макманус, – сказал жилистый пожилой мужчина, вставая, – и спасибо, маленькая защитница. А молодой парень – Джек Уильямс. Он учился на доктора, спасать жизни даже таких, как она.

Он кивком показал на грузную фигуру кухарки.

– Раньше я водил автобус. Но на ферме мне нравится. А ты как сюда попала?

– Вы здесь, чтобы работать, а не молотъ языками над чашками, – прошипела кухарка, усилив свои позиции.

Грейс улыбнулась Гарри:

– Пошла добровольцем. А сейчас мне нужно разносить молоко.

Мужчины вышли из кухни.

– Если только ее светлость не замерзла до смерти, ожидая тебя.

Грейс ахнула и поспешила во двор. Неужели она потратила больше получаса?

– Пожалуйста, пожалуйста, хоть бы я не опоздала, – бормотала она себе под нос и, хотя тяжелые ботинки тянули к земле, попыталась бежать.

Леди Элис сидела в грузовике, развозившем молоко, и при виде Грейс только произнесла:

– Позади вас лежит мое старое пальто. Пока что сойдет, но я позвоню насчет вашей униформы. Меня, как обычно, заверят, что обязательно все пришлют в ближайшие дни.

Она завела двигатель, и грузовик медленно выехал с фермы.

– Спасибо. Я могу подождать, леди Элис.

– Зато я не могу. Надевайте пальто.

По дороге они не разговаривали. Грейс все перебирала в голове то, что должна была сказать. Видя леди Элис в униформе, хоть и сшитой из дорогой ткани, Грейс подбирала слова, которыми можно описать ее Дейзи. Форма красивая и хорошо сидит. Так она напишет. На самом же деле форма была уродливой, мешковатой и совершенно не подходившей для зимы. Ботинки оказались ужасно тяжелы: к концу дня она очень уставала и натирала ноги до волдырей. Но по крайней мере до нее никто не носил эту одежду. Она принадлежала исключительно Грейс.

– Кошка проглотила ваш язык? – спросила наконец леди Элис. – Расслабьтесь. Когда мы доберемся до деревни, которая, кстати, называется Уайтфилдз Виллидж, возьмите мерную банку, которая лежит сзади, рядом с маслостаканами, наполните молоком и идите в первый дом. Постучите, и, если не ответят, зайдите: дверь окажется открыта, и мерный кувшин хозяйки будет стоять на буфете или на столе. Наполните его и направляйтесь в следующий дом. Возможно, один-два человека уже проснулись, завтракают, готовятся к школе или работе. Просто скажите: «Привет, я Грейс», и все у вас получится. Вопросы?

– Нет, леди Элис. Спасибо за пальто.

– Работников нужно ценить. Все, я останавливаюсь. Сначала пальто, потом молоко.

Грейс протянула руку к свертку у хозяйки и нащупала что-то мягкое. Она схватила ткань и потянула.

– Вам потребуются обе руки, Грейс. Оно большое.

Грейс потянула обеими руками, и пальто, прекратив борьбу, сползло на переднее сиденье. Грейс завороченно уставилась на него.

– Леди Элис... – начала она.

– Ему уже двенадцать лет. Но, думаю, оно согреет вас, пока интендантство не приведет свои дела в порядок. А сейчас, ради всего святого, наденьте его и разнесите молоко.

Темно-коричневое кожаное пальто с меховой подкладкой было очень тяжелым. Вес удивил девушку, когда она его натянула. Такое длинное, что доходило почти до щиколоток, и сильно затрудняло ходьбу. Но Грейс была уверена, что даже если ляжет на тротуар, все равно в этом пальто ей будет тепло и уютно.

Она даже улыбнулась.

– Экспериментировать я не собираюсь, – сказала она вслух, подходя к первому дому. Постучала, открыла дверь и оказалась в маленькой темной комнате. Судя по запаху, на угли высыпали картофельные очистки в бесплодной попытке оставить их гореть до утра. Она едва различила очертания кувшина на деревянной столешнице. Наполнила его и поспешила выйти. Грейс росла в бедности, и вид этого дома был таким же угнетающим, как и вид ее собственного дома в детстве.

В следующем домике была зажжена газовая горелка. Женщина с усталым лицом нагнулась над огнем, на котором кипела кастрюля.

– Спасибо, мисс, – произнесла женщина с улыбкой. – Вы новенькая. А куда девалась прежняя девушка? Вернее, женщина, гораздо старше вас. Я бы сама пошла в армию, если бы не та троица наверху, которая ждет свою овсянку.

Она перестала мешать что-то в кастрюле и выпрямилась.

– И еще один в пути. Вот кувшины. По пятницам я беру двойную порцию: парнишкам сестры на ужин.

Грейс наполнила кувшины, с улыбкой попрощалась и поспешила к грузовику.

– Мне следовало предупредить вас о Пегги. Она способна заговорить любого до полусмерти, только дай ей возможность. Славная женщина и хорошая мать. Но у нас нет времени на болтовню. Полагаю, с детьми труднее, чем с животными, потому что они точно дают знать, когда голодны. Но поскольку я не мать, должна заметить, что животные так же важны. Это шокирует вас, Грейс?

У Грейс не было времени ответить, даже если бы ей в голову пришли нужные слова. Меган уж точно считала любое дело куда более важным, чем единственный ребенок, о котором ей приходилось заботиться. Но не все так эгоистичны, как Меган.

Леди Элис хорошо знала округу и без усилий управлялась с грузовиком, развозя быстро уменьшавшийся запас молока по узким темным улочкам и переулкам, пока последний человек в деревне не получил свое.

– Вы водите машину?

Вопрос удивил Грейс, которая, закрыв глаза, незаметно задремала.

– Нет, леди Элис. Я могу ездить на велосипеде и не боюсь болтаться на широкой спине какого-нибудь мерина, но большего от меня ждать не приходится.

Леди Элис издала неподобающий леди звук вроде хрюка.

– Если мы когда-нибудь будем развозить молоко верхом на лошади, я вспомню о ваших

талантах, но сейчас нам очень нужны водители. Иначе я до конца войны буду крутить баранку.

Грейс вспомнила о своих подругах, Дейзи и Роуз Петри. Обе не только водили, но и умели чинить машины. Их научили этому отец и братья.

– Никто из мужчин не водит, леди Элис?

– И сколько мужчин вы видели в поместье? Большинство молодых холостяков пошли в армию после вдохновенной речи в деревенской мэрии. Думаю, представляли, как возвращаются домой героями. Помогите им боже. Женатые остались. У нас есть несколько немолодых работников с горами знаний и опыта и парочка ушедших на покой стариков, которые решили вернуться. Они живут либо в поместье, либо в деревне – работают полный день. «Работа на фермах держит вас в форме» – неплохой слоган, верно? Но никто даже трактором не умеет управлять.

– Но те двое на кухне... – начала Грейс.

– Вы глухая? – вспыхнула леди Элис. – Нет никаких мужчин...

Она осеклась, подумала немного и начала снова:

– Простите. Вы имели в виду сознательных отказников. Я забыла о них. Как и вы, они только что прибыли. Да, они мужчины, и, полагаю, вы правы, и есть шанс, что кто-то из них водит машину. Но они сильны, а потому должны пилить деревья и рыть канавы – весьма разумное использование возможностей, не находите?

Грейс надеялась, что от нее не ждут ответа, хотя что-то в голосе леди Элис заставило гадать, о чем думает хозяйка. Сама она считала, что студенту-медику лучше всего и дальше изучать медицину, но кто она такая, чтобы высказывать свое мнение?

Бледно-серый свет раннего утра стал разливаться по небу. Грейс села прямее, стараясь разглядеть дом, где жила теперь. Прошлой ночью она успела заметить только гигантскую постройку в конце подъездной дорожки, которая была длиннее, чем Дартфорд-Хай-стрит.

– Господи, – прошептала она при виде огромного великолепного здания из желтовато-серого песчаника, великолепные пропорции которого поразили ее. Центральная часть дома, высившаяся гордо и почти вызывающе между боковыми крыльями здания, словно подчеркивала значимость происходящего. Множество окон выходило на сотни акров садов и лугов. Позже Грейс узнала, что здание построено в стиле эпохи короля Якова Первого.

Но сейчас она могла только ахать и восхищаться.

– Целый дом для одной семьи! Он больше, чем все дома на нашей улице, вместе взятые!

– Да, это нечто, – согласилась леди Элис. – Никто никогда не думает всерьез о доме, в котором живет. Уайтфилдз-Корт изначально являлся монастырем. Его построили в шестнадцатом веке. Потом он был пожалован моей семье вместе с большей частью земель и окружающих деревень по причинам, о которых лучше не упоминать. Генрих VIII решил облагодетельствовать моего предка как раз перед своей смертью...

Она остановилась на дорожке, словно для того, чтобы лучше видеть дом.

– Много земель было распродано, разумеется. Честно говоря, я никогда не могла сказать, хорошо это или плохо. Я имею в виду пожалованный дом, а не продажу земли и не кончину бедняги Генриха.

– Но он прекрасен, ваш дом.

Леди Элис снова завела двигатель и проехала мимо сверкающих окон на переднем фасаде ко входу, где и припарковалась.

– Красота от дождя не защитит. Выходите. Ланч в час дня на кухне, но теперь я хочу, чтобы вы отправились в выложенный плиткой амбар около коровника. Боб Хейзел, один из наших стариков, ждет там, чтобы показать вам ферму и объяснить, чего от вас ожидают. Увидимся в коровнике завтра утром.

Она подняла руку, то ли отпуская Грейс, то ли прощаясь, и направилась к черному ходу. Грейс, сознавая, что ее ждут, поспешила к амбару.

Сначала ей показалось, что там пусто: вокруг тихо и мирно, стоит приятный аромат сена, хотя со своего места у порога Грейс не видела ни одной вязанки.

– Привет! – позвала она. – Мистер Хейзел!

– Так вы наша трудармейка? Не собираюсь бросать грубые реплики относительно ваших размеров, зная, что в маленьких свертках часто бывают самые ценные подарки, – издалось откуда-то из амбара.

Грейс подавила смешок, поскольку старик, показавшийся из-за большого ящика, вряд ли был на дюйм выше ее самой и так же худ. Но рука, сжавшая ее пальцы, была жесткой. Она смотрела в лицо мужчины и видела в нем силу и терпение.

«Слишком поспешно, Грейс. Ты слишком поспешно судишь о людях и обычно ошибаешься».

– Доброе утро, мистер Хейзел.

– Просто Хейзел. Все говорят, что я похож на усохший орех^[4].

Он пристально оглядел ее:

– У вас много опыта?

– Четырехнедельный курс, сэр... Хейзел, и когда-то я пыталась выращивать овощи в саду.

Он немного помолчал. Грейс рассматривала свои ботинки.

– Пойдемте, я вам все покажу. Здесь можно многому научиться. Как рос ваш сад? – слегка улыбнулся он.

– Мороз кое-что убил.

– Бывает.

Очевидно, Хейзел был человеком немногословным.

Через несколько часов Грейс одновременно устала и воодушевилась. Ферма при доме занимала почти две тысячи акров. Но неугомонный Хейзел заверил Грейс, что она вовсе не обошла, как считала, всю ферму. Зато она увидела многие и многие акры молодой пшеницы, несколько полей, которые еще нужно было расчистить и вспахать, пасущихся коров, цветущую живую изгородь, деревья, которым, должно быть, исполнилось не менее сотни лет, канавы в различном состоянии, огороженные участки, на которых блаженно спали свиньи, несколько коттеджей с ухоженными садами и множество хозяйственных построек, старых и современных.

– Мы любым способом должны освоить все земли. Правда, продали или отвели на бойню большую часть скота, но коровы и свиньи крайне важны для фронта. В саду гуляют куры, и если мы получаем больше яиц, чем нужно мне и миссис, я приношу их сюда. Мы выращиваем пшеницу, картофель, ячмень, морковь, свеклу...

Он осекся, и Грейс стало грустно при виде его лица.

– Когда я начинал здесь, более сорока лет назад, это место было раем. Мы выращивали все, даже персики и дыни. Ты когда-нибудь пробовала персик, Грейс?

– Да, консервированный.

– Тогда, поверь мне, ты никогда не ела персиков. Прямо с дерева, теплый в твоей ладони от солнца, нагревающего его. Вгрызаешься в него, и сок, сладкий сок, вкуснее которого ты никогда не пробовала, бежит по подбородку. А теперь мы оставили только самое основное. И у меня нет рабочих. Будь его светлость здесь, может, работу бы и ускорили. Но леди Элис работает так же много, как я, хоть и знатная дама. Она раздобыла нам трактор. Сама его водит, благослови ее боже, и учит меня, и пахота с трактором идет живее. Для тебя заказали новый – «Масси-харрис». Знаешь что-нибудь о них?

– Я не могу водить машину.

Худое лицо Хейзела сморщилось от смеха.

– Возлюби тебя боже, девочка, эта модель сама ездит!

Грейс попыталась улыбнуться. Хорошо, что солнце поднялось, и вокруг такая красота!

Они прошли по течению ручья, видели массы крошечных желтых примул и даже кустики розовых. Грейс восхищенно нагнулась, чтобы рассмотреть изящные цветочки. Разрешат ли ей набрать букетик для комнаты?

Она чувствовала, что где-то давным-давно видела такие ковры весенних цветов.

«Только не в Дартфорде», – твердила она себе, хотя на ферме, куда пробралась вместе с Дейзи, были примулы.

Она пыталась воскресить воспоминания, но мешал голос Хейзела. Мужчина показал на маленький коттедж:

– Это мой. Мы с миссис живем здесь. Пока что электричества нет, но мы со временем подсоединимся к общей энергостистеме как старейшие работники. Дождаться не могу. У нас есть кролики, и я выращиваю цветы в переднем палисаднике. В основном розы, но я люблю хризантемы. Осенью здесь просто выставка хризантем.

– Мне не терпится их увидеть, – сказала Грейс.

На лице старика мелькнула тень сомнения.

– Не думаю, что ты здесь долго протянешь. Слишком много работы...

Он помолчал, словно ожидал возражений.

– Вижу, ты девочка стойкая, и мы сможем кое-что сделать. Но при самых благих намерениях, если сюда не пришлют трудармеек или даже заключенных, сделать что-то по-настоящему невозможно. Его светлость собирается принять семьи беженцев. Комнат много, почти все пустуют, и он надеется, что они помогут на ферме.

– На ферме такого размера необходимы десятки работников. Леди Элис сказала, что все молодые люди ушли в армию.

– Его светлость вызвали в Министерство обороны, и мы почти его не видим. Иногда приезжает по уик-эндам, чтобы составить компанию ее светлости, но всецело посвящает себя работе на победу. Возможно, не следовало говорить тебе, но молодой человек леди Элис тоже ушел в армию, как только объявили войну, вместе с другими мужчинами. Так больше шансов послужить родине.

– Но фермеров на войну не берут.

– Работа очень скучная, если просто выполняешь свои обязанности. Думаю, для этого нужно родиться. Молодежи нравятся мундиры, нравятся возможности повидать мир. Я тоже таким был во время Великой войны^[5] и вместо мира повидал множество залитых кровью окопов. Лучшим днем моей жизни был тот, когда война закончилась и я смог вернуться сюда.

– И вы жили здесь всю жизнь?

– Да, если не считать того времени, когда был на фронте. Родился тут, как мой отец, дед и множество прадедов. Мы приехали сюда одновременно с семьей графа. Мы – опора Англии. Что еще нужно человеку, кроме хорошей жены, хорошей работы и порядочного хозяина?

«Как чудесно быть всем довольным...»

– Где сейчас работники фермы, Хейзел?

– Встретишь всех за ужином. Каждую пятницу по вечерам мы с леди Элис составляем график работ. Миссис Лав умеет читать и вывешивает на кухне копию. Кстати...

Он вопросительно уставился на Грейс.

– Ты поладила с Джесси? Она хорошая женщина, вдова, и ее сын ушел во флот.

Похоже, он немного сомневался в отношении этого вопроса, а Грейс не хотела, чтобы он тревожился, потому что ответила:

– Конечно, Хейзел, она готовит потрясающие завтраки.

Судя по всему, его обрадовал ответ.

– Вот и хорошо. Иногда она бывает резкой. Волнуется за своего мальчика. Не помнит, когда в последний раз получала от него письмо.

Грейс кивнула. Она все понимала. Но это напомнило ей, что вечером нужно написать подругам в Дартфорд. Почему она никак не соберется? Что ее удерживает? Подруги наверняка захотят услышать о леди Элис и Хейзеле, о милом старом Гарри и... Джеке.

Грейс вдруг осознала, что почти очарована Джеком. Его образованием, голосом, очарована больше, чем леди Элис или старым Гарри. А ее подруги? Как часто все четверо клялись, что будут вечно верны друг другу, их дружбе?

И все же она находила причину за причиной не сообщать о своей жизни.

– Я стыжусь себя, – выговорила она вслух, когда Хейзел пошел проверить, заперты ли ворота в поле. – Подруги дали мне столько счастья и нечто вроде чувства безопасности, а я отблагодарила их, сбежав из дома, ночью, как воровка. Они вряд ли простят такое...

К обеду Грейс уже одолевал здоровый аппетит. Но она остановилась, чтобы снова оглядеть дом. Значит, эти помещения – огромная кухня и спальни над ней – расположены в самой старой части величественного исторического здания?

Грейс вздрогнула от восторга. Она окружена историей Англии!

Она вымыла руки в глубокой каменной раковине буфетной и вместе с Хейзелом вошла на кухню.

Старик поприветствовал миссис Лав, стоявшую у большой железной плиты и помешивавшую что-то аппетитно пахнущее, и повернулся к мужчинам, которые сидели по обе стороны деревянного стола.

– Это наша трудармейка, Грейс Патерсон. Она не особо опытна, но приехала с прекрасными рекомендациями, и нам повезло ее заполучить. Думаю, можно не просить помочь ей, когда увидите, что она в этом нуждается?

Он показал Грейс на стул справа:

– Садись, а я обойду стол и познакомлю тебя со всеми, кто здесь есть. Сначала Уолтер Грин, главный дояр. Он и за свиньями ухаживает. Дейв Семпл, Исо Янгмен и Морис Фокс, работники фермы. Вряд ли есть что-то, чего они не знают о земле, так что не стесняйся спрашивать. Джек Уильямс и Гарри Макманус. Их ты уже знаешь. Они делают важную работу, и мы рады видеть их здесь...

Неужели Грейс различила суровую ноту в голосе старика, ощутила предупреждение? А если так, кого он пытается предостеречь?

Трое из четверых мужчин, которых она увидела впервые, были немолоды, лет пятидесяти по крайней мере, но на вид, как и Хейзел, казались сильными. Дояр Уолтер Грин, который с застенчивой улыбкой кивнул ей, был помоложе, но выглядел таким здоровым, что трудно было определить его возраст.

Все молчали, пока миссис Лав разносила большие тарелки с густым овощным супом. Посреди стола лежали два круглых карава с поджаристой корочкой, которые Хейзел нарезал на толстые ломти. Грейс восхищенно взидала на тарелку с золотистыми завитками свежего сливочного масла. Кто-то, возможно, миссис Лав, приложил немало усилий, чтобы сделать стол привлекательным.

Она вспомнила свое прибытие на ближайшую станцию, где пришлось отдать половину талона за сэндвич, намазанный маслом. Миссис Лав, однако, забрала ее продуктовые карточки без всяких замечаний.

Грейс с радостью взяла большой ломоть хлеба, когда ей передали тарелку. После супа, который сам по себе мог заменить половину обеда, миссис Лав принесла блюдо с измельченным колбасным фаршем, луком и клецками. Тоже вкусно!

Под конец подали чай и ломтик бисквита, намазанный джемом.

Хорошо, что обед был таким сытным, потому что после него Грейс два часа пропалывала поле с побегами кукурузы. Хейзел дал ей короткую мотыгу, называемую тяпкой, объяснил, как ею пользоваться, напомнил, что она должна быть в коровнике в половине четвертого, время дневной дойки, и оставил одну. Она стояла на краю бескрайнего поля и оглядывалась. Во всех направлениях тянулись ряды кукурузы. Она вдруг представила, как затеряется в поле и ее никогда не найдут.

«Нет уж, Грейс Патерсон, ты точно должна найтись к половине четвертого, иначе леди Элис будет тебя искать», – пробубнила она про себя.

Поплевала на руки, как это делал Хейзел, и начала. Правда, иногда боль в спине заставляла ее остановиться и передохнуть. Она завопила от боли, когда попыталась выпрямиться. Быстрый взгляд на часы подсказал, что ей осталось тридцать пять минут, чтобы найти дорогу в коровник, где ее будут ждать не менее тридцати коров. Она умирала от желания сесть, прижавшись лбом к теплому боку коровы.

– Никогда в жизни так не уставала, – сказала она вслух и даже растерялась, услышав свой голос в мертвенной тишине. Весь день она ничего не слышала, кроме постукивания тяпки да жужжания пролетающих насекомых.

Грейс оглядела ряд, который пропалывала. И расстроилась, увидев, что едва успела пройти половину. Следует ли вернуться к прополке, когда дойка закончится, или придется снова разносить молоко? Если так, когда же ей полоть?

Дни становились длиннее. Она могла полоть перед чаем и после. Если не считать боли в пояснице, Грейс испытывала одно лишь счастье, вдыхая теплый весенний воздух. Но перед глазами стояло пугающее видение сорняков, растущих быстрее, чем может прополоть одна девушка.

Хейзел рассердится: разве он не сказал, что такая работа не по ней? И что скажет леди Элис?

– Выглядите усталой, Грейс, – вот все, что сказала ее светлость, когда девушка пришла в коровник. – Прополка – штука чертовски утомительная. Но у вас есть преимущество: людям высокого роста приходится намного хуже.

– Да, леди Элис, – не задумываясь ответила Грейс, но женщина уже подошла к своим коровам и принялась за работу.

Весь остаток дня тишину прерывал только звон молочной струйки о дно ведра, шарканье копыт, мерный шум жующих животных и стук наполненных ведер, передвигаемых по каменному полу.

Наконец дойка была закончена.

– Мы перегоним их на восточное поле. Там за ними присмотрит Уолтер. Сколько ты прополола? Ряд хотя бы закончила?

Грейс покраснела от стыда и, к своему удивлению, услышала смех леди Элис.

– Бедняжка Грейс! Я шучу! Тебя сменили двое мужчин. Пойди выпей чая и помоги им до ужина.

«Что она имеет в виду? Они уже пообедали?»

– Чай, Грейс, вечерняя еда, – пояснила леди Элис, правильно истолковав недоумение на лице девушки. – В моей семье приняты завтрак, ланч, обед и между ланчем и обедом – пятичасовой чай. Не волнуйтесь, вы научитесь здесь гораздо большему, чем просто нарезать свинью. Идите, чашка чая подкрепит вас. Кстати, в оловянной пивной кружке на правой стороне каминной доски лежит маленький кусочек шоколада. Угощайтесь.

Шоколад. Когда ей в последний раз доводилось есть шоколад? При одной мысли об этом у нее слюнки потекли!

Грейс поспешила на кухню и обрадовалась, что там никого нет. На плите, как обычно, стояли тяжелый заварник и плюющийся паром чайник побольше с кипящей водой для тех, кто предпочитал напиток послабее.

На каминной доске из резного камня красовалась очень старая пивная кружка. Шутила ли леди Элис или внутри действительно спрятано лакомство?

Она встала на носочки и достала кружку. Подняла крышку, заглянула... внутри лежало что-то, завернутое в бумагу. Грейс нерешительно вытащила это, понюхала... шоколад! Какого ей

хочется? «Кэдбериз» с орехами? Молочный или крем-кофе? Или нет, даже лучше: «Дунканс», с лесным орехом?

Развернув бумагу, она нашла два квадратика «Баркерз энд Добсонз» и «Фрут энд нат».

– И что это ты вытворяешь?

Грейс от неожиданности вздрогнула и едва не уронила шоколадку в огонь.

Миссис Лав злобно уставилась на нее, и Грейс на секунду дрогнула. Но стряхнула страх, нагнулась и подняла с пола шоколад.

– Я взяла шоколад ее светлости, чтобы съесть с чаем, но, как выяснилось, ненавижу «фрут энд нат».

Она уронила шоколад в мусорную корзинку, которая стояла под раковиной, и молча вышла из кухни.

Приступ храбрости длился ровно до той минуты, пока она не оказалась во дворе. Ноги дрожали и подгибались.

– Снова я ухитрилась напортачить, – пробормотала она. – Здорово мне удастся раздражать людей. И чем все это кончится на этот раз?

Быстро шагая к кукурузному полю, Грейс едва сдерживала слезы при мысли о том, что она не хочет отсюда уезжать, что ей нравятся Хейзел и леди Элис, хотя она не успела поесть.

Ощущение одиночества еще усилил дождь, и к тому времени, как Грейс добралась до поля, лило так сильно, что она почти ничего не видела. На учебной ферме ей внушали, что плохая погода – не причина для остановки работы, поэтому она пыталась отсчитать ряды, чтобы понять, где начала и где оставила тяпку.

– Она здесь, дорогая.

Из серой пелены показался мужчина постарше. Грейс, отчаянно пытаясь вспомнить, кто это, взяла тяпку и поблагодарила его.

– Исо Янгмен. Легко запомнить. Я самый старый, – улыбнулся мужчина.

Девушка рассмеялась.

– В дождь полоть легче. Не то что когда земля замерзла. Почему бы тебе не закончить этот ряд? Я возьму следующий.

Исо работал так быстро, что вскоре Грейс видела только его смутный силуэт далеко впереди. Она пыталась подражать ему, но промахнулась и обрубилa росток кукурузы.

– Черт!

Она снова попробовала и ударила себя по подбородку. Поморщилась и решила, что с первой попытки не сможет стать мастером прополки. Но к ее удивлению, с работой быстро приходил опыт. Время от времени она ударяла себя тяпкой по ногам, но если и попадала по растению, то удар был скользящим, от такого росток наверняка оправится.

Дождь продолжался. Она закончила первый ряд, довольная своими достижениями, и поискала взглядом Исо. Но тот уже успел прополоть несколько рядов.

Грейс промокла до нитки. На ней была шляпа, но волосы выбились и прилипли к щекам. Она сняла перчатки, чтобы тяпка не скользила, и руки так замерзли и вымокли, что начали болеть. Но дождь продолжался. А Исо по-прежнему методично поднимал и опускал тяпку.

– Он старик, – сказала себе Грейс. – Должно быть, ему лет шестьдесят, но взгляните на него! Промок еще сильнее, чем я, и ни одной жалобы! Сколько всего успел сделать, а я только на второй ряд перешла.

Она вытерла рукой мокрое лицо – платок хоть выжимай – и сжала тяпку.

– Все, Грейс, кончаем работу. Пора выпить чашечку горячего чая, – объявил Исо, шагая навстречу ей.

– Не могу, я только начала.

– Ты промокла насквозь, девочка, и если заболеешь, какая от тебя будет польза? Джесси уже согрела воды для ванн. Пора и ужинать. Пойдем.

Видя, что Грейс колеблется, Исо схватил ее за руку и потащил за собой.

– Подумай головой. В поместье нет ни одного человека, от его светлости до меня, который ожидал бы от тебя работы в такую погоду. Мы хорошо потрудились, а ты еще и доила. Беги! Сорняки и все их родственники будут здесь и завтра.

Они бежали, почти утопая в грязи, цеплявшейся за ботинки, и, когда добрались до кухонной двери, выглядели так, словно принимали грязевые ванны. Миссис Лав встретила их и, к всеобщему удивлению, принялась журить Исо:

– Поскорее иди к камину, обсохни, старый ты дурень! Всегда последним кончаешь работу. А ты, Грейс, отправляйся наверх, прими ванну, а я поставлю чайник на огонь.

Девушка повернулась, чтобы уйти, но миссис Лав остановила ее. И долго колебалась, прежде чем неловко пробормотать:

– Я говорила с леди Элис насчет шоколада. Извини, иногда я слишком несдержанна на язык. Обещаю в будущем за ним следить.

– Все в порядке.

Перед Грейс никогда раньше не извинялись, и она слегка смутилась, не зная, что сказать.

И смутилась еще больше, когда нашла на кровати популярный журнал «Вуменс оун», а на подушке – плитку шоколада «Кэдбериз» с орехами. Грейс взяла шоколадку и понюхала. Чудесно. Должно быть, от миссис Лав с предложением мира. Но она настаивает, чтобы та взяла половину.

Все еще не раздеваясь, она пролистала журнал: рассказы, схемы вязания, полезные советы. Она прочитает их после ужина.

Грейс схватила полотенце, сухую одежду и поспешила в ванную. Кажется, кроме нее, никто ею не пользовался. Она одна жила в этой части дома. Но это изменится, когда придут другие трудармейки.

Объявление над огромной ванной на массивных львиных лапах предупреждало, что пользоваться горячей водой можно только при настоятельной необходимости. Грейс, уже начавшая оттаивать, подумала, что для этой ванны потребуется так много воды, что это будет верхом роскоши. Поэтому придется налить как можно меньше. А если вода понадобится леди Элис?

Грейс со вздохом отбросила гедонистические мечты, в которых вода доходила ей до носа, и открыла кран. Но ванна была так огромна и глубока, что даже через несколько минут вода едва покрыла дно.

Грейс разделась и села в ванну, рассматривая синяки на ногах.

«Как будут выглядеть к воскресенью мои несчастные ноги?»

Сидеть в горячей воде было восхитительно, но плечи замерзали. Она еще раз открыла воду: величайшая роскошь, – легла и обнаружила, что на этот раз уровень воды значительно поднялся. Она долго лежала, пока вода не остыла, потом села и стала скрести лицо и тело тряпочкой, намыленной крошечным квадратиком карболового мыла, который нашла в мыльнице.

Запах напомнил ей о чем-то. Она вздрогнула.

«Ванна где-то в другом месте, и мне она не нравится – из-за мыла?»

Грейс положила обмылок обратно в мыльницу, тянувшуюся поперек ванны, и встала. Вытираясь, она думала о своем детстве, которого как следует не помнила, но о котором намеревалась узнать как можно больше. Она спросит Меган.

Черт! Она снова говорит об этом вслух? Меган не отослано ни единого письма. Впрочем, ей наверняка совершенно все равно, так что сначала она напишет друзьям.

Девушка оделась, но не в униформу, поскольку с работой на сегодня покончено.

Платье с короткими рукавами в бело-зеленую полоску было куплено перед отъездом из Дартфорда. В тренировочном центре она считала его идеальным, подходящим на любой случай: красивый бант из той же ткани на шее можно снять, оставив небольшой овал обнаженной кожи.

Довольно вызываяюще, решила она в то время. Однако сейчас не сняла бант, поскольку чай вряд ли можно считать важным мероприятием.

Она ожидала увидеть всех работников фермы, но на кухне были только Исо, Гарри и Джек, который при виде девушки встал.

Какой сюрприз! Она видела, как мужчины встают, когда в комнату входит женщина, но никто не делал этого ради Грейс Патерсон. Она замерла от восхищения и, садясь, улыбнулась ему.

– Хорошо выкупалась? – спросила миссис Лав и, поставив перед Грейс тарелку с двумя большими печеными картофелинами и горой тертого сыра, нервно улыбнулась.

Грейс поняла, как важно то, что она скажет и сделает сейчас. Возможно, ее попросят остаться на этой ферме до конца войны. И жизнь может стать неприятной, если она не поладит с кухаркой.

– Идеально, миссис Лав, лучшей ванны не видела в своей жизни! И друг, – она подчеркнула это слово и поколебалась, прежде чем продолжить, – друг оставил мне плитку шоколада.

Она посмотрела на терпеливо ожидавших голодных мужчин.

– Плитка достаточно велика, чтобы каждому достался квадратик.

Миссис Лав снова улыбнулась и хотела что-то сказать, но вмешался Гарри:

– По-моему, я видел велосипед почтальона. Значит, у тебя появился воздыхатель, юная Грейс. По-моему, он хотел бы, чтобы ты все съела сама и при этом думала о нем, кладя в рот каждый восхитительный кусочек. Молодой Джек читал вчера что-то насчет введения норм на сладости. Вроде ты говорил об этом? – закончил он, повернувшись к Джеку.

Но тот не ответил. Зато заговорил Исо.

– Никакого шоколада до чая. Джесси, ты, случайно, не вынимала оленью колбасу? Такое угощение нам было бы очень полезно, по крайней мере, так всегда говорила моя покойная жена. А дичь из Шотландии... Никогда раньше не ел что-то подобное? – спросил он Джека, но продолжил, не ожидая ответа: – У его светлости есть замок в Шотландии. Там олень и добыт.

Миссис Лав заканчивала ставить тарелки перед мужчинами. Она и в обед это делала. И не ела вместе с ними, а оставалась у плиты, подбрасывала уголь в огонь и возилась с огромным почерневшим чайником, стоявшим на конфорке.

– Завтра подам оленью колбасу. И да, Исо, ее привез друг его светлости. Целую коробку. Прошлогодняя добыча, конечно, но так даже лучше. Олени целый год щипали траву. Зимой они, как коровы и овцы, нуждаются в помощи фермеров.

Возможно, короткая лекция об уходе за животными была чересчур обременительна для голодных работников, потому что с этой минуты тишину нарушали только скрип ножа о тарелку или случайное покашливание.

Миссис Лав повернулась к Грейс и Джеку:

– Не правда ли странно, что мы держим мясо в морозилке, а большая часть огромного поместья все еще не имеет электричества и не пользуется достижениями «Нэшнл Грид»?^[6] У нас есть несколько устаревших генераторов, и, поверьте, графу не терпится от них избавиться. Он предложил принять в дом беженцев. Он и леди Элис, разумеется, знают, сколько комнат в этом великолепном старом доме пустует. Перемещенные лица из Европы найдут здесь приют, а если будут морозилки и холодильники, мы сможем сытно их кормить.

– Остальные не едят с нами, миссис Лав?

Голос Грейс прозвучал неестественно громко в огромной комнате и прервал рассуждения

экономки.

– Остальные идут по домам. Исо обедает здесь, но сам варит овсянку по утрам, верно, дорогой?

– Я и ужин могу сготовить, не так вкусно, как у тебя, но сумею состряпать неплохую ячменную похлебку.

Снова молчание.

Наконец, когда атмосфера стала угнетающей, заговорил Гарри:

– Видел тебя сегодня на кукурузном поле, Грейс. Прополка – работа без конца и без края.

– Как и очистка канав, – улыбнулась она в ответ.

– Мне это нравится больше, чем автобусы. Хороший свежий воздух, нет недовольных пассажиров, и молодой Джек любит все объяснять: нет того, чего бы он не знал.

Джек явно смутился.

– Ничего не знаю об автобусах.

– Ты можешь водить машину? – спросила Грейс, вспомнив утренний разговор с леди Элис. Парень опять словно сжался, а девушка подумала: «Неужели можно стесняться очевидных преимуществ?»

– Прости, Джек, не хотела совать нос в твои дела. Просто леди Элис нужна помощь, чтобы развозить молоко, – в итоге попыталась оправдаться она.

– Если все поели, поставьте тарелки на край стола. Чай готов, и у меня есть коробка печенья «Джейкобс 1940», ассорти. Еще не открытая. По два печенья каждому.

Вопрос об умении Джека водить машину остался открытым. Грейс допила чай и вынула из жестянки одно печенье. Миссис Лав оказалась права. Несмотря на то что лакомство некоторое время пролежало в коробке, оно все еще оставалось хрустящим.

Исо выпил две чашки и быстро сгрыз свою норму печенья, после чего встал и вытер рот рукой.

– Я домой. Увидимся завтра. Прополка кукурузы, Джесси?

Миссис Лав кивнула и, встав, проводила его до двери.

Грейс тоже поднялась, пожелала доброй ночи мужчинам, которые все еще пили чай. Мыть посуды от нее не ждали, поэтому она решила идти к себе, написать два письма и поскорее лечь.

– Я положила «свинью» в твою кровать, Грейс, – заметила миссис Лав.

Грейс недоуменно нахмурилась, но тут же сообразила и засмеялась.

– Спасибо, миссис Лав. Сейчас не очень холодно, но вы так добры!

– Не хотим же мы, чтобы ты простудилась в первый же день, – заявила кухарка, исчезая в буфетной.

Грейс поспешила наверх и пробежала по крытому линолеумом коридору, туда, где начиналась дорожка, граница между помещениями для слуг и хозяйскими покоями. Это означало, что она, Грейс Патерсон, трудармейка, живет в комнатах для господ. Изменится ли это, когда приедут другие работники?

Открывая незапертую дверь своей комнаты, она лениво гадала, где ночуют Джек и Гарри, но тут же выбросила глупые мысли из головы. И прежде всего искала «свинью». Вот она, бугрится под одеялом. Миссис Лав воистину женщина контрастов: святая доброта в одну минуту и ворчливая придира – в другую.

Грейс отыскала «свинью»: большую глиняную бутылку с горячей водой, при помощи которой греют простыни или ноги.

«Меган не пользовалась «свиньями» и уж точно не делала этого ради меня. Я вообще не помню таких в доме».

И снова ее одолело раздражающее ощущение чего-то упущенного. Она никак не могла

вспомнить, чего именно...

Кто клал ей «свинью» в постель?

Немного помучившись, Грейс наскоро разделась, вынула набор для письма, купленный на станции, после чего легла в постель. Да, она правильно поступила, купив бумагу «Бэзилдон Бонд» и конверты. Написала новый адрес и дату и стала думать, о чем писать. Она может рассмешить миссис Петри, рассказав о «свинье» в постели.

– Представьте, – почти слышала Грейс голос миссис Петри, – там, где сейчас Грейс, так холодно, что приходится класть в постель бутылку с горячей водой!

Наконец Грейс приготовилась, и слова потекли на прекрасную голубую бумагу:

Дорогая миссис Петри!

Мне так жаль, что я не рассказала вам, что вступила в женскую Земледельческую армию. Я хотела больше сделать для фронта, а не только заниматься бумажной работой. Но было неправильно не сказать вам и миссис Бруэр, которая тоже была добра ко мне, об этом. Почему Земледельческая армия? Сама не могу сказать, но чувствую, что это место как раз для меня. Меган никогда не рассказывала о нашей семье, но иногда мне кажется, что я помню поле и ощущение счастья. Глупо, полагаю. Как видите, теперь я в Бедфордшире. Меня послали на учебную ферму в Кенте, не так уж далеко от вас...

Она задумалась, гадая, стоит ли рассказывать о миссис Райленд и бедной Олив, но решила не писать о случившемся на учебной ферме.

Четырехнедельный курс окончен, и вот я здесь, единственная трудармейка на ферме. Скоро приедут другие. Но тут есть и настоящие работники, и двое других мужчин. Кухарка – миссис Лав, и с нами трудится леди Элис, отец которой владеет поместьем. Не поверите, она помогает мне доить коров! И еще она водит грузовик с молоком, и даже Салли позавидует ее прекрасному маникюру. Пожалуйста, скажите Дейзи и Роуз, где я нахожусь. Надеюсь, обе здоровы, и мальчики тоже. Теперь я заканчиваю, чтобы написать миссис Бруэр. Спасибо за все.

Она подписалась и положила письмо в конверт, словно боясь, что вообще никогда не отошлет его.

Письмо миссис Бруэр было почти точной копией первого. Его она тоже быстро положила в конверт и заклеила. Утром надо будет позаботиться о марках.

Чувствуя себя так, словно с плеч свалилась огромная тяжесть, Грейс выключила маленькую керосиновую лампу на тумбочке, очевидно принесенную кем-то днем, легла и тут же заснула.

Грейс разбудил громкий звон. Она не сразу сообразила, где находится. Откинула одеяла и встала. При взгляде на будильник стало ясно, что лучше поспешить, или «поворачиваться», как говорил мистер Петри.

Она засобиралась и менее чем через пятнадцать минут уже сбежала в кухню, надеясь на чашку горячего чая. Миссис Лав не было видно, но из буфетной появился Джек Уильямс.

– Чай готов, и я сегодня еду вместе с тобой, развозить молоко. Нужно изучить маршрут.

– Значит, ты все ж таки водишь машину.

– Значит, все-таки вожу. Правда, нечасто.

Она раздраженно отвернулась. Теперь он будет поправлять ее грамматику? Чванливый болван!

– Я рассердил тебя, сам того не желая. Мой отец – преподаватель английского. И моя сестра тоже. Да и я одно время пытался обучать других. А у тебя не такая семья?

– Нет, – коротко ответила она, пытаясь протиснуться мимо.

– Мисс Патерсон, примите мои извинения и позвольте налить вам чая.

Грейс повернулась к плите.

– Спасибо, я сама.

– Вряд ли это удастся. Прости, Грейс, я только сейчас заварил чай, и чайник очень тяжелый даже для меня.

Она кивнула и пробормотала слова благодарности. Джек принес к столу тяжелый заварной чайник и наполнил две чашки.

– Сегодня ожидается прекрасный весенний день. Гарри уверен, что через несколько дней зацветут яблони.

– Коровы никого не ждут, – объявила вошедшая миссис Лав. – Слышала, Грейс, юный доктор сегодня развозит с тобой молоко. Ее светлость заедет за ним, а пока, надеюсь, он прочистит ту канаву, или весь боковой газон затопит.

Джек залпом выпил чай и поставил чашку.

– Спасибо, – сказал он миссис Лав, хотя сам заварил и разливал чай.

– Позже вернусь, – бросил он Грейс и ушел.

– Мой Том хочет учиться водить.

– Уверена, что он обязательно научится.

– Зато у этого труса все шансы есть, верно?

Грейс не хотела быть замешанной в скандал. Кроме того, что она знала о других отказниках или Джеке Уильямсе, у которого есть сестра и чей отец преподает английский?

– Я не считаю сознательных отказников трусами, миссис Лав.

– Тогда почему он не в армии, как мой Том?

– Они не хотят убивать людей, – пыталась объяснить все девушка.

– Мой Том тоже не хочет, если не считать немцев, конечно. Их он мечтает прикончить всех до одного.

Грейс похолодела. И поспешно поставила чашку.

– Господи, – ахнула она, словно только сейчас вспомнив о времени, – мне давно пора в коровник. Простите, миссис Лав, нужно бежать!

Она радовалась прохладному весеннему воздуху и бежала всю дорогу до коровника, проскочив в дверь как раз за Уолтером Грином.

– Черт, женщина, не пугай моих коров!

– Простите.

– Вымой руки. И протри коровам вымя.

Грейс поспешила выполнить приказ. Снова карболовое мыло. Когда кончится война, она будет покупать только лучшее душистое мыло.

Леди Элис не пришла, и, подоив трех коров, Грейс начала волноваться, что ей придется возиться со всеми одной.

«Если так, я никогда не смогу доставить молоко вовремя...»

Но тут она увидела, как Уолтер доит коров, начиная с другого конца ряда. Она расслабилась, и, похоже, коровы сделали то же самое. Даже самые капризные не причиняли ей никаких неприятностей, а терпеливо стояли, пока она дергала за соски, и не пытались лягнуть Грейс или ведро.

– Мы отгоним их на луг с лютиками и тогда сможем позавтракать.

Луг с цветущими лютиками... звучит чудесно, и Грейс не терпелось его увидеть.

Она шла рядом с Уолтером, помогая ему гнать медлительных коров.

Наконец они оказались на огромном поле, где росло несколько деревьев-великанов. Густые, усеянные бутонами кусты отделяли луг с лютиками от соседнего луга, но, к разочарованию Грейс, здесь не нашлось ни единого золотистого пятнышка.

– Ты не слишком много знаешь о деревне, – покачал головой Уолтер, объясняя ей цикл жизни полевых цветов. – В будущем году ты к этому времени будешь сама удивляться, сколько всего успела узнать.

– Надеюсь, – вздохнула Грейс, когда они подошли к дому.

На кухне уже сидели все, кроме Исо, впрочем, нет. Присмотревшись, Грейс увидела, что Джек тоже отсутствует. «Интересно, где он? Будем надеяться, что он успел позавтракать!» – пронеслось у нее в голове.

Но тут она напредила себе, что это совершенно не ее дело, и уселась между Уолтером и Гарри. Миссис Лав принесла большую железную кастрюлю и поставила на тяжелый медный треножник. Подняла крышку, под которой обнаружилась густая овсянка со сливками, такая горячая, что на поверхности еще лопались крошечные пузырьки.

– Овсянка со сливками. Поможет вам продержаться до ужина.

Грейс помешала в кастрюле овсянку, наблюдая как на поверхность поднимаются крошечные пузырьки. Она слышала, как наверху ходит Меган.

– Ну же, ну же, – потираливая она содержимое кастрюли, поскольку горячая дымящаяся овсянка должна была появиться на столе в ту минуту, когда Меган спустится к завтраку.

Чайник! Успела ли она налить кипящую воду? Около заварника лежала чайная ложка душистых чайных листьев, Меган любила крепкий чай, запас которого никогда не истощался в доме. Нужно отдать должное Меган, она никогда не запрещала сестре вволю пить чай.

Грейс уже не в первый раз лениво задавалась вопросом, почему сводная сестра вообще приютила ее...

– Ты в порядке, Грейс? У тебя странный вид.

Миссис Лав стояла с глубокой белой миской овсянки в руках, ожидая, чтобы Грейс взяла ее. Но та была как в тумане.

– Разве я не сказала тебе вчера...

Мисс Лав не закончила фразу, потому что вошел Джек и, видя суматоху, уселся рядом с Грейс, взял ее запястье тонкими загорелыми пальцами и стал смотреть на часы.

Девушка вздрогнула и вспыхнула до корней волос. Попыталась отнять руку, но парень сжал

пальцы так, что она поморщилась.

– Я считаю твой пульс, Грейс. Все в порядке. – И, повернувшись к миссис Лав, добавил: – Возможно, ей просто нужно поесть.

Он молча отошел и сел рядом с Гарри. Миссис Лав продолжала раздавать овсянку.

– С ней что-то стряслось, – рассерженно объявила она и практически швырнула миску Джеку.

– Сегодня я буду развозить молоко и пригляжу за ней. Не о чем беспокоиться.

Грейс едва сдерживала слезы. Она понятия не имела, что случилось, разве что вспомнила нечто такое, что уже уплыло из памяти. Что-то насчет овсянки... но что именно?

Она чувствовала себя донельзя глупо и ужасно смутилась, потому что остальные смотрели на нее сочувственно. Но под ее взглядом быстро вернулись к своим мискам, и тишину нарушали только звяканье ложек и звук льющейся жидкости.

Грейс поела первая.

– Нужно сказать ее светлости, что тебе плохо. Пусть она возьмет с собой его...

Миссис Лав подбородком указала на Джека.

– И тогда они обойдутся без тебя сегодня утром.

Грейс пыталась улыбнуться:

– Да все нормально, миссис Лав. Мне так жаль, что потревожила всех.

Она взяла пальто леди Элис и направилась к коровнику. Но на полдороге ее догнал Джек:

– Тебе лучше?

– Да, спасибо.

– Вот и хорошо. Леди Элис меня пугает.

Грейс от неожиданности остановилась.

– Почему? Она работает так же тяжело, как все мы, и одолжила мне это пальто.

– Возможно, поэтому я умираю от ужаса. Она в прах разносит все мои предубеждения о господах.

Подходя к грузовику, Грейс рассмеялась.

– Не понимаю, о чем ты.

– У тебя хороший смех, – похвалил Джек, и девушка снова покраснела, но на этот раз очень мило.

– Ведите машину, Джек, а я буду указывать направление. Боюсь, вам, Грейс, придется втиснуться позади.

Грейс, которая боялась, что ей прикажут сидеть среди тяжелых молочных бидонов, была счастлива втиснуться позади леди Элис и Джека. В этом тесном пространстве на нее ничего не упадет.

Тревога, что парень расскажет о ее странном поведении за столом, оказалась беспочвенной. По пути в деревню леди Элис сообщила, что завтра они будут собирать деньги за молоко.

– Все очень просто: четыре с половиной пенса за пинту, умножить на количество пинт, два пенса фартинг – за полпинты. Большинство жителей деревни кладут деньги рядом с кувшинами. Обычно они не обманывают, но проверять нужно.

Грейс впервые обрадовалась, что столько времени проводила за бумажной работой. Она могла вычитать, складывать, умножать и делить не хуже опытных бухгалтеров.

– Какие-то затруднения со счетом, Грейс?

– Нет, леди Элис.

– Четыре пенса с половиной умножить на десять?

– Три шиллинга девять пенсов.

– Bravo. Я не буду оскорблять вас, попросив разделить фартинги.

– Я всегда любила арифметику. Наша учительница была настоящим драконом и каждое утро пятницы писала по кругу цифры на доске, а потом выкрикивала вопросы, так что заранее мы никак не могли подготовить ответы. Некоторые были ужасно тупы, но все научились считать.

– Интересно...

Тон, которым было произнесено единственное слово, вызвал в Грейс желание свернуться клубочком и исчезнуть. Но вместо этого закрыла глаза, прекрасно понимая, что если они обернутся, то увидят ее, пусть даже она сама не захочет на них смотреть. И дала себе ребяческую клятву никогда больше не говорить с леди Элис.

Единственными звуками в грузовике были весьма подозрительный шум мотора и резкое звяканье, когда бидоны сталкивались друг с другом. Грузовик остановился. Грейс и Джек вышли и собрались выгружать бидоны. Для такого худого парня Джек был на удивление силен. Как правило, для того чтобы снять бидон, требовалось два человека. И хотя Джек попросил у девушки помощи с самым большим, тот, что поменьше, легко снял сам.

– По какой стороне пойдешь, Грейс?

Она пожала плечами, наполнила кувшин и быстро направилась к первому дому.

Джек дожидался ее.

– Ты в порядке, Грейс? Я сам могу разнести молоко, если тебе нехорошо.

Девушка преисполнилась решимости взять себя в руки.

– Я в порядке, Джек. Просто глупо себя чувствую.

Она заглянула в кувшин – проверить, достаточно ли в нем молока, и пошла к следующему дому. А когда вышла, Джек стоял у грузовика, а леди Элис в кабине читала какую-то бумагу.

– Позволь мне наполнить кувшин.

Джек шагнул вперед, чтобы взять у Грейс кувшин, но та отдернула руку, и кувшин упал, разлетевшись на осколки.

– Проклятье! – завопила Грейс так громко, что леди Элис открыла дверь и выглянула.

– Это всего лишь старый кувшин, Грейс. Осторожно соберите осколки, только не порежься! И возьмите другой. В кузове должны лежать несколько.

– Да, леди Элис.

Грейс нагнулась, собрала осколки и сложила в небольшую горку около кузова.

– Подметите маленькие осколки: здесь ребятишки бегают босыми.

– Да, леди Элис.

Грейс нашла в грузовике метлу и лопату и сделала, как было велено. Потом взяла кувшин побольше и наполнила молоком.

– Да, леди Элис, да, леди Элис, – бормотала она себе под нос. – Черт возьми. Я не собираюсь больше с ней говорить.

Правда, она немедленно поняла, как глупо ее поведение, и почувствовала себя настоящей дурой, когда услышала еле сдерживаемый смех Джека. Она быстро разнесла молоко и вернулась к грузовику, чтобы наполнить кувшин. Отдала деньги за молоко, заплаченные покупателями.

– Один шиллинг три пенса и полпенни от мисс Шилд. У нее не хватило фартинга...

– Но она заплатит на следующей неделе, – dokonчила леди Элис. – Если бы у меня скопились все фартинги, которые украла у моей семьи эта очаровательная старушка, я бы проводила зиму на Багамах. После войны, конечно.

Грейс закончила разносить молоко, и Джек повел машину обратно в поместье. Леди Элис сидела на месте пассажира. Грейс снова втиснулась назад.

– Вам ужасно неудобно? – спросила леди Элис, и не дожидаясь ответа, продолжила: – Хорошо, что ты не слишком высока. В школе у меня была лучшая подруга, ростом выше моего

отца, бедняжка. Она бы никогда в этой машине не поместилась.

Слова «у меня в школе тоже была высокая подруга» едва не слетели с языка Грейс, и она возгордилась собой, потому что сумела их проглотить. Леди Элис не интересуют все Роуз Петри этого мира.

– Боюсь, вам придется снова чистить канавы, Джек, – вздохнула леди Элис, когда они подъехали к дому. – Но так чудесно иметь в доме еще одного водителя! Если будете развозить молоко по понедельникам и субботам и иногда в те дни, когда мне нужно быть одновременно в двух местах, я беру на себя другие дни. Разумно?

– Абсолютно, миледи.

Леди Элис легко прыгнула вниз и пошла к дверям, но тут же повернулась:

– Ничего плохого, если будете учить и Грейс. Только постарайтесь, чтобы она ни во что не врезалась.

Грейс и Джек смотрели вслед леди Элис, пока дверь за ней не закрылась.

– Она это не всерьез...

– Конечно, всерьез, – кивнул Джек. – Если тебе от этого будет лучше, думай, что член высшего класса поручила тебе новое задание. Если сумеешь водить машину, ей не придется нанимать другого водителя.

Он глянул ей в лицо.

– Ты сплошной клубок сомнений, хорошенькая малышка Грейс. Она порядочная женщина. Посмотри только, как обращается со мной и Гарри.

– Только сегодня утром ты сказал, что она тебя пугает, – напомнила ему Грейс и почти обрадовалась, увидев, как он смутился. – Кроме того, – продолжала она, – ты скоро будешь доктором и уже умеешь водить машину. Зачем еще и меня учить...

– Да, и она гадает, почему я не вожу санитарные фургоны на фронте вместо того, чтобы копать канавы в Берфордшире. Пойдем. Нужно помыть бидоны, прежде чем приниматься за другую работу.

Не дожидаясь ответа, Джек завел грузовик и поехал к коровнику. Там они разгрузили бидоны, ставшие куда легче, и отнесли в молочную комнату, где Уолтер стал помогать им мыть бидоны.

– Может, лучше научишь водить Уолтера? – подшутила Грейс.

Как она и ожидала, Уолтер перепугался.

– Не, только не меня. Я лошади. Всегда был и всегда буду.

Он рассказал, как много лет развозил молоко на запряженной лошадью тележке.

– А лошадь еще давала нам и добрый навоз. Может это сравниться с твоим мотором, Джек?

– Лошади всегда выигрывают, Уолтер.

Джек и Грейс в хорошем настроении ушли из молочной. Грейс все еще думала о том, что он назвал ее хорошенькой малышкой.

«Я не малышка, – думала она, – и миссис Петри всегда говорила, что я хорошенькая, хоть и слишком худа, но мне не нравится то, что сказал Джек о «клубке сомнений». Разве я сомневаюсь в людях? Разве я не готова думать о них самое лучшее? Но ведь так оно и есть. А потом оказывается, что я снова ошиблась».

Честность требовала, чтобы она добавила: «но не постоянно».

– Джек, почему леди Элис удивляется, что ты не водишь санитарные машины на фронте? Прости, что спрашиваю.

– Конечно, ты можешь спрашивать о чем угодно. Задавать вопросы – лучший способ учиться. Но я просто не могу заставить себя поверить, что вправе отнимать жизнь у другого человека. Я не сумею выстрелить в человеческое существо.

– Даже в немца?

– Даже в немца. Грейс, думаю, что можно найти десятки немцев, которые не хотят участвовать в войне, не хотят стрелять и бомбить города. Среди них тоже должны быть отказники. Может, их правительство говорит: да, вы не хотите убивать, но должен же кто-то водить санитарные машины...

Грейс была не уверена, что все поняла. Но все же кивнула:

– А если наше правительство спросит, хочешь ли ты водить санитарные машины?

– Если бы они попросили, я был бы счастлив. Я не хочу умирать, и можно сказать, что боялся бы. Но выполнял бы свой долг.

К удивлению Грейс, Джек покраснел так густо, как раньше она. Странное чувство охватило ее. Даже ее обожаемый Сэм не вызывал в ней таких эмоций.

«Да что это со мной творится?»

– Если тебе в самом деле интересно, могу объяснить свои поступки и ощущения. Все очень просто. Видишь ли, в Библии сказано: «Не убий». Так что воевать аморально. Должен быть лучший способ разрешать трудности. И кроме того, не могу припомнить времени, когда не хотел быть доктором. Сам не знаю почему. Доктора сохраняют жизнь людям. Спасают их. Как можно ожидать, что я буду делать прямо противоположное? Не имеет смысла. Войны следует запретить.

Грейс остро ощущала, что почти не имеет образования и опыта в сравнении с Джеком. Очевидно, он знал больше и владел языком лучше, чем она, и мог цитировать поэтов и политиков. Но ее беспокоила заповедь «не убий». Если Господь сказал это, подразумевал ли он, что плохо убивать вообще или плохо идти на войну и убивать врага?

Она вспомнила газетную статью о своей подруге Дейзи, которая видела, как немецкий пилот намеренно обстреливал из пулемета на бреющем полете женщину и ребенка, имевших несчастье оказаться на Дартфордской пустоши. Можно это считать военными действиями или убийством?

О, она не должна об этом думать, тем более что видела газету уже позже ужасного события и даже тогда не написала Дейзи.

Джек как-то странно на нее поглядывал.

– Грейс, тебе будет легче, если я скажу, что с радостью пошел бы на войну, помогать врачам, насколько мне позволяют мои знания? Но надевать дурацкий мундир и стрелять в людей... я на такое не способен.

Грейс охватила невыразимая грусть. Она так верила тому, что он говорил. Оказывается, он готов к грубому обращению, презрению и насмешкам.

– Джек, откуда ты знаешь, что это правда, что «не убий» сорвалось с уст Господа? Что Он говорил с каким-то человеком и употреблял именно эти слова?

Джек долго, сожалеюще смотрел на нее.

– Бедная дорогая Грейс! Так написано в Библии, а священная книга – это Слово Господне.

– Кто так сказал? Господь ведь не писал ее сам, верно?

– Нет.

Даже по единственному слову было ясно, как парень раздражен, как зол на нее и на глупый спор. Но для нее эти великие моральные вопросы были просты. Грейс редко ходила в церковь, чему немало способствовала Меган. Она даже запрещала ей посещать службы. Только когда Грейс окончила школу и стала работать в заводской конторе, ей удалось вместе с подругами посетить рождественскую службу. Для нее это стало праздником, но она грустно гадала, что больше привлекает ее: музыка, свечи, огни и ризы священников или сама религия.

Грейс была практична по натуре. Слова учителя «История пишется теми, кто победил в

битве. Не побежденными» глубоко на нее повлияли. Возможно, победители не говорят всей правды и, возможно, человек или люди, какими бы святыми они ни были, излагая речения Господни, не пересказывали их слово в слово, а перевирали.

– Боже, бедный Уолтер в одиночку моет бидоны. Нам лучше поторопиться, – закончила она.

Конец мая 1940 г.

Грейс никогда не видела ничего более чудесного, чем весна на ферме. Красота, которая предстала ее глазам, поражала девушку. Крошечные почки на веточках распустились за одну ночь, сияя разными оттенками зеленого, крупные цветочные бутоны раскрывались, и от этого зрелища хотелось плакать. Островки примул уступили место нарциссам, гиацинтам и прелестным полевым цветочкам, названий которых она не знала. Деревья и кусты живой изгороди, отгораживавшие поля, тоже расцвели.

– Видела кусты? – спросил Хейзел. – Они здесь уже больше ста лет. Смотри, знаешь, что это такое?

Он показал на тонкую ветку.

– Нет, – ответила она.

– Лещина это, а вон то?

– Остролист. А что это, колючее и с цветами?

– Ах, да май это. Боярышник, – пояснил он, видя ее удивленное лицо. – И не спрашивай, почему он называется так. Исо, возможно, знает, да и его жена тоже, особенно насчет цветов, но мы давно называем его майским цветом.

– Наверное, потому, что он распускается в мае, – заметил Джек, когда они снова ехали развозить молоко. – Кстати, леди Элис сказала, что в соседней деревне в субботу будут танцы. И если кто-то хочет ехать, можно взять молочный грузовик.

В воздухе тяжело повисло ожидание.

– И? – спросил он. – Кто-то хочет?

«Это он ее приглашает? И что сказать, если так и есть? Что ни говори, а не считая леди Элис, они самые молодые в поместье. Да и леди Элис лет на десять старше. Интересно, а почему она не замужем? Она очень красива, не слишком стара и единственная дочь графа. Может, тоже, как Грейс, любила безответно?»

Грейс постаралась взять себя в руки.

«Начинаешь разыгрывать сцены, как Салли», – выругала она себя.

– Где леди Элис обедает?

Куда более приличный вопрос, чем «у леди Элис есть шикарный бойфренд?».

Раз или два в неделю она вместе с работниками пила чай, но никогда не обедала.

– Что это имеет общего с твоим желанием или нежеланием ехать на танцы?

– Конечно, я бы хотела сходить на танцы, но это означает, что тебе придется вести машину.

– Ну разумеется, придется. Ради бога, женщина, ты когда-нибудь ходила на свидания?

Грейс сначала подумала о жалком домишке в Дартфорде, а потом о подругах.

– Мы все вместе ходили в церковный клуб и в кино. Отец моей подруги Салли иногда тайком проводил нас туда.

– Возможно, ко времени первого танца, если таковой заиграют, ты уже сможешь водить машину, Грейс. А летом нам, наверное, удастся раздобыть велосипеды, но пока что, мисс Патерсон, окажите честь сопровождать меня и всякого, кто захочет поехать, на танцы в деревенском клубе.

Грейс жаждала принять приглашение. Впервые в жизни мужчина, в которого она... которым она интересуется, приглашал ее на настоящее свидание.

Но она колебалась, хотя мечтала согласиться.

Грейс улыбнулась. Это определенно настоящее свидание, но что он скажет, если она признается в своих симпатиях? Какой стыд будет, когда он обнаружит, что она двух слов связать не может!

– Никто не говорил, какие у тебя прекрасные глаза?

Прекрасные глаза? Нет, никто, но она знала, что у нее симпатичные глаза.

– Леди Элис, – повторила она, поскольку понятия не имела, что ответить, – она никогда не ест с нами.

– Вам полагается сказать: «нет, Джек. Ты первый. Или: «Всякий благоразумный мужчина в Кенте, Джек». Моя дорогая мисс Патерсон, вам придется учиться принимать комплименты. Но не волнуйтесь, у вас впереди годы. Разумеется, леди Элис обедает. Или вы считаете, что аристократы не едят? В главной части дома есть еще одна кухня. Именно там я был в тот день, когда леди Элис спрашивала меня, умею ли я водить. Пока я ждал, экономка дала мне кофе.

Грейс слушала, раскрыв рот. Она часто гадала, как течет жизнь в этом прекрасном доме. Здесь есть экономка. Она не совсем представляла, какие поручения выполняет экономка, помимо того что приглядывает за домом. Наверное, она что-то вроде домохозяйки.

– Я думала, что миссис Лав – экономка.

– Она наводит порядок в этом крыле. По-моему, в доме всего трое слуг: экономка и две горничные. Большая часть дома законсервирована до лучших времен.

Чрезмерно развитое воображение Грейс неожиданно выдало картинку прелестного старого здания, полностью покрытого шариками нафталина. Она едва сдержала смех. Но воспоминание о словах «моя дорогая мисс Патерсон» не вызвало смеха. Она хотела прижать их к себе.

– Ты сегодня чистишь канавы, Джек?

– Подрезаю кусты, – вздохнул он. – Я восхищаюсь людьми вроде Хейзела и Мориса, они знают о фермах все на свете. Я же могу заниматься работой, требующей только грубой силы, и хотя напряжение невыносимо, есть и хорошие стороны... Правда, иногда я чувствую себя невыразимо глупым. Они никогда не теряют терпения, если я чего-то не понимаю, но, быюсь об заклад, умирают от смеха в пабе, вспоминая мои промахи.

– Они не станут злорадствовать, Джек, и, кроме того, ты можешь спасти жизни, а они – нет.

– Я успел окончить половину третьего курса, поэтому вполне могу попытаться. Но до настоящего доктора мне далеко.

Они ехали в приятном молчании, пока не добрались до задних ворот поместья.

– Готова к уроку вождения, Грейс?

Желудок девушки сделал сальто. Свидание, а теперь и урок вождения.

– Я бы с удовольствием, Джек.

– Думаю, по утрам в субботу – лучшее время, хотя я попрошу ее светлость позволения занять и несколько вечеров, после чая, разумеется. Темнеет поздно, а учиться легче при дневном свете.

Грейс снова полюбовалась великолепным домом.

– Джек, ты никогда не думал, что произошла ошибка и никакой войны нет?

Прежде чем ответить, он подвел машину к коровнику.

– Нет, я слишком хорошо знаю, что идет война. Я слушаю радио, читаю газеты, но, кажется, понимаю, о чем ты. Где бои? Где немецкие самолеты, которым поручено превратить Англию в руины? Заметь, ходят слухи, что летом здесь будет жарко. Правда, ввели карточки, но мы едим, как короли, хотя миссис Лав утверждает, что все изменится, когда приедут другие. И тогда на стол уже не будут подаваться те великолепные колбаски из шотландского поместья его светлости. И если война продолжится, практически все продукты будут выдаваться по карточкам.

– Я этого не знала.

Грейс вспомнила, как леди Элис говорила, что, живя в поместье, она научится большему, чем просто зарезать свинью. Грейс искренне надеялась: ее никогда не попросят резать свинью, но, несомненно, училась не только уходу за животными и обработке земли, но и верно судить о людях. Бесценные уроки.

– Улыбнись, Грейс, ты выглядишь грустной. Я с нетерпением жду субботних танцев. Наденешь то хорошенькое платьице?

Она покраснела, и не только потому, что он запомнил платье.

– Да, другого у меня нет.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Наконец Джек открыл дверь.

– Пожалуй, нужно приниматься за мойку бидонов, или Хейзел задаст нам жару, и поверь, он куда более устрашающий, чем леди Элис.

С этими словами он спрыгнул с грузовика.

– Я не умею танцевать, – пробубнила она вслед.

Он услышал об этом, обернулся и рассмеялся.

– Конечно, умеешь. Расслабься, Грейс, танцы – естественный способ выражения для животных.

– Естественный способ выражения для животных. Благодарю, доктор.

По крайней мере этого она не спустит ему.

– Когда моя мать стала здесь служить, требовался полк слуг, чтобы таскать наверх ведра горячей воды для ванн. В те времена люди не принимали ванн каждый день. Горячая вода прямо из крана – это чудесно, правда?

Грейс как раз шла наверх, принять ванну, перед тем как одеваться к танцам. Она вовсе не хотела признаваться миссис Лав, что в доме, где она выросла, не было горячей воды из крана, так что просто кивнула. К ее удивлению, миссис Лав продолжала подниматься по ступенькам.

– Вижу, ты много времени проводишь с молодым Джеком, Грейс. Вряд ли это понравится ее светлости. Девушка должна думать о своем добром имени.

Грейс остановилась посреди лестницы.

– Мое доброе имя. О чем вы?

– Не стоит задирать нос. Я за тебя отвечаю. Пока не придут другие девушки, ты единственная женщина в доме, полном мужчин.

– Вряд ли Гарри и Джека можно считать «домом, полным мужчин». Кроме того, я вижусь с ними только за столом.

– Я знаю это, и ты знаешь, но сегодня вечером ты едешь на танцы, а в деревне об этом понятия не имеют, так что будь поосторожней.

Радостное предвкушение приятного вечера померкло. Грейс поспешила к себе.

– Вижу, у тебя его приемник. Славно...

Грейс жаждала ответить, что слушать приемник куда интереснее, чем ее, но сдержалась. Джек отдал ей приемник при всех работниках фермы. Оказалось, что Боб Хейзел взял из пустого коттеджа радиоприемник размером побольше и поставил в спальне мужчин. Джек одолжил свой, маленький, Грейс и ничего такого в этом не видел. Миссис Лав наверняка это знала.

Войдя в комнату, она включила радио. Как чудесно слушать музыку и вечерние новости, хотя в этот вечер она их не послушает – поедет на танцы.

Пока она вынимала платье, передавали запись великого Джо Лосса ^[7] и его оркестра. Грейс сняла бант, вынула тщательно сберегаемую пару чулок, не шелковых, конечно, и единственные элегантные туфли. Через несколько недель Грейс, которая старательно копила то, что оставалось

от жалования после вычетов за еду, намеревалась купить белые босоножки на лето. Впервые в жизни у нее было немного своих денег, и она могла купить то, что хотела. Пока что одежду можно было приобрести свободно, поскольку все, кроме продуктов, не считалось жизненно важным. Но скоро наверняка введут талоны на одежду. Это только вопрос времени.

Грейс вошла в ванную, думая о том, как чудесно будут выглядеть белые босоножки с зеленым платьем. Может, Джек пригласит ее на прогулку?

Она так и представляла их, идущих рука об руку вдоль одного из многочисленных ручьев поместья. И новые босоножки так ярко выделяются на фоне травы...

«Нет, Грейс, не спеши», – сказала она себе и ступила в чудесную горячую воду.

К ее удивлению и легкому разочарованию, Гарри и Исо тоже решили ехать на танцы. Исо сказал, что ему не терпится провести вечер в обществе знакомых работников, а Гарри заверил, что он не пригласит ее танцевать, но хочет послушать живую музыку.

– Пока я брился, слушал Джо Лосса. Вот было бы здорово, если бы оркестр вроде его собственного играл для нас.

– Сегодня Джо Лосса в деревне точно не будет, Гарри. Придется обойтись старым барабаном, скрипкой и гармоникой, – засмеялся Исо.

Грейс, привыкшая к пластинкам, которые ставили в церковном клубе, посчитала, что трех музыкантов более чем достаточно.

– Иногда в церковном клубе играли местные оркестры, но вряд ли они были так хороши, как этот, – заметила она, когда оказалась на танцах.

В зале было полно народу всех возрастов. Приводили даже маленьких детей. Кто-то предпринял храбрую попытку украсить зал весенними цветами. Оркестр воодушевленно исполнял модные мелодии, и пока остальные искали столик, Джек повел Грейс танцевать.

Она уже не помнила, когда танцевала в последний раз, но, к удивлению и восторгу, обнаружила, что способна легко двигаться в объятиях Джека, который, очевидно, был опытным танцором. Ну конечно, Джек учился в университете. Студенты, возможно, ходили на танцы если не каждую ночь, то уж точно по пятницам и субботам.

– А в твоём университете танцы устраивались каждую ночь?

– Трудись до упаду, веселись до упаду. Танцы – прекрасный способ расслабиться, не находишь?

– Я очень редко ходила на танцы.

– Это нужно исправить. Тебе просто нужно больше опыта, чтобы стать хорошим танцором; честно говоря, у тебя прекрасное чувство ритма.

Прекрасное чувство ритма. Она уже слышала эти слова. Кто их сказал? Салли? Это точно была Салли Бруэр, и она говорила о Сэме.

Грейс закрыла глаза и попыталась представить Сэма, но картинка никак не хотела складываться.

Она здесь, в Берфордшире, с Джеком Уильямсом, который считает ее хорошенькой. И она без сожаления позволила мечте о Сэме уплыть далеко...

Сэм всегда будет для нее особенным, но это совсем другое. Утром у нее был первый короткий урок вождения с Джеком, который совсем не был похож на Сэма. Джек не так высок и более худ, но она обрадовалась, поняв, что он так же добр, как Сэм. Он, казалось, знал, что она нервничает, и говорил спокойно и одобрительно. И она чувствовала, что невольно тянется к нему. Такая радость, когда на тебя не кричат, не ругают за каждую мелочь. Когда она сидела рядом с ним в грузовике, ей вдруг захотелось откинуть слишком длинные темные волосы с его карих глаз, но она вовремя сумела остановить свою руку. Теперь, вспомнив это, она покраснела.

Какой это было бы вольностью! Что бы он подумал?

Он заметил, что она залилась румянцем.

– Здесь немного жарко, – заметил он, – и леди Элис считает, что мы должны общаться с местными. Кроме того, тут полно парней, которые желают мне сломать ногу, чтобы самим иметь возможность потанцевать с самой красивой в зале девушкой.

Но Грейс, для которой существовали только Джек и музыка, рассеянно оглядела зал. Да, несколько мужчин смотрят в ее сторону.

– Они просто хотят танцевать так же хорошо, как ты.

Он рассмеялся.

– Поверь мне, это не так. Нам лучше подойти к остальным.

Он торжественно провел ее по комнате к столу, за которым сидели друзья. Пили пиво и сидр, перед каждым стояли тарелки с крошечными сэндвичами. Пустые стаканы, крошки и корочки показывали, как хорошо проводили время мужчины.

– Это ты называешь самой изысканной едой на вечеринках, Джек? – спросил Гарри, показывая на несколько оставшихся крохотных сэндвичей.

– Во время войны – да.

– Ты была права насчет музыки, Грейс, – заявил счастливый Гарри, вскакивая. – Кому принести еще пива?

Он отошел и встал в углу за сценой, попивая вторую кружку пива и притоптывая ногой в такт музыке.

– Все в порядке? – забеспокоилась девушка.

– Он взрослый человек и знает, что делает. Исо, уверен, что не хочешь потанцевать или поискать старых друзей?

– Преимущество возраста, парень. Они уже подходили, пока вы танцевали.

– Потанцуешь со мной, Исо? – спросила Грейс, вставая.

Но старик не успел согласиться или отказаться. Потому что Грейс немедленно увел один из местных фермеров и бешено закружил по залу. Их движения вряд ли можно было принять за танец, а когда музыка смолкла, кавалер ее не отпустил.

– Спасибо, – пробормотала она, пытаясь вырваться, но он не ослабил хватку.

Грейс испугалась, но попыталась оставаться спокойной. Что ни говори, а они в большом зале, и тут столько людей, что с ней не может случиться ничего плохого.

Фермеры и их жены смотрели на нее.

– Спасибо за танец, – повторила она, – но, пожалуйста, отпустите мою руку. Вы делаете мне больно.

– Что делает порядочная женщина с этими кончи? Мы знаем, как поступать с трусами и предателями. А теперь ты пойдешь со мной и посидишь с нашими, деревенскими, которые выполняют свой долг перед страной.

– Я бы счастлива посидеть с вами, но приехала с друзьями из Корта.

Он потащил ее за собой, и Грейс оглянулась на свой стол в надежде, что кто-то увидит и придет на помощь. Но никто не смотрел в ее сторону. Она сдалась и пошла за фермером.

– Только отпустите руку, или я закричу.

– Сука, – тихо сказал он с неподдельной злобой и отпустил побелевшую руку Грейс. – Возвращайся к своим кончи.

Он так повысил голос, что танцующие пары остановились посмотреть, что происходит.

– Нам такие, как вы, здесь не нужны, верно, парни?

Он махнул рукой нескольким молодым людям, стоявшим у столика с напитками, но большинство повернулись к нему спиной.

Потрясенная Грейс хотела одного: чтобы они показали свое неодобрение и спасли ее. Но помощь пришла с совершенно неожиданной стороны.

– Перебрал своего лучшего сидра, Арнольд?

К ним подошли Хейзел и женщина средних лет.

– Ты ведь знаешь, нам не нужны проблемы, особенно такие, о которых может узнать его светлость!

Хейзел обнял мужчину за плечи и повел к его друзьям. Миссис Хейзел улыбнулась Грейс и принялась болтать, как со старой приятельницей.

– Он делает прекрасный сидр, но при этом слишком часто его пробует. Пойдем, я познакомлю тебя с работниками с других ферм. Не волнуйся, никто не потревожит молодого Джека, пока Исо сидит рядом.

Все еще расстроенная, хотя и пытавшаяся не показать этого Грейс пошла за женой Хейзела и вскоре познакомилась с фермерами и их женами, работниками и другими трудармейками. Все были приветливы с ней, особенно трудармейки, рассказавшие немало ужасных и забавных историй. Она получала искренние предложения помощи всех видов. Жена одного фермера была парикмахером и пообещала в торжественных случаях делать ей прически.

– А Дженни, вон та, что говорит с другими трудармейками, работала на модную лондонскую портниху. Ее специальность – подвенечные платья.

Грейс рассмеялась:

– Ну мне подвенечное платье в ближайшее время не понадобится.

– Ты просто не видишь, как твой молодой друг смотрит на тебя... и не он один.

Грейс покраснела.

– Было приятно познакомиться, но думаю, что мне стоит вернуться за наш стол.

Она посмотрела в сторону Джека и Исо и, видя, как весело они болтают, спросила себя, заметят ли они вообще ее отсутствие.

Миссис Фэйрчайлд, парикмахер, решила пойти с Грейс, чтобы поздороваться с Исо и познакомиться с Джеком.

– Мы слышали, что его светлость принимает сознательных отказников. Ты должна сознавать, что кое-кто в округе не понимает подобных вещей. У многих сыновья и братья воюют где-то в Европе, и мы слышим, что дела идут не слишком хорошо.

– Но что люди не понимают, миссис Фэрчайлд? Сознательных отказников или нанимающего их графа?

– Кончи, разумеется. Святая обязанность мужчины – убить всякого, кто пытается навредить его семье.

Грейс остановилась посреди зала. На секунду показалось, что ее сейчас стошнит. Неужели эта женщина говорит серьезно? И называет подобные действия священным долгом?

– Пожалуйста, извините меня, миссис Фэрчайлд, но я думаю вернуться домой поскорее. Мы побыли здесь дольше, чем намеревались.

– Смотрю, Исо немного оправился, а ведь был сам не свой с тех пор, как умерла жена. Ладно, дай мне знать, когда захочешь сделать прическу. У тебя хорошие густые волосы, но нужно привести их в порядок и придать более современный вид.

Грейс согласилась с ней, правда, решила, что даже если волосы вырастут до пят, не позволит этой женщине их коснуться. В ее хищных глазах было нечто такое...

Она глянула в сторону стола и, к своему огорчению, увидела, что за те несколько минут, что она говорила с миссис Фэрчайлд, Джек исчез. И Гарри тоже! За столом сидел один Исо. Вид у него был встревоженный.

– Поболтала вволю, Грейс? – спросил он, пытаясь улыбнуться. – Здесь есть славные люди.

Видя, что Грейс не спешит согласиться, он добавил:

– А некоторые не слишком славные.

– Миссис Фэрчайлд говорит, что ходят слухи о дурных новостях с фронта. Где Джек и Гарри?

– Джек пошел поискать Гарри на случай, если тот перебрал с пивом. Кое-кто варит его дома, и городской желудок может быть к нему непривычен.

Он повернулся на неудобном деревянном стуле и оглядел комнату, то и дело обмениваясь улыбками со старыми приятелями.

– Многие из них настоящая соль земли, малышка, но не позволяй выродам испортить себе жизнь. – Он пытался говорить это весело. – Смотрю, трудармейки хорошо тебя приняли.

Грейс, желавшая скорее найти Гарри и Джека и уехать домой, делала вид, что слова Исо ее интересуют. Она любила старика и в другое время с удовольствием бы с ним поболтала. К тому же он может научить ее многому, связанному с землей.

– Да, они чудесные, – согласилась она. – Одна даже обучалась на той же ферме, что и я. Но я немного волнуюсь. Мужчина, который схватил меня за руку, не в себе, а та женщина... даже не знаю, как ее описать.

Исо тяжело поднялся.

– Было время, когда ни один человек в этом зале не посмел бы мне перечить. Я старше, чем думал. Пойдем со мной. Джек вывел Гарри на воздух, прояснить голову.

Кровавые пятна на пороге были первым признаком того, что дело неладно. Грейс ахнула.

– Спокойно, есть сотни причин пролить немного крови на танцах. Пойдем, выглянем наружу.

Еще больше крови было на дорожке. Грейс хотелось бежать, громко выкрикивая имена Джека и Гарри, но, когда она вопросительно глянула на старого Исо, тот покачал головой:

– Послушаем немного.

Грейс стояла так тихо, а воздух был так неподвижен, что постепенно она осознала все совершенство весеннего вечера. Яркие звезды и полумесяц освещали небо, и по саду разливался аромат сирени. Но все это было испорчено воплями и звуками ударов, доносившимися из-за сарая, в нескольких ярдах отсюда.

– Беги, приведи Боба Хейзела, а я с этим разберусь.

Грейс поколебалась.

– Нет, лучше вы найдите его, – велела она и, вопя так громко и рассерженно, как могла, побежала к сараю.

Здесь топталась кучка мужчин, словно в каком-то примитивном танце. Что-то лежало на земле, и, увидев упавшего, вырвавшегося от тех, кто его держал, она узнала гриву черных волос Джека. Он что-то крикнул и упал на колени рядом с телом на земле. И тогда Грейс оглушительно завопила. Это Гарри! Гарри с залитым кровью лицом!

Несколько секунд все ошеломленно молчали. Потом толпа рассеялась, нападавшие разбежались, оставив Джека и Гарри одних в лунном свете. Дверь клуба открылась, мужчины и женщины высыпали на порог. Одна женщина быстро подбежала к Джеку и встала рядом с ним на колени.

– Это Айрис Симпсон. – Грейс узнала голос миссис Хейзел: она была больничной сестрой. – Что случилось, девушка?

– Гарри...

– Идем отсюда. Боб и Исо останутся. Этот парнишка – доктор, верно? – уточнила миссис Хейзел.

– Студент-медик.

– Они справятся. Кто-то побежал за полисменом.

– Мне нужно остаться. Помочь, – не унималась Грейс.

– Но что ты можешь сделать?

– Сказать правду.

– Другие тоже все видели. Не все против отказников, знаешь ли. Если ты понадобишься констеблю, он знает, где тебя найти.

– Я не уйду, пока не увижу Гарри.

Грейс повернулась к Бобу Хейзелу:

– Простите, он мой друг, и я не могу оставить его лежать здесь. Он мертв? Именно поэтому вы пытаетесь меня увести?

Не отвечая, он обнял ее за плечи и вынудил подойти к грузовику, на котором они приехали всего несколько часов назад. Жена шла с другой стороны, что-то сочувственно кудахча.

Грейс поняла, что сопротивляться нет смысла и нужно ехать. Но все же попробовала.

– Пожалуйста, Хейзел, я не могу вернуться в Корт без мужчин. И где мистер Исо Янгмен?

Ответ был получен немедленно, поскольку тот уже уселся на пассажирское сиденье.

– Грейс, садись за руль. Исо составит тебе компанию, а мы с миссус вернемся как можно быстрее. У одного из фермерских парней есть мотоцикл, и он поехал все рассказать ее светлости.

– Нет. Что случилось с Гарри? Вы должны мне сказать. Я не сяду в грузовик, пока не узнаю. А Джек? Не допустите, чтобы что-то случилось и с ним.

– Черт побери, неужели ты никогда не научишься делать, как велено? – рассердился Хейзел. – Гарри слишком много выпил, упал и ударился головой. Раны на голове ужасно кровят, но Джек и миссис Симпсон позаботятся о нем. И...

Он осекся, услышав пронзительную сирену машины «Скорой помощи», потревожившую прекрасный весенний вечер.

– Возвращайся в Корт, Грейс! Тебя не было, когда началась драка, и ты не можешь ничего сказать полиции. Ты, несомненно, встретишь ее светлость по дороге. А теперь поезжай.

Прежде чем он снова стал спорить, она напомнила ему, что не умеет водить, а один урок – не в счет.

– Можешь завести и остановить грузовик? Остальное усвоишь по дороге. А теперь домой! – приказал он, почти втолкнув ее в грузовик, захлопнул дверь и помчался на место драки.

Джек показал Грейс, как заводить грузовик, как выключать зажигание, и наскоро объяснил, как переключать скорости. Не было времени делать что-то большее, чем просто вести грузовик по довольно прямому участку дороги. Дрожащими руками она завела двигатель и сумела включить первую скорость. Как переключать скорости дальше, она не знала, но, смахнув полившие слезы, послала Исо робкую улыбку и сосредоточилась на возвращении в Корт.

Позже она представила, какое забавное зрелище, должно быть, представлял грузовик, нерешительно ползущий по дороге. Но сейчас думала только о том, что с Гарри. Жив ли? Неужели местный работник ненавидел Гарри и Джека так сильно, что задумал покалечить или убить их, а все потому, что чужие принципы так сильно отличались от его собственных?

Громкий всхлип сорвался с губ, и старый Исо погладил ее руку, которой она сжимала руль так, словно от этого зависела вся жизнь.

– Ну, ну, Грейс! На танцах всегда дерутся, но серьезного ничего не бывает.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла. Исо не видел неподвижное тело Гарри на земле. Гарри, автобусного кондуктора, который любил проводить время на свежем воздухе, малообразованного человека, счастливого работать вместе со студентом университета и учиться вместе. Знал ли он, что другие учатся у него самого?

– Берегись!

Перепуганный вопль Исо вывел Грейс из размышлений. Она с ужасом увидела, что каким-то образом оказалась посреди узкой проселочной дороги на пути быстро едущего на нее автомобиля. Водитель вовремя свернул и едва протиснулся мимо. «Нет. Конечно нет», – пронеслось в голове девушки. Но тем не менее водителем мчавшейся машины была леди Элис.

Грейс искоса глянула на Исо, но его лицо ничего не выражало.

Боясь, что запорет мотор, если попытается ехать быстрее, Грейс отвела грузовик ближе к обочине и продолжала тащиться дальше.

Наконец после долгих мытарств они добрались до открытых ворот Уайтфилдз-Корт.

Некоторые окна светились, и Грейс подъехала к кухонной двери. Едва она припарковалась, на пороге возникла миссис Лав:

– Ты в порядке, Грейс?

– Да, спасибо.

– Садись. И ты, Исо, тоже. Я заварю чай.

Она поспешила к плите и поставила на конфорку кастрюлю с молоком.

– Исо, ее светлость велела тебе переночевать в доме, на случай, если кому-то понадобится поговорить с тобой. Я положила пижаму в большой комнате, где спят Гарри и Джек, но вам обоим не следует засыпать до возвращения мисс Элис.

Ни Грейс, ни Исо не были в состоянии говорить и просто сидели у плиты, словно нуждались в тепле, прихлебывали чай и тупо смотрели в пространство.

– Может, тебе лучше прилечь в постель, Исо?

Он покачал головой.

– Идите, миссис Лав. Вам нужно вставать раньше всех.

Грейс увидела, как кухарка подавила зевок.

– Леди Элис придет и расскажет, что случилось. Если мистера Макмануса нужно будет уложить в постель, я о нем позабочусь, – настаивал Исо.

Грейс искренне надеялась, что Гарри необходимо всего лишь несколько дней отдыха и забота миссис Лав, но за сомкнутыми веками все еще стояла лужа крови.

– Черт бы все побрал, мы воюем с Германией, а заодно и друг с другом. Как это глупо!

– Уноси свое дурное настроение из моей кухни, Грейс. Не хватало еще, чтобы трудармейки так себя распускали.

Девушка пробормотала извинения, заглушенные ревом мотора.

Через несколько минут в кухню вошла леди Элис в сопровождении Джека.

– У Гарри тяжелое повреждение черепа. Он в местной больнице, где получает превосходный уход. Исо и Грейс, вам пора в постель. Коровам плевать, выпались ли вы, но мне не все равно. Идите.

Девушка и старик встали. Если не считать нескольких синяков, Джек, казалось, не получил серьезных повреждений. Грейс шагнула вперед, но леди Элис не закончила речь:

– Джесси, есть вода для ванны?

Довольная утвердительным ответом, она обратилась к Джеку:

– Горячая ванна и постель. Миссис Лав принесет вам горячее какао, – а потом добавила, посмотрев в глаза Грейс: – Джек нуждается в отдыхе. Можешь утешить его завтра. Возможно, полиция захочет поговорить с вами: весьма сомнительно, но кто знает? А теперь – спать.

Голос ее был твердым, но добродушным. Никакого гнева, ни малейшей неприязни. Впервые с тех пор как случилась беда, Грейс расслабилась. Она не знала только, как выйти из комнаты. Просто шагнуть к двери или...

Исо медленно поковылял к выходу и, обернувшись, сказал:

– Спасибо, Джесси. Доброй ночи, миледи.

– Приятных снов, Исо.

– Доброй ночи, – пролепетала Грейс, ни к кому в особенности не обращаясь, и с опущенной головой, словно старалась не встречаться ни с кем глазами, поспешила удалиться.

Полиция не захотела говорить с Грейс. Зато стражи правопорядка потолковали с несколькими мужчинами, бывшими на танцах, и особенно пристрасно допросили Джека. Арестовали двух местных фермеров. Показания Грейс не понадобились.

Она плохо спала и проснулась до того, как зазвонил будильник. Умылась, оделась и поспешила вниз. Миссис Лав, Хейзел, Уолтер, Исо и Джек пили чай на кухне.

– Наливай себе чай, Грейс, – сказал Уолтер Грин, главный дояр. – Ее светлость пока занята, и я помогу тебе с дойкой. Но сегодня она сядет за руль грузовика.

Грейс смотрела на Джека. Похоже, он всю ночь не спал, и на его белом лице яркими пятнами выделялись синяки. Но он буквально кипел сдерживаемым возбуждением.

– Ты в порядке? Мы могли бы сегодня днем навестить Гарри.

Он настороженно огляделся, словно кто-то мог их подслушать.

– Я бы с радостью, Грейс, но...

Он осекся и поднял тяжелый чайник, чтобы налить ей чая.

– Вот-вот приедет его светлость, и я должен быть здесь, поэтому не могу покинуть поместье.

– Но у нас выходной по воскресеньям. И чего хочет граф? Ты не сделал ничего плохого. Не пожелает же он избавиться от тебя! Ты хорошо работаешь, все тебя любят. И я тоже, – dokonчила она, сконфуженная своей исповедью.

Он издал звук, почти стон, но ничего не сказал.

– Эй, кто-нибудь здесь умеет доить коров? – громко спросил Уолтер.

– Простите, я иду, – откликнулась Грейс, наспех глотая чай, но пока она бежала в коровник, в ушах звучал собственный голос: «Все тебя любят, и я тоже...»

Как она могла? Как могла? Он, возможно, посчитает ее распутной.

К тому времени как коровы были подоены и отведены на пастбище, она сгорала от унижения. Сегодня она не видела ни раскрывшихся цветов, ни новых бутонов. Две коровы опрокинули ведра с молоком, и белая речка потекла из коровника в грязь двора. После первого случая Уолтер не рассердился, поскольку именно эта корова была с норовом, но вторая потеря взбесила его.

– Поделом будет, если тебя оштрафуют! Думай о работе, за которую платят, и перестань расстраивать коров!

Это было несправедливо, и если бы она смогла забиться в тихий уголок, наверняка расплакалась бы, но у нее хватило сил взять себя в руки и извиниться.

– Ладно, может, ты не так уж и виновата. Даже Блубелл может быть настоящей негодницей, если решит напакостить.

Они шли на завтрак, уже почти помирившись, хотя Грейс почти ничего не ела.

– Голодовка не принесет пользы бедному Гарри. Съешь хоть овсянку! Полмиски, – потребовала миссис Лав, ставя еду перед Грейс. – Иначе я пожалуюсь ее светлости.

Грейс не поняла, какое дело леди Элис до того, сколько она съест, но пришлось взяться за ложку.

Леди Элис ждала у коровника и о чем-то беседовала с Уолтером.

– Вот и вы, Грейс. Боже, девочка, так это вы едва не столкнули меня с дороги вчера вечером! Но вы молодец, что увернулись.

Грейс молча села в грузовик.

– Напомните мне, вы говорили, что умеете ездить на велосипеде?

– Да, леди Элис.

– Миссис Хейзел одолжит вам свой на неделю-другую.

Она улыбнулась:

– Вас так легко разгадать. Вижу, на ваши щеки вернулся румянец. Я рада, что вы так волнуетесь за Гарри. Сегодня я успела позвонить в больницу. Ночь прошла неплохо, и вам позволят увидеть его на несколько минут.

– Спасибо, леди Элис.

Немного помолчав, Грейс все-таки набралась мужества спросить:

– А Джек и Гарри... у них не будет неприятностей? Кое-кто из деревенских ужасно себя вел, говорили, что им тут кончи не нужны.

– Спиртное развязывает языки, милая.

– Один из них не шутил.

– Тот, кто едва не вывернул вам руку, Арнольд Арчер, в тюрьме, и поверьте, еще пожалеет о том, что сделал. Несколько дней в заключении пойдут ему на пользу.

– Несколько дней... – рассерженно начала Грейс, но леди Элис перебила:

– Никому ни в малейшей степени не интересно, что случилось с вами, Грейс, тем более что ничего криминального не произошло. Вряд ли это он ударил Гарри. Поэтому посидит несколько дней и вернется к жене, ужасно жалея себя и жалуясь всем на несправедливость. А вам я предлагаю отрастить шкуру потолка. Такое случается со всеми нами. Очень полезно всегда носить в сумке брошь с булавкой. А теперь едем развозить молоко.

Два часа спустя они вернулись в Уайтфилдз-Корт. Леди Элис припарковалась возле доильной и, оставив Уолтеру ключи от грузовика, вернулась в дом вместе с Грейс.

– Вот и велосипед. Конечно, он велик для вас, но вы же справитесь?

Она вопросительно глянула на Грейс.

– Я училась ездить на большом велосипеде.

– Прекрасно. Джесси объяснит, как добраться до больницы, и даст вам что-нибудь для Гарри. Я искренне надеюсь, что он сможет оценить подарок по достоинству. Знаю, сегодня у вас выходной. Но ожидаю вас в главном доме к четверем. Сумеете вернуться?

– Да, леди Элис.

– Вот и хорошо, нам многое нужно обсудить. Наслаждайтесь воскресным ланчем.

Она направилась по своим делам, и Грейс посмотрела ей вслед, прежде чем войти в дом через черный вход.

Работники фермы, кроме Гарри, конечно, уже собрались вокруг стола. Посредине него стояла голубая ваза с яркими красными тюльпанами. Из длинного плоского сотейника на плите исходили соблазнительные, но незнакомые Грейс ароматы.

– Форель, – пояснила миссис Лав. – Подарок, и не будем спрашивать от кого. Молодой картофель и свежая весенняя зелень на гарнир.

Грейс уселась на свое привычное место и безуспешно попыталась уклониться от взгляда Джека.

– Никогда не ела форель, Грейс? – спросил он.

Она упорно смотрела в тарелку.

– Нет. Иногда треску, иногда пикшу.

– Как прошла доставка?

– Как всегда, – буркнула Грейс и положила себе рыбы.

– Почему ты злишься?

– Я не злюсь.

Она немного поколебалась.

– А может, и злюсь – на всю ситуацию.

Теперь уже надулась миссис Лав.

– Буду благодарна, если мой тяжелый труд по изготовлению приличной еды будет оценен по достоинству, вместо того чтобы видеть, как она остывает, пока некоторые тут языками треплют! Один из местных рыбачил сегодня и подумал, что вкусная рыба может нас всех развеселить.

– Восхитительно, Джесси.

– Очень вкусно, миссис Лав.

Комплименты сыпались со всех сторон, и несколько успокоенная кухарка продолжала помешивать заварной крем.

– Я тебя тоже люблю...

Приятный голос Джека был таким тихим, что его не слышал никто, кроме Грейс.

Она едва заметно покраснела и положила в рот кусочек форели.

– Мое новое любимое блюдо.

– Мое тоже, – согласился он.

Больше никто не заговорил, пока не доели крем с прошлогодним клубничным джемом.

Языки мужчин развязались после вкусного обеда. Они стали обсуждать случившееся вчера ночью. Миссис Лав рассказала им все, что знала о состоянии Гарри. Собравшиеся очень встревожились.

– Грейс едет навестить его после ланча. Верно? – спросила она. – К чаю мы будем знать все новости. Как только он станет поправляться, мы сможем поехать в больницу. А сейчас Хейзел хочет что-то сообщить.

Старик допил чай и оглядел собравшихся работников.

– Должен сказать, что сегодня утром приехал его светлость. Он не слишком доволен. Ожидаются перемены, но я уверен, что все мы исполним свой долг...

Три голоса перебили его. Каждый говорил приблизительно одно и то же.

– Мы не отвечаем за вчерашнюю ночь.

– Тихо, тихо, – спокойно приказал Хейзел. Все замолчали и уставились на него.

– Виноват я. Потому что недосмотрел. В Гарри нет ни унции зла, и я так и скажу его светлости.

– Я сидел с ним, Хейзел. И не должен был отпускать его одного, – вставил Джек.

– Он взрослый человек, парень, не ребенок. И Исо признался мне, что он выпил.

Услышав это, Грейс уставилась в стол. А вдруг ее попросят все рассказать? Разве не утверждали окружающие, будто парень всегда был немного беспечен?

– Итак, доктор Уильямс? – спросил Хейзел.

– Он выпил две бутылки пива. Больше я не видел в его руках ничего. Он слушал музыку.

– Значит, эти из деревни, которые утверждают, что он весь вечер пил, лгут? Так, Грейс?

– Простите, честное слово, не знаю. Я не видела его после того, как мерзкий мистер Арчер так грубо со мной обошелся. Он уж точно был нетрезв, от него пахло спиртным. И он сказал, что местные не желают иметь ничего общего с кончи. Он был на месте драки, когда мы с Исо выбежали.

– Тебе лучше подготовиться к визиту в госпиталь, Грейс. Джек, я провожу тебя в контору. Его светлость хочет с тобой поговорить.

– Значит, только у меня выходной? – спросила Грейс, когда остальные собрались на работу.

– Идет война, а животных нужно кормить. – со смехом напомнил Уолтер. – Когда приедут новые трудармейки, будем лежать в постели весь день. А теперь поезжай. Джесси оставит тебе немного чая, если опоздаешь.

Грейс вернулась к себе, с тоской посмотрела на кровать и отправилась в ванную освежиться. Как она ненавидела столкновения! И кроме того, болело сердце: у нее не было возможности поговорить с Джеком. Жаль... она сказала ему, что его все любят и она тоже. Он студент, взрослый человек и, возможно, только посмеялся над ней.

Она ущипнула себя за щеки в бесплодной надежде прибавить им немного цвета, и сбегала по широкой лестнице.

В дверях стоял Джек.

– Миссис Лав просила отвезти Гарри эту шоколадку.

– Спасибо, – смущаясь, прошептала девушка.

Они немного постояли. Наконец парень повернулся к выходу.

– Вы слышали, что я сказал, мисс Патерсон? – спросил он и, к величайшему изумлению Грейс, поцеловал ее так неуклюже, что его губы захватили ее щеку.

– В следующий раз получится лучше, – заверил он и ушел.

Грейс следовала указаниям миссис Лав и с небольшой помощью местного полисмена нашла больницу. Она была счастлива слезть с древнего велосипеда, у которого было не только самое жесткое на свете сиденье, но и тормоза плохо работали.

В надежде развеселить Гарри Грейс надела самую красивую блузку, розовую с рукавами-фонариками, круглым отложным воротничком и крохотными перламутровыми пуговичками. Но вместо юбки она решила надеть трудармейские бриджи. Было достаточно тепло, чтобы обойтись без пальто, и она натянула светло-серый кардиган. Она нашла, где оставить велосипед, пристегнула его старой цепью, которую дала ей миссис Лав, и вошла в здание больницы. Пригладила волосы и шагнула к регистратуре, чтобы узнать, где отделение Гарри.

Пройдя несколько длинных коридоров с отделениями на каждой стороне, она нашла нужное отделение. Оказалось, что она пришла рановато. Доктора делали обход, так что посетители не допускались.

За столом сидела медсестра, и Грейс спросила, как дела у Гарри.

– Вы родственница?

– Не совсем. Мы оба работаем в Корт.

– Я называю это семьей. У него проломлен череп но, он силен и еще молод, так что все будет в порядке.

Грейс никогда не слышала о проломленных черепах и, когда осознала, что это такое, побледнела.

– Это же кость, она зарастет, но потребуются время. Ему еще долго не придется копать канавы.

Сестра глянула в глубь коридора и произнесла:

– Доктор ушел. Можете зайти. Но не волнуйте его и не оставайтесь долго.

Грейс поспешила к другу, открыла дверь отделения и вошла. Почти на пороге стояла монахиня. Волна радости омыла Грейс.

– Сестра, – выдохнула она. – О сестра, это так чудесно...

И сконфуженно осеклась.

– Я не монахиня. Просто медсестра. Кого вы навещаете?

Грейс молча уставилась на неестественно огромные глаза на белом лице.

– Ну что вы, детка, садитесь, иначе упадете в обморок. Ищете сестру Харт? Боюсь, она ушла на обед.

Женщина осторожно толкнула Грейс на стул у двери, но та, сбитая с толку и чувствуя себя ужасно глупо, вскочила.

– Простите, я только... Со мной все в порядке, и я бы хотела видеть своего друга, Гарри Макмануса.

Медсестра с сомнением глянула на нее.

– Хорошо, – решила она наконец, – только не вздумайте терять при нем сознание.

Грейс заверила сестру в своем абсолютном здравии.

– Просто я приехала на велосипеде и немного устала, простите.

– Шестая палата по левой стороне.

Следуя ее наставлениям, Грейс без особых трудностей нашла комнату Гарри. Около кровати стоял стул. Она подвинула его поближе к забинтованной голове друга.

– Гарри, ты как?

Глаза его были закрыты. Он не ответил.

Грейс смотрела на него, морщась при виде уродливого синяка на лице. Гарри, и так не толстый, выглядел исхудавшим после единственной ночи в больнице. Непонятно, спит он или без сознания. И знает ли, что она здесь?

– Все шлют привет, Гарри: Джек, Хейзел и остальные, и даже леди Элис. Миссис Лав дала мне плитку шоколада для тебя. Это очень мило с ее стороны, верно?

Она не добавила, что это леди Элис приказала миссис Лав передать Гарри шоколадку.

– Приехал его светлость, граф, и, думаю, Джек должен с ним поговорить. Он скажет ему, что ты не сделал ничего плохого.

Она подождала, но неподвижная фигура на кровати не ответила.

– Я возвращаюсь в Корт. И может, на неделе удастся тебя увидеть.

Она быстро подошла к дверям, повернулась, на случай если он вдруг пошевелится, и ушла. За столом была уже другая медсестра.

– Мистер Макманус. Мой друг. Он совсем не шевелится. Так нужно?

– На этом этапе лишние движения вредны. Попробуйте навестить его на неделе, только вечером, после чая. Может, тогда он начнет есть твердую пищу. Но для этого нужно очнуться, верно?

– Сестра, это нормально?

– Как и то, что за ночью придет день. Ваш друг в неплохом состоянии.

Облегченно вздохнув, Грейс ушла из больницы, отыскала древний велосипед и поехала обратно.

К концу дороги она ужасно устала. Ставя велосипед, она мысленно спрашивала себя, сколько времени потребуется, чтобы привыкнуть к этому «чудовищу» – допотопному велосипеду.

«Нужно будет положить сена на седло, как мне советовали с тракторными сиденьями».

Она едва не хихикнула, представив, как едет по шумным улицам с торчащим во все стороны сеном, но тут же вспомнила, что леди Элис велела ей прийти к четверем.

«Десять минут пятого. О господи, она взбесится!»

Грейс разгорячилась. Хотелось пить, а ноги, отвыкшие от езды, грозили в любую секунду подломиться. Она была также уверена, что волосы в ужасном беспорядке. Не лучше ли бежать... или потащиться вверх, чтобы умыться и причесаться? Или сразу идти в контору?

И она, конечно, приняла неверное решение.

– Господи, Грейс, как вы смеете входить в мой дом в таком виде? Выглядите так, словно весь день рыли канавы. Нет, – сказала леди Элис, когда Грейс собралась уйти. – Вы все равно уже тут, так лучше покончить со всем сразу. Садитесь, вы просто валитесь с ног.

Она показала на стул, а сама села за чудесный письменный стол, главный предмет мебели в комнате.

– Насколько я поняла, вы видели Гарри. Ему лучше?

– Не могу сказать, леди Элис. Он... он вроде бы лежал без чувств, но сестра сказала, что это нормально. Она велела приезжать вечером, после чая.

Леди Элис издала неопределенный звук, могущий означать как согласие, так и несогласие с мыслями персонала больницы.

– Сегодня днем приезжал отец, – объяснила она, помолчав. – Уверена, Джек расскажет вам о результате их беседы, но пока что я должна думать о вашем будущем, будущем Гарри и, что самое главное, о том, что лучше всего для поместья. Хорошие отношения с деревенскими жителями чрезвычайно важны, и, откровенно говоря, они пострадали...

– Но Гарри тут ни при чем, – перебила Грейс.

– Вы закончили?

Видно было, что леди Элис рассердилась, но тон ее был сдержанным.

– Придется научиться доверять нам. Мы лучше вас понимаем, что лучше для поместья. Гарри нужен уход. Мы это устроим. Человек, который его ударил, несомненно, пойдет в тюрьму за драку. Но многим это не понравится. Видите ли, это означает, что женщина с детьми останется без кормильца бог знает на сколько времени. Придется искать для нее работу, возможно, здесь. Вследствие весьма неприятных угроз всяких подонков в адрес Джека, боюсь, Грейс, придется вас перевести.

– Нет, пожалуйста, вы должны поверить, что мы ничего дурного не сделали. И нас не за что отсылать. Это неправильно! Знаю, мне многому нужно учиться, но я делаю это быстро и честно тружусь. Обещаю, что буду работать еще лучше. И я поверить не могу, что вы отошлете Джека. Он вдвойне наказан из-за своих принципов.

Леди Элис встала. Она побелела от гнева, но, очевидно, была намерена держать в узде свои эмоции. Несколько секунд она оставалась молчаливой и неподвижной, но потом сказала:

– Неужели никто не дрался за вас, пока вы росли, Грейс? Именно поэтому берете на себя роль защитника всех остальных? Предлагаю позволить мне заботиться о людях этого поместья, как меня учили с детства. Идите в свою комнату, и мы поговорим, когда научитесь придерживать язык.

Грейс попыталась гордо выйти из комнаты. В душе боролись стыд и гнев. Что произошло с ней с тех пор, как она решила покинуть Дартфорд? Словно оставила позади тихую, покорную Грейс. На учебной ферме ссорилась с мисс Райленд. Здесь, в красивейшей части Англии, которую успела полюбить, сначала восстановила против себя миссис Лав, а теперь приобрела врага в лице леди Элис.

Она пыталась успокоить себя, твердя, что хочет остаться тут. Пахать, сажать растения и наблюдать, как они растут.

Она наклонила голову и прошептала: «Я хочу остаться с Джеком».

– Не ребячься, Грейс. Нужно поесть.

Миссис Лав принесла ужин в спальню на подносе, но теперь заметила, что даже чай не выпит.

Грейс взглянула на еду.

– Не могу.

– Не можешь... Не желаешь или неспособна есть?

– Ваш отец тоже учитель английского, как у Джека?

Перед тем как ответить, миссис Лав шумно и глубоко вдохнула.

– Ее светлость хочет, чтобы ты смогла завтра встать в пять утра и подоить коров. А теперь съешь ужин, прими горячую ванну и слушайся старших и тех, кто стоит выше тебя.

– Старших? Может быть. Тех, кто выше? Объясните. Я не сделала ничего дурного, а меня отсылают.

– Для твоего же блага, глупая девчонка. В деревне поговаривают, что ты поощряла Арчера.

Увидев, что Грейс снова готова взорваться, она продолжила:

– Да-да, все думают, что это вздор, но лучше, чтобы ты уехала, пока мы не увидим, как себя чувствует Гарри, и не услышим, что скажет полиция. А теперь ешь суп.

Грейс спокойно взглянула на миссис Лав. Кажется, она чем-то похожа на дорогую миссис Петри?

– Он в горле застревает.

– У томатного супа нет такой неприятной особенности. Давай, все остальные уже

поужинали. Спустимся в кухню, и я подогрею его для тебя.

Миссис Лав ждала, и Грейс наконец встала.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже, в основном из-за абсурдной ситуации; должно быть, что-то важное привело его светлость из Лондона.

– Джек что-то сказал? – взбодрилась Грейс.

– Не мне. Но есть вероятность, что скажет что-нибудь утром. А пока речь шла только о делах.

Они спустились на кухню и удивились при виде сидевшего перед камином Джека.

Грейс на мгновение пожалела, что не успела причесаться, но потом стоически решила, что это значения не имеет.

– Привет, Джек, – сказала она. Он стал расспрашивать о посещении Гарри.

– Садитесь, я сделаю какао. «Борнвил» или «Раунтри»?

– «Борнвил», пожалуйста, – попросила Грейс в тот момент, когда Джек произнес: «Раунтри».

– Договорились, – кивнула миссис Лав и взяла жестянку с «Оувалтином».

Каким-то образом глупая шутка смягчила атмосферу, и парень подошел к столу и выдвинул стул для Грейс.

– Видела его?

– Посидела у кровати в надежде, что он очнется.

Она нагнула голову, чтобы скрыть слезы.

– Повреждение черепа?

– Сестра сказала, что кости проломлены, но зарастут...

Джек ничего не ответил. По его лицу было невозможно что-то прочесть.

– Как он выглядит?

– Очень похудел.

– Похудел? – вмешалась миссис Лав. – Он тощий, как палка!

Джек подался вперед и накрыл руку Грейс своей.

– Я понимаю, о чем ты. Не волнуйся: похоже, его держат на успокоительных и снотворном. Дай его черепу возможность зажить.

Миссис Лав поставила перед ними чашки.

– Уж не знаю, почему балую вас, но в одной «Борнвил», а в другой – «Раунтри».

Джек улыбнулся и поменял чашки местами.

Миссис Лав принялась разогревать суп Грейс. И, не оборачиваясь, спросила, как долго Гарри может пробыть в больнице.

– Это серьезное увечье. Возможно, несколько недель, – ответил Джек.

– Но как он сумеет вернуться к работе? – встрепелась Грейс. – Он же не сможет копать канавы.

– Ради бога, девочка, ты не в состоянии отвечать за всех. Пей какао.

Миссис Лав повернулась к Джеку:

– Что будет делать ее светлость без работников? Земля сама себя не вспашет. Когда ты уезжаешь?

Джек встал, взял у кухарки миску с супом и поднес ее к столу.

– Захватите с собой ваш «Оувалтин», миссис Лав, и я расскажу все, что смогу.

Он подождал, пока все сядут.

– Лорд Уайтфилдз позволяет мне остаться здесь и работать, пока он не найдет приемлемого решения. Это вы уже знаете, миссис Лав. Леди Элис беспокоится за Грейс, и его светлость

считает, что она должна находиться в обществе женщин своего возраста. Он вернулся в Лондон, чтобы поговорить с различными чиновниками о том, чтобы дать приют беженцам, нанять трудармеек и сделать меня кем-то вроде фельдшера. Когда придет время, нас обо всем уведомят. А пока, Грейс, мы будем продолжать работать с Хейзелом, прилагая все силы, чтобы в поместье жилось как раньше.

– Мне ни к чему находиться в обществе женщин моего возраста.

Но собеседники проигнорировали ее.

– Здесь слишком много работы для меня и нескольких стариков. Я не могу в одиночку стричь кусты и чистить канавы. Кто знает, может, нам пришлют еще...

Он колебался. Словно не хотел произносить «отказников», но все-таки нашел другой вариант.

– ...таких, как Гарри и я. Если это произойдет, ты по-прежнему будешь единственной хорошенькой молодой леди в доме, полном мужчин всех возрастов.

– Я знаю, как вести дом! – вспылила кухарка. – Они и близко к ней не подойдут!

– Прощу вас, миссис Лав! Мы это знаем, а остальные могут и не знать.

Он встал и нерешительно взглянул на Грейс, а потом на кухарку:

– Мне рано вставать. Спасибо за какао.

И он ушел.

Грейс доела ужин, правда, без всякого аппетита.

– Ты раньше его не знала, Грейс? Уж слишком быстро он тебе понравился... Лучше выкинь его из головы!

– Спасибо за... – Грейс показала на остатки еды. – Пойду подышу воздухом, приму ванну и лягу.

– Так будет лучше. Все пройдет и забудется, поверь.

Грейс вышла из кухни и встала на улице, прислонившись к древним камням здания. Они каким-то образом успокаивали ее. Что они видели и вынесли за сотни лет своей истории? Она всей душой пожелала, чтобы ни один немецкий бомбардировщик не нашел это чудесное место. Куда бы ее ни послали, она навсегда запомнит его силу, его стойкость.

Она уже хотела зайти внутрь, но услышала шорох и подскочила от страха.

– Не хотел тебя пугать.

Это был Джек.

– Я вышла немного подышать... просто чувствовала, что мне необходимо хоть минуту побыть здесь.

– Бедная Грейс. Ты ни в чем не виновата, и мне жаль, что тебя в это впутали.

Как грустно это звучало...

Ей хотелось обнять его. Разве он не нуждается в ободрении так же сильно, как и она?

– Не волнуйся. Я квалифицированная трудармейка, – гордо заявила она. – Со мной все будет хорошо.

К ее удивлению, он придвинулся ближе, и она застыла:

– Джек...

– Давай не упускать друг друга из виду, Грейс. Ты будешь мне писать? Если напишешь на этот адрес, они наверняка перешлют мне письмо.

Он не дал ей времени ответить и прямо здесь, в вечерних сумерках, наклонился к ней и коснулся губами ее нежных губ, а потом повернулся и зашагал прочь.

– Я напишу, – робко пробормотала она, и слова рассеялись по ветру, и она так и не поняла, слышал ли он ее.

Но все их проблемы показались пустяком, когда они наутро пришли завтракать.

– Заткнитесь все! – яростно крикнула миссис Лав, и это было так не похоже на нее, что все бросили свои дела – еду, разговоры, передвижения по кухне – и встревоженно уставились на нее. Кухарка продолжала лихорадочно вертеть верньеры на своем приемнике.

– Да скажи, что случилось? Твои футбольные пари?

Подошедший Хейзел мягко отодвинул ее от приемника.

– Я сам сделаю, Джесс. Что-то ты не в себе. Какую станцию ищешь?

– Боб, я видела сегодня заголовок в газете ее светлости, когда была в главном доме. Все наши войска во Франции перебиты. До единого.

При этих словах сидящие вскочили, со страхом глядя на Боба Хейзела.

– Я нашел чертову волну. Садитесь и слушайте.

Они пропустили большую часть выпуска новостей, но из заключительных слов поняли, что тысячи британских солдат застряли на побережье Франции, куда отступили или были оттеснены наступающей мощью немецкой армии.

Не узнав больше ничего нового, Хейзел выключил приемник.

– Я хочу, чтобы все мужчины и девушка тоже, – добавил он, глядя на Грейс почти яростно, – доедали обед и шли работать. С прошлой субботы нам не хватает людей, на случай, если уже забыли. Уолтер, у тебя крепкая спина, помоги молодому Джеку. Наши парни будут нуждаться в доброй английской еде, когда вернутся домой. И мы приготовим ее для них.

Грейс глотала чай, словно измучилась от жажды. Сэм Петри воевал где-то в Европе. Ее сердце разрывалось от жалости за друзей, ожидавших вестей от него.

Следующие несколько дней работники каждую свободную минуту собирались на кухне и со страхом и постепенно нарастающей надеждой слушали новости. Слово «Дюнкерк», казалось, было выжжено в их мозгах. Они радостно приветствовали известия о Второй Армаде и маленьких суденышках, которые переплывали Ла-Манш, спасая заблокированные войска. Леди Элис оставляла им газеты, чтобы они могли читать о том, что они только что слышали по радио. Ободренные и воодушевленные, они работали усерднее обычного. И Грейс думала только о находившемся неизвестно где Сэме.

Но тут, как-то утром, еще до того, как были выслушаны очередные истории о Дюнкерке, пришли новости. Италия объявила войну Британии и Франции, а немецкая армия взяла Париж.

Об Италии Грейс знала только, что там делают вкусное мороженое.

– Что будет с итальянцами, которые живут здесь? – спросила она. – Мороженщик в тех местах, где я выросла, был итальянцем, очень добрым человеком, но если люди невзлюбили Джека и Гарри, что будут испытывать к иностранцам, которые здесь живут?

– Не думаю, что кого-то это встревожит, – покачал головой Хейзел. – Британия – цивилизованная страна.

– Еще как встревожит! – возразил Уолтер. – Они начнут бить витрины и окна, как эти сволочи делали с евреями в Германии.

Через несколько дней Грейс посадили на поезд, идущий в Шотландию. Ей предстояло жить в деревне, названия которой она в жизни не слышала.

– Это к лучшему, – заверила леди Элис, вручая ей разрешение на проезд. – Вам понравится ферма. И там уже живут трудармейки. У вас будут подруги.

Шотландия.

Канун Рождества 1940 г.

Грейс уселась в кровати, подложила под спину подушки и прислонила книгу к согнутым в коленках ногам – настоящее блаженство. Однако чрезмерно активное сознание не позволило погрузиться в «Похищенного», волнующий роман Роберта Льюиса Стивенсона. Она была смущена и рассержена тем обстоятельством, что, пока не приехала на эту ферму, никогда не читала произведения мистера Стивенсона. Почему никто не рассказал ей об этих удивительных историях? На титульном листе осталась надпись: «Элси Макгрегор». Работала ли Элси служанкой в этом доме? Ее не было среди трудармеек, которые сейчас трудились на ферме Ньюриггс в Восточном Лотиане, где находилось поместье лорда Уайтфилдза. Со своего приезда в Дартфорд тринадцать лет назад Грейс почти не покидала город, и вот теперь оказалась в другой стране – Шотландии.

Всю дорогу в холодном поезде она смеялась от удовольствия, особенно когда проводник, изучив ее разрешение на проезд, сказал, что вагон сейчас находится на границе между Англией и Шотландией.

Когда он ушел, она быстро огляделась, вскочила и по-детски расставила ноги в надежде, что одна нога останется в Англии, а другая будет уже в Шотландии. На ферме жили еще шесть трудармеек: две польки, три англичанки и одна шотландка. Грейс вспомнила, как говорила, что не нуждается в обществе женщин своего возраста, но должна была признать, что приятно быть одной из многих. Ее интересовали польки, Катя и Ева, потому что она до сих пор никогда не была знакома с иностранцами.

– Ее светлость просила тебя позаботиться о польках, – сказала миссис Флеминг, жена фермера. – Она знает, что ты немного стеснительна, зато они – нет. Очень дружелюбны. И бог знает что им пришлось вытерпеть, потому что они недостаточно владеют английским, чтобы рассказать обо всем. Одна все время поет: не пойму ни единого слова, возможно, по-польски, а значит, они не могли вынести слишком много бед, верно ведь? Только счастливые люди способны все время петь.

Так ли уж права миссис Флеминг? Не то чтобы она умела петь, но помнила, как напевала себе под нос, когда Меган уходила на улицу, предварительно заперев ее.

Но довольно перебирать все эти никому не нужные подробности!

Она вернулась к книге. Может, Элси привезла ее, чтобы напоминала о доме? Но зачем ей вспоминать о доме, если Шотландия и есть ее дом?

«А я, интересно, шотландка? Патерсон – вряд ли шотландское имя. У них фамилии начинаются на «Мак». А у Фионы нет, хотя она определенно шотландка».

О, страстное желание знать, откуда она родом, кем были ее родители, любили ли ее. Она думала о снах или воспоминаниях, которые приходили к ней, когда она о них не просила. Она видела поле, изнывающее под жарким солнцем. На поле тянулись грядки, в которых она узнала клубнику. Молодая женщина с темными волосами стояла на коленях между грядками, срывая большие красные ягоды и кладя в корзину, которую держала загорелая маленькая девочка в заплатанном ситцевом платье. Сон или воспоминания стал являться в тот день, когда Грейс,

Рон и Фил, братья ее подруги Дейзи, стали вскапывать огород в заброшенном саду за коттеджем в Дартфорде. Грейс почти чувствовала жару, запах клубники, наслаждалась ощущением пыли между босыми маленькими пальчиками.

Она вздрогнула и глянула на свои ноги. Никаких босых маленьких пальчиков. Она молодая женщина, не дитя. Но возможно ли, что она была той маленькой девочкой, и если так, кем была та красивая молодая женщина? Ее матерью? Меган?

Грейс села и вытянула ноги.

– Грейс Патерсон, что только творится у тебя в голове? – громко спросила она. – Читай книгу или ложись спать. Тебе вставать раньше пяти утра!

Но все же мысли не желали уходить. Теперь она вспоминала о Джеке, который вытеснил из ее головы Сэма. Хотя... никто не мог сравниться с Сэмом. Он великолепен.

А Джек? Он тоже не может сравниться с Сэмом. Тем более что их разделяют сотни миль, и они, возможно, вообще больше не встретятся.

Впервые за месяцы после отъезда из Корта девушка вспомнила собственное странное поведение в больнице. Она приняла медсестру за монахиню! Но та ничуть не походила на монахиню. Должно быть, просто игра света, или униформа медсестры напомнила монашескую рясу.

Монахиня. Монахиня. Какая монахиня? И перед глазами промелькнула маленькая девочка – она сама? – сидевшая в поезде рядом с монахиней. Странно, откуда все это?!

Она вновь стала перебирать в памяти последние недели в Кorte. Лорд Уайтфилдз поговорил с каким-то важным чиновником, и всего через три недели после его визита Джек уехал. Теперь он был бог знает где, и его обучают водить санитарные машины. Возможно, он уже служил в разорванной войной Европе.

Грейс невольно вздрогнула. Сэм и Джек. Нет, она этого не вынесет. Нужно думать о чем-то приятном. О Рождестве.

Пока что на ферме никто ни слова не сказал о каникулах. Если ей дадут отпуск, куда поехать? Ясно, что она не сможет провести сочельник и Рождество с родителями школьной подруги Салли Бруэр.

Она почти счастливо улыбнулась, представив Салли, близнецов Роуз и Дейзи Петри и, конечно, мальчиков Петри, Рона, Фила и Сэма. Как хорошо им было вместе, как она ценила распространявшееся на нее тепло этих двух семей!

Грейс встала и выпрямилась. Нужно написать Дейзи и Салли!

В прошлое Рождество подруги отложили свой праздник, чтобы найти ее. Грейс даже сейчас сжималась от стыда, вспоминая, как была унижена и несчастна, спрятавшись в жутком бомбоубежище Андерсона. Ее до сих пор передергивало при воспоминании о ползавших по полу и стенам ухвертках... но они нашли ее, Салли, Дейзи и Роуз, и повели к Бруэрам на праздничный ужин.

Почему Дейзи так и не ответила на грустное короткое письмо Грейс, которое та написала после отъезда из Дартфорда? И миссис Петри тоже молчит.

Грейс неожиданно похолодела от ужаса.

«Я действительно писала им, верно?»

Перебрав в памяти все события, она кивнула. Конечно, писала. Вот только не помнит, отослала ли письма.

Грейс выглянула в окно. Она любила открывавшийся из него вид, в котором каждый день что-то менялось. Сейчас картина за окном была похожа на рождественскую открытку: голые деревья на фоне снежного ландшафта; вдалеке высится древнее каменное здание, в окне которого горит свеча. На купленных в деревенском магазине открытках древнее здание было

церковью, но сегодня в окне фермерского дома сияла свеча. Хотя формально все еще был день, скоро стемнеет, и свет этой свечи будет виден на мили и, конечно, не только местным жителям, но и немецким бомбардировщикам, летавшим над ними.

Девушка потянулась к шторам затемнения^[8], но тут раздался жизнерадостный голос:

– Грейси, иди в контору! Миссис Флеминг хочет перекинуться с тобой словечком.

Девушка оглянулась на Фиону Бернс, еще одну трудармейку, просунувшую голову в дверь.

– Чего она хочет? Я думала, что у меня выходной.

– Я тоже. Но кажется, у нее есть какое-то сообщение для тебя. Только подумай, скоро Рождество. Будем друг друга поздравлять.

– Спасибо, я уже бегу.

На душе полегчало. Это может быть только Джек, единственный, кроме леди Элис, кто знает, куда ее направили. Наконец он объяснит, где находится и как живет. Он может быть в любой точке Европы.

Она немного постояла у двери конторы и несколько раз глубоко вдохнула перед тем, как постучать.

Дверь открыл фермер, мистер Флеминг. За столом сидела его жена.

– Прости, что потревожила тебя в свободное время. Заходи и садись.

Через минуту перед Грейс появилась чашка чая. Сама она словно окаменела, пытаясь осознать только что сказанное.

– Мне нелегко говорить об этом, – откровенно начала миссис Флеминг, – но, боюсь, у меня плохие новости...

Она громко сглотнула и замолчала.

Грейс во все глаза смотрела на нее. Должно быть, кто-то умер. Сэм?

Ей хотелось кричать.

«О, пожалуйста, прошу, только не Сэм!!!»

– Грейс, ты меня слышишь? Боюсь, это твоя сестра. Прошлой ночью был налет, и мне очень жаль, но она погибла.

Теперь девушка пыталась переварить эти неожиданные и страшные вести. Последние четыре месяца, если верить радиопередачам, которые часто слушали все вокруг, даже польки, Дартфорд почти непрерывно бомбили. Ночь за ночью немецкие бомбардировщики по пути в Лондон или обратно сбрасывали бомбы. Очевидно, вчера вечером на Хай-стрит упала бомба, разрушила магазинчик Меган и погребла ее под развалинами. Такие бессмысленные потери, не только собственности, но и людей... если это правда. Это не может быть правдой!

Грейс слышала слова, понимала, что они означают, но не могла до конца осознать произошедшее.

– Простите. Но что она делала там ночью? Магазин закрывается в шесть. Должно быть, это ошибка. Магазин разбомбили, но Меган не могла быть там ночью. Это ошибка.

Супруги переглянулись.

– Бедняжка Грейс, – пробормотала миссис Флеминг. – Ее тело нашли утром. Ну что, девочка, принести тебе бренди? Такие жуткие новости.

– Этого не может быть, – повторила Грейс и увидела, как на их лицах борются выражение сочувствия и ужаса. Как она могла объяснить? Конечно, ей жаль, что Меган погибла. Страдала ли она? Грейс надеялась, что нет. Но Меган не любила ее и была не слишком добра. Она взяла Грейс к себе, и та часто гадала, каковы были мотивы ее поступка. Чувство долга? Теперь она никогда не узнает...

Ощущение пустоты нахлынуло на нее. Она одна. Одинока. Без семьи и родных. В целом свете нет никого, кому бы она принадлежала и кто принадлежал бы ей. Куда ей идти, когда война

закончится?

Миссис Флеминг подлила Грейс чая.

– Я положила два кусочка сахара. Сахар помогает при шоке. Его светлость договаривается об отпуске... Мистер Петри встретит тебя на станции и отвезет к миссис Бруэр. Ты знаешь этих людей?

Грейс кивнула.

– Это хорошо. Ну а пока не отданы никакие распоряжения насчет транспорта... и... похорон... и всего такого, мы не требуем, чтобы ты работала. Собери вещи и... постарайся успокоиться. Ужасное время года для таких дурных новостей, но, если нам повезет, через несколько дней сможем посадить тебя в поезд.

Мистер Флеминг, которому явно было не по себе, попытался пошутить.

– А я не желаю искать тебя по всей ферме. Военные столовые будут битком набиты, и не спрашивай меня почему, но вам, девушки, не разрешено их посещать. Это придумал какой-то идиот, не понимающий, что вы делаете для страны. Но миссус даст тебе с собой сэндвичи. Вот тебе и веселое Рождество.

Грейс согласно кивнула и вытерла глаза. Меган мертва. Ее сестра, насколько она знала, единственная родственница, мертва.

– Я так много хотела сказать ей, – вздохнула она, но тут же поняла, что Флеминги не знают всех обстоятельств ее жизни.

– Видите ли, она намного старше меня.

Это благодаря леди Элис ей был дан шестидневный отпуск? Шесть дней не слышать каждое утро вопля будильника в оловянном тазике в четыре сорок пять? Уже одно это приятно, но впереди ждет куда большее удовольствие! Грейс едет... она хотела сказать «домой», но у нее нет дома, настоящего дома, с тех пор как Меган погибла, и, поскольку она осталась без единого пенни и находится в Земледельческой армии, ее выселят из коттеджа. Так и было написано в письме, которое она получила вскоре после известия о Меган.

Мы очень сожалеем об этом поступке, мисс Патерсон, но наши главные обязательства – перед клиентом, который желает, чтобы коттедж приносил прибыль. Он знает, что вы вернетесь в Дартфорд к похоронам мисс Меган Патерсон, и разрешает вам жить в коттедже до 31 декабря (аренда выплачена до этой даты). Вы понимаете, в Англию прибывают тысячи перемещенных и бездомных лиц, и наш клиент желает сдать коттедж семье.

Грейс несчетное количество раз перечитывала бессердечное послание в долгом путешествии обратно в Дартфорд.

Как бы ей хотелось наорать на человека, который его написал, сказать, что он может с ее благословения сдать дом немедленно. Но она даже не ответила на него. И потом, должно быть где-то в маленьком домике что-то такое, что расскажет Грейс о ней самой и ее семье. У нее была... именно была сестра, так что и родители были, и, конечно, Меган их знала.

Фред Петри и его дочь Роуз встретили Грейс на вокзале. Словно понимая душевное смятение подруги, Роуз обняла ее и прижала к груди.

– Мы направили твою открытку Дейзи, но боюсь, она не получила отпуска.

И это задало тон грустному и одновременно счастливому визиту. Грейс рассказали обо всем, что случилось за это время, и ко дню похорон Меган она чувствовала себя так, словно никогда не

уезжала. Какая боль и одновременно наслаждение снова спать в удобной квартирке над магазином Петри, зная, что Сэм, который, как она с ужасом узнала, был в концлагере где-то в Европе, когда-то спал в соседней комнате. Ее дремлющие чувства к Сэму росли, будто на дрожжах. Как она могла думать о ком-то еще?

Приемник на кухне выглядел и хрипел так, словно его не включали с того последнего раза, как она сидела в этой греющей душу знакомой маленькой комнате. Рождественские гимны и новая подборка песен звучали постоянно между выпусками новостей и комедийными программами. Грейс, которая вместе с другими трудармейками любила слушать радио, когда выдавалась свободная минутка от бесконечной тяжелой работы, наслаждалась встречами со старыми знакомыми программами вроде «Музыки за работой» и популярной радиокомедии «Итма».

Вечерами она, как многие тяжело трудившиеся девушки, засыпала, не дослушав их до конца. Но здесь, в этом простом доме, она, сама того не сознавая, заучивала наизусть слова популярных песен, таких как «К югу от границы» и любимой песни семьи Петри «Загадай желание звезде». Верили ли они обещанию песни, что получают все, о чем мечтают? Грейс точно знала: друзья желают одного – благополучного возвращения братьев Петри.

– Грейс, дорогая, надень униформу в церковь. Пусть все знают, что ты делаешь для фронта, – попросила миссис Петри, когда родные и друзья собрались на квартире, прежде чем идти в церковь. – По городу ходят всякие слухи, но мы будем здесь, рядом с тобой. Я уверена, что Меган была славной женщиной. Но ты не Меган, и униформа ясно это покажет.

Дорогая миссис Петри! Как же она заботится о Грейс.

Девушка поняла, что женщина пытается сказать. Неужели она действительно думала, что Меган была «славной», или просто не хочет плохо говорить о мертвых? Или это сплетники желали измазать Грейс дегтем со слов сестры?

Миссис Бруэр осторожно коснулась ее руки.

– Ты в порядке? Ты вдруг ужасно побелела.

– Все хорошо, миссис Бруэр. Просто думаю об отсутствующих друзьях... разве не так говорится?

Позже она напомнила себе, что Сэм не единственный Петри, который сражается за нее, и сердце ее запело от воспоминаний.

«Дейзи – по-прежнему моя подруга, хотя у нее появляются новые знакомые, как та девушка по имени Чарли. Я расскажу ей о Еве, Кате и остальных в следующем письме. Она будет рада».

Грейс только раз вернулась в маленький коттедж, в котором жила с тех пор, как кто-то неизвестный привез ее, малышку, в Дартфорд и отдал в руки сестре, которую, по ее мнению, она никогда раньше не встречала. Наутро после похорон Грейс решила в одиночку пойти в бывший дом. Все ее существо противилось пониманию того, почему так важно, чтобы она вернулась. Но кроме всего прочего, ее долг – прибраться в доме, чтобы будущие жильцы не осуждали прежних. И еще: это ее единственный шанс найти личные документы, которые, должно быть, медленно плесневеют в этой жалкой дыре. Все, что она хотела, – получить хоть какие-то сведения. Кто она? Кем были ее родители? Почему она была на попечении чужих людей? Кто отдал ее? Меган? Но Меган была в Дартфорде. Родители? У каждого есть родители, по крайней мере вначале. Где были ее родители и почему не захотели ее? Что плохого могла сделать маленькая девочка?

За эти годы она часто пыталась заставить свой разум вспомнить хоть что-то, но жизнь, казалось, началась в тот день, когда Меган отвела ее в начальную школу Дартфорда, а Сэм Петри и его сестры стали ее защитниками и героями.

Поскольку миссис Петри была занята в магазине, миссис Бруэр, работавшая по вечерам, предложила пойти в дом вместе с ней.

– Не слишком приятно заходить в дом после чьей-то смерти, малышка. Позволь мне помочь. Мне нетрудно. Потому что меня ее смерть не слишком волнует. Я не шипко много разговаривала с Меган, и уж определенно не смогла высказать все, что о ней думаю. И Флора тоже.

Хотя Грейс сумела улыбнуться, представив, как эти чудесные женщины гневно упрекают ее сестру, все же отказалась от любезного предложения.

– Ничего со мной не будет, а вам нужно готовиться к Рождеству. Не могу и высказать, как жду этого праздника в кругу друзей.

Нежно погладив плечо миссис Бруэр, она заверила:

– Не волнуйтесь, я все вынесу.

– Хорошо, дорогая, но не ходи по Хай-стрит. Не стоит тебе видеть руины.

Грейс не плакала на похоронах, куда почти никто не пришел, хотя скорбела, скорбела по Меган, жертве постоянных бомбардировок. Она и в доме не заплакала, чувствуя скорее стыд за беспорядок и грязь, чем иные эмоции. В общем, на дом это не слишком было похоже: ни тепла, ни уютного огня в камине, к которому придвинуто два кресла, где сестры могли бы сидеть и болтать вечерами, перебирая события дня.

Она стала с все возрастающим отчаянием искать ответы на вопросы. Почти лихорадочно шарила в ящиках, таких забитых, что их было трудно открыть. Но ни в одном не оказалось документов, которые должен иметь каждый человек: свидетельства о рождении, браке... Иногда надежда возвращалась, когда находились письма, написанные на дорогой бумаге или даже на чем-то вроде пергамента, но она тут же с упавшим сердцем понимала, что это просто записки от обожателей Меган.

«Должна же я иметь свидетельство о рождении! Я знаю свое имя и дату... Где-то эти бумаги лежат. Да и свидетельство о рождении Меган должно быть тут...»

Грейс пролистала бумаги, которые нашла в ящичках комодов и шкафов, из тех, в которых не хранились грязные чулки и белье Меган. Потом успокоилась и решила, что лучше всего забрать все с собой и на досуге просмотреть: нет ли в них каких тайн ее жизни до Дартфорда.

Самой неприятной задачей было избавиться от нестираной одежды. Сможет ли она заставить себя ее постирать? По своей работе она часто бывала в грязи и навозе по самые уши, но это была особая грязь в отличие от засаленного нижнего белья.

– Вряд ли кто-то захочет носить старые чулки, верно? – спросила она себя. – Или я ошибаюсь и отношение к Меган искажает мои здравые мысли? У эвакуированных женщин нет ничего. Можно ли выбрасывать совершенно целые вещи просто потому, что они нуждаются в стирке?

Она так и не пришла к определенному решению и, найдя в чулане пустую хозяйственную сумку, сунула туда все нестираное белье. Грейс подумает об этом позже.

Она рассеянно огляделась. Здесь не было ничего такого, что она хотела видеть. Сложив бумаги в объемную сумку военного образца, она поспешила по холоду в теплый дом Бруэров, которых обещала навестить. По дороге она вспомнила слова, которые произнесла миссис Бруэр, предложив помощь:

– Я хотела бы пойти с тобой, дорогая, и Флора Петри согласна со мной: не так легко собирать вещи.

Миссис Бруэр тревожно смотрела на подругу дочери. Грейс была бледна, хотя никогда не отличалась здоровым румянцем. А ведь работа на свежем воздухе должна бы придать ей более здоровый вид.

– По крайней мере зайди на чашечку чая, когда закончишь. Должно быть, из-за налетов в доме выключен газ, так что ты там не поешь толком.

Она заставила Грейс дать обещание.

Миссис Бруэр приветливо встретила девушку, когда та постучала в дверь.

– Останься и поешь немного. Как приятно посидеть с тобой наедине. Мы так скучаем по Салли и по тем чудесным дням, когда Фред тайком водил вас в кино. Правда, весело было?

– Невероятно, и мы договорились повторить все это, когда война кончится.

– Как прежде уже не будет, милая. Вы все выросли. Моя Салли играет на сцене. Дейзи летает, как птичка, и к тому же у нее такой славный бойфренд! Роуз утверждает, что он просто шикарный.

Грейс не хотела говорить о бойфрендах и поэтому поспешно сменила тему:

– Я принесла все документы, которые смогла найти, но больше не хочу ничего брать из дома. Может, какая-то семья, чей дом разбомбили, воспользуется мебелью и посудой?

– Уверена, милая? Конечно, вещи пригодятся бездомным.

– И ее одежду тоже, миссис Бруэр.

– Все, Грейс? Уверена? У нее есть шуба, настоящий кролик. Она чуть выше тебя, но подумай, как согреет в поле такая вещь...

Миссис Бруэр осеклась, увидев, как передернулась девушка.

– Не волнуйся, дорогая. Мы с Флорой избавимся от всего, а ты думай только о том, как будешь наслаждаться рождественскими праздниками. Как в старые времена, верно? Моя Салли, если сможет приехать, и Роуз. Жаль, что Дейзи не отпустили. Сначала ночная служба, потом пойдем домой пить какао. Скрестим пальцы и пожелаем, чтобы не было налетов. Немцы любят Рождество не меньше нас, правда?

– Конечно, миссис Бруэр.

Она поговорит насчет нестираной одежды после праздников.

Но конечно, еще до конца Рождества одежду нашел риелтор, и неутомимая миссис Бруэр рассортировала ее на ту, которую можно носить и которую нельзя. Избавившись от последней, женщина все постирала и отдала людям, собиравшим одежду для беженцев.

Впервые за время их долгой дружбы Петри, Бруэр и Грейс собрались вместе на рождественский обед. Длинноногие мальчишки, занимавшие больше всего места за столом Петри, никогда больше не соберутся такой компанией вокруг стола. Рон убит, и хотя Сэм, возможно, когда-нибудь вернется, никто не знал, где сейчас он и матрос Фил. Дейзи была на службе, и Салли тоже, хотя она заехала домой пожелать родителям и нежданной гостье Грейс веселого Рождества перед тем, как вернуться в Лондон. Развлекать войска было жизненно важно для победы. Роуз Петри и Грейс пытались заменить родителям отсутствующих детей, и все дружно притворялись, что всё хорошо, хотя думали о тех, кого нет с ними, и вспоминали счастливые времена.

Через несколько дней Грейс вернулась на шотландскую ферму. Поездка была длинной и утомительной. И она ничего не узнала о своем происхождении. Досада и раздражение все росли, тем более что оказалось совершенно невозможно читать бумаги, стоя в переполненном поезде, и даже если удавалось сесть, ее часто прижимали к окну или двери. Если двинуть рукой хоть немного в надежде вытащить конверт, она скорее всего ударит локтем соседа, страдавшего от тех же неудобств. Она не успела просмотреть бумаги в доме Бруэров. Салли и ее родители оставили бы Грейс в покое, но читать письма вместо того, чтобы проводить последние дни с друзьями, наслаждаясь любовью и дружбой этой семьи, казалось невыносимым.

Поскольку она не сумела сообщить Флемингам, когда возвращается, на станции ее никто не встречал. Предстоял дальний путь по холоду до фермы. Хорошо, что у нее почти нет вещей!

Она надела ботинки на шнуровке с шерстяной подкладкой и радовалась, что ногам тепло и уютно. Но она совсем одна в милях от фермы, хотя опасность грозила скорее с неба, чем с

дороги. В этом районе тоже начались налеты: до Эдинбурга было не так и далеко, как и до Ист Форчун, тренировочной базы ВВС, лакомой мишени для врага.

Грейс мечтала о дымящейся горячей ванне, но это не Уайтфилдз, и в здешних кранах нет горячей воды. Для ванны нужно нагреть воду на открытом огне, на старой капризной железной плите, которую нужно регулярно подкрашивать черной краской.

Трудармейки были почти уверены, что в их обязанности не входит работа по дому: в конце концов, им едва хватало дня, чтобы переделать все на ферме. Но в интересах мира было решено заниматься домом по очереди.

По мере продвижения вперед настроение Грейс все ухудшалось. Стоял ужасный холод, но не тот, который опытные работники фермы называли «слишком холодно для снега», и вряд ли она успеет добраться до фермы, прежде чем пойдет снег. Но в этот момент она услышала ободряющий звук: звяканье велосипедного звонка. Она остановилась, оглянулась и увидела двух полек: Катю и Еву.

– Грейс, ты идешь пешком! – воскликнула Ева. – Мы были в кинотеатре. Пора улучшать английский. Почему ты идешь по такому холоду?

Она хотела ответить, но девушки стали щебетать что-то по-польски: судя по жестам, обсуждали положение, в которое попала Грейс.

– Мы решили проблему, – объявила Катя, опровергнув уверение миссис Флеминг в том, что она не знает английского.

– У Евы мужской велосипед, и у него толстая рама. Ты на нее сядешь, а я поведу. Ева не так сильна, как я, она поехать на моем велосипеде и повезти твою сумку, – с ошибками, но объяснила она свой план.

Грейс пыталась протестовать, но девушки были непреклонны, и она оказалась на чрезвычайно неудобной раме. Велосипед медленно катил по ухабистой проселочной дороге. Девушки пели на польском и вместе с Грейс – на ломаном английском, много смеялись, особенно когда Грейс соскальзывала с рамы, что случалось не так уж редко, но все же они добрались до дома куда быстрее, чем доковыляла бы Грейс.

Было слишком поздно, чтобы вскипятить достаточно воды для ванны, но зато на плите стояла кастрюля с блюдом, которое миссис Флеминг называла «стовиз»^[9], состоявшее в основном из картофеля, небольшого количества оставшейся со вчерашнего дня говядины и всего, что удалось соскрести со дна сковороды. Это блюдо было воистину даром божьим для фермерских жен, которым приходилось ежедневно кормить несколько голодных молодых людей, тем более что картофель, как и все овощи, был не нормирован. Мистер Флеминг, как большинство фермеров в округе, выращивал картофель. Всю длинную холодную зиму Грейс привыкала к различным блюдам из картофеля, хотя ее любимыми оставались густой картофельный суп миссис Флеминг и стовиз. Ева и Катя жаловались, что жена фермера кладет очень мало приправ, и чем больше усваивали английских или шотландских слов, тем чаще рассказывали о вкуснейших польских блюдах.

Все трудармейки любили полек, хотя почти ничего не знали о них, если не считать того, что обе были католичками, которым удалось сбежать из разоренной страны. Обе мягко, но решительно отказывались говорить о побеге, говоря только, что в деле участвовали очень храбрые люди.

Грейс, которую волновало то обстоятельство, что она слишком жалеет себя, восхищалась мужеством девушек. Иногда она наблюдала за ними, гадая, что дает им такую отвагу. Катя, та, что постарше, была высокой и угловатой, но ее глаза, прекрасные спокойные глаза, в которых светилось страдание, говорили о том, что ей пришлось перенести. Ее густые длинные темно-каштановые волосы были зачесаны назад и крепко связаны лентой из крашеной шерсти. Ева

была похожа на принцессу из сказки, с волосами, словно сотканными из волнистого светло-золотого шелка, длиннее, чем у Кати, и заплетенными в две косы, которые она укладывала на макушке, как маленькую корону.

Грейс никогда не забудет их чувство юмора и доброту.

Она была рада, что никто не упоминал о ее утрате. Она не могла найти в себе горьких чувств из-за «печальной потери», разве что слегка раздражалась из-за того, что даже после смерти Меган ничего не смогла выяснить, и непреодолимого чувства вины за то, что сестра оказалась полностью неспособной полюбить ее. Она погрузилась в работу, изнуряя себя, пока все мысли не вылетали из головы. Оставались только грязь, холод и ноющая спина. Остальные девушки, и особенно польки, любили дружелюбно похлопать ее по плечу, когда все рассаживались за кухонным столом, и старались уступить ей место у огня. Иногда она, к своей радости, оставалась одна и посматривала на бумаги, которые возможно, что-то ей откроют.

Ничего. Никаких свидетельств: ни о рождении, ни о браке. Ни одного письма, написанного в двадцатых. Может, они уничтожены Меган? Но если так – почему? Неужели никого не интересовала маленькая Грейс, появившаяся в Дартфорде, возможно, в компании монахини и принятая в дом покойной Меган Патерсон?

– О, Грейс Патерсон, – упрекнула она себя, – эти бедные девушки-польки даже не знают, живы ли их родные, и все же находят время утешить ту, которая, по их мнению, скорбит о сестре.

Она жаждала заверить окружающих: «я не скорблю, не тревожьтесь обо мне», но не могла, и вместо этого пыталась смириться с ситуацией, которую не могла изменить.

Письма из Дартфорда прибыли менее чем через неделю после ее возвращения. От миссис Петри, Роуз и Салли. Через несколько дней она получила письмо от Дейзи с рассказом о ее теперешней жизни. Радость и интерес к тем волнующим событиям, которые происходили с Дейзи, помогли Грейс пережить зиму. Она хотела бы написать Сэму в концлагерь, через Красный Крест, но застенчивость взяла верх, и она попросила Дейзи передать ему самый горячий привет.

Это было время тяжелой и часто грязной работы, тяготы которой усугублялись мерзкой погодой. Если не шел дождь, то сыпал снег, и хотя поля, покрытые белоснежным покрывалом, выглядели очень красиво, девушкам было не до любования природой. Катя и Ева, правда, любили снег и удивлялись постоянным жалобам других девушек. Была зима, а зимой всегда снежно.

– И снега еще немного, – пожалала плечами Ева и подняла над головой руку, показывая, каким глубоким может быть настоящий сугроб.

– Сейчас я всем покажу! – крикнула Катя и, набрав горсть сухого снега, бросила в Фиону.

– И это ты называешь снежком? – отмахнулась Дженни, маленькая, круглая и обычно спокойная девушка. – Вот у меня настоящий снежок!

Следующие несколько безумных минут все семь девушек забыли о войне и тревогах и ребячились, как дети.

Но в следующие несколько мучительных месяцев для игр не оставалось времени: Боб Флеминг и семь молодых женщин пытались протянуть зиму. Больше всего девушки ненавидели чистить канавы, коровники, а хуже всего было истреблять крыс. Грызуны все больше нагнали от холода и отсутствия еды. Боб запер немногих коров в коровнике на всю зиму, и уборка навоза была нескончаемой работой. Стоя по бедра в грязной ледяной воде и орудуя лопатами, девушки надрывались физически и морально. Потом все жаловались на ноющие спины. Даже обычно жизнерадостная Ева как-то сникла. Ее приятное сопрано было слышно по всей ферме с рассвета до заката. Она умолкала, только когда приходилось чистить коровник.

– В деревне идет потрясающий фильм о ковбоях! – объявил как-то Боб Флеминг в надежде развеселить девушек. – Жаль, что у меня нет лишнего бензина, чтобы отвезти вас, но авиабаза обещала одолжить несколько велосипедов.

Но девушки остались равнодушными.

– Ковбои пасут коров, мистер Флеминг. Они – фермерские работники. Лично я не собираюсь катить на велосипеде в метель, чтобы увидеть очередного ковбоя, какими бы шикарными они ни были, – объявила Шила, англичанка, чей дом был как раз по другую сторону границы. – Вот если бы вы пообещали «Ребекку»^[10]...

Даже Ева и Катя не проявили ни малейшего интереса.

– Мы выучили «ура» и «партнер», так что больше нам делать нечего.

Но неожиданный телефонный звонок все-таки отправит Грейс в убогую маленькую деревушку – и в кино.

– Джек, я с трудом верю ушам!

– Очень сожалею, что твоя сестра умерла.

Миссис Флеминг задыхалась после подъема на второй этаж из запертой комнаты, где стоял телефон, на чердак, где жили трудармейки. Она кричала снизу в надежде, что девушки ее услышат, но все они сгрудились вокруг приемника Дженни и громко смеялись.

– Простите, что прерываю веселье, – пропыхтела миссис Флеминг, – но Грейс звонит Джек.

– Вот это да! – завопили девушки. – Поцелуй его от нас!

Но девушка была уже на середине лестницы.

Через пять минут, с колотящимся от беготни по лестницам сердцем, она вернулась в спальню.

– Ладно-ладно, – ответила она на приставания девчонок. – Джек – тот парень, которого я встретила в Уайтфилдз, и он пообещал приехать на уик-энд, прежде чем отправится во Францию.

Но как бы они ни давили на нее, она отказывалась произнести еще хотя бы слово.

– Тогда расскажи, чьи мертвые тела обнаружила в комнате с телефоном.

– Никаких тел. Я не присматривалась, но, честно говоря, там очень чисто. Думаю, ее держат запертой на случай, если мы попытаемся позвонить Кларку Гейблу.

– Джону Уэйну.

– Джеймсу Стюарту.

– Рою Роджерсу.

– И Триггеру.

Имена любимых кинозвезд, как двуногих, так и четвероногих, заставили их забыть о звонке Джека. Но Грейс, естественно, постоянно мысленно возвращалась к разговору с ним.

– Ну как жизнь в шотландской глуши? – спросил Джек.

– Не так прекрасна, как в берфордширской деревне, но неплоха. И девушки славные. Особенно две беженки.

– Уайтфилдз принимает беженцев, но не уверен, когда они придут. Мне пора, просто хотел напомнить, что мы договорились писать друг другу. Скоро увидимся.

– Да, просто чудесно!

Что за неожиданное событие! Джек! Почему он едет в Шотландию и идет ли на фронт?

Все это так волнующе.

Два дня спустя, вымыв волосы с помощью Евы и сделав прическу, воспользовавшись собранной девушками косметикой, Грейс ждала Джека у ворот фермы. На ней было пальто с меховой подкладкой, подаренное леди Элис, хотя ей уже выдали полагающуюся теплую форму, и Грейс казалось, что, если не считать ботинок, она неплохо выглядит.

Джек, во всяком случае, тоже так считал. Его глаза засияли нескрываемым восхищением при виде девушки, но он тут же заметил несколько пар женских глаз, так и впившихся в него, хотя их обладательницы делали вид, что парочка нисколько их не интересует, помог Грейс сесть в машину, помахал в сторону прятавшихся девушек и отъехал.

– Собственно говоря, Грейс, твои подруги облегчили нашу встречу. Я был не совсем уверен, чего ты ожидала. Зато знаю, что хотел сделать.

Грейс очень мило покраснела.

– Рада видеть тебя, Джек.

– Мне следовало написать. Но ее светлость подумала, что так будет лучше...

Он не закончил, и Грейс, которой очень хотелось узнать, что думает ее светлость, спросила о Гарри.

Парень облегченно улыбнулся. На этот вопрос он вполне способен ответить.

– С ним все хорошо, и Уайтфилдз взял на себя ответственность за уход и лечение, что просто прекрасно. Доктора обещают, он полностью поправится. Но говорит он пока плохо и уж точно негоден для физического труда.

– У него есть семья? Бедняга...

– Нет, никого. Жена умерла родами больше двадцати лет назад, и ребенок не выжил. Сейчас Гарри в санатории. Миссис Лав навещает его, поскольку стыдится своего прежнего отношения к нему. Но расскажи о себе.

– Нечего рассказывать. Можешь ответить, почему ты здесь?

– Легко. Я здесь, чтобы пригласить тебя на обед, а потом мы пойдем в кино, если рядом есть кинотеатр. Я сто лет не видел ни одного фильма.

Грейс смотрела на его профиль. Очень приятное лицо, но он вел себя как человек, уклоняющийся от темы.

– И ты просто приехал оттуда, где находился до этого?

– Прости, Грейс, я думал, что все объяснил по телефону. Граф включил меня в программу обучения водителей санитарных машин. Я работал с ними и теперь готов ехать на фронт. Мой полк отправляется... через несколько дней. А пока нам дали отпуск, и леди Элис сказала, что я могу навестить отца и сестру и, прежде чем снова вернуться на юг, должен посетить Флемингов, – не для того, чтобы инспектировать тебя или других: вас регулярно посещают чиновники Земледельческой армии, – а потому, что мне поручено доставить очередную партию оленины. Для чего мне и дали эту машину. Должен признать, что это мое решение произвело огромное впечатление на окружающих. Я несколько раз спрашивал о тебе, но леди Элис, похоже, не желает ничего говорить. Вне всякого сомнения, она считает, что я дурно на тебя влияю.

Последовало минутное молчание.

– Она сказала... сказала, что я слишком увлечен, живу в одном измерении, хотя непонятно, что имела в виду, но когда я уезжал, она призналась, что ты здесь.

Крошечный пузырек удовольствия набухал в груди Грейс, пока она не почувствовала, что еще немного – и взорвется вместе с ним. Джек, словно поняв, что она испытывает, сжал ее крепко сцепленные, лежавшие на коленях руки. Даже плечи горели каким-то неведомым ранее огнем. Она повернулась к нему. Джек улыбнулся ей:

– Я хочу... нет, ты голодна? Вряд ли мы сможем найти здесь что-то вкусное.

Он рассмеялся, и она тоже, спонтанно, радостно. Кажется, ей все равно, если она больше в жизни куска не проглотит! Еда... такая низменная материя. Она хотела... о, чего же она хотела? Сидеть в машине, как можно ближе к Джеку Уильямсу, и катить куда глаза глядят.

Но конечно, этого не произошло. Минуты через две они уже были в деревне и искали чайную.

– Есть одна, как раз перед Истером, парень, но это скорее паб. Есть отель для гольферов, милях в пятнадцати-двадцати отсюда. Вон в том направлении, – указал любезный прохожий, к которому они обратились, и удалился.

– Я не могу повести тебя в паб, Грейс. Только не в Шотландии. Это совсем не то, что английский паб. Если тебя там увидят, твоя репутация будет навеки погублена.

Оба вспоминали, когда в последний раз были вместе и толковали о репутациях.

– Ты любишь ковбойские фильмы?

– Обожаю. Как раз один идет сейчас в деревне.

– В кинотеатрах продают чипсы и сладости. Мисс Патерсон, хотите пообедать картофельными чипсами и вкусным шоколадом, глядя на экран и гадая, сумеет ли хороший парень в черной шляпе взять верх над плохишом в белой? Сможет ли Голливуд передать это достаточно правдоподобно?

– Кто знает? – улынулась Грейс.

Трейлеры следующего фильма, который будут показывать в деревне, как раз появились на экране, когда парочка, неся весьма странный ужин и все еще смеясь, нашла места куда удобнее тех, которые Грейс занимала, приходя в кино одна.

«Оклахомский фронтьер», в котором главную роль играл «единственный и неповторимый» Джонни Макбраун, возможно, была такой же волнующей, как и все картины подобного рода. Но как Грейс ни пыталась, внимание обращала только на близость Джека Уильямса. Даже сквозь толстый рукав пальто она чувствовала тепло его руки. Каждое нервное окончание внутри ее тела пульсировало, и от волнения она не могла есть купленные сладости.

«Смогла бы я съесть самый вкусный стейк, если бы его поставили передо мной»?

Она ощутила движение. И в следующий момент левая рука Джека легла на ее плечи. Она напряглась, и он прошептал:

– Все нормально? Я просто должен был тебя коснуться.

Немедленно послышалось очень громкое «шшш» в передних рядах, и они удивленно рассмеялись. Остальные рядом тоже рассмеялись, потому что эти звуки прозвучали куда громче шепота Джека и были похожи скорее на злобное чиханье.

Грейс решительно была не в состоянии сосредоточиться на фильме. Она не могла думать ни о чем, кроме руки Джека; мужчины и лошади, галопирующие на экране, сливались в одно неясное пятно. Она слышала вопли и выстрелы, но ничего не понимала. И точно знала, что никогда в жизни не была счастливее, хотя... тяжесть руки на плечах напоминала о другой мужской руке, которая гладила по головке малышку Грейс. Сэм...

Фильм закончился. Они встали и вслед за довольно внушительной толпой потянулись наружу.

– Не думаю, что пошел бы в битком набитый зрителями кинотеатр в большом городе. Я бы думал только о воздушных налетах. Вряд ли это можно назвать развлечением.

– Ты прав. Нам повезло, по сравнению с моими дартфордскими друзьями. Когда я была там в начале года, каждый вечер случались тревоги, а сюда немцы залетают нечасто, через залив Ферт-оф-Форт и иногда сбрасывают бомбы на соседние поля, но, когда мы слышим вой моторов, держимся за руки, и наши прелестные польки начинают петь.

– Звучит неплохо, особенно та часть, в которой вы держитесь за руки. Но старина Гитлер полон решимости захватить мистера Черчилля и уничтожить Лондон.

– Он никогда этого не сделает, против наших сил ему не выстоять. Моя подруга Дейзи служит во вспомогательных войсках ВВС. Ее старший брат в немецком концлагере, – грустно добавила она.

– Я благодарен им, Грейс, но просто не могу делать то, что делают они.

Неужели этот прекрасный вечер испорчен?

Джек тоже ощутил перемены в ее настроении и сделал очевидное усилие развеселить девушку.

– Пожалуй, отвезу тебя на ферму. Хорошо, что не нужно спешить на дойку.

Грейс рассмеялась.

– Да, миссис Флеминг сама доит трех коров, но мы все равно встаем до пяти. На ферме некогда спать допоздна. Разве что в выходной. Но две девушки, обе корнуолки, побывали в месте,

где есть правило: если вы опоздали к завтраку, придется обойтись без него.

– Возмутительно. Стоимость еды вычитается из жалованья трудармеек, да еще вперед. Это так непорядочно! Надеюсь, они пожаловались.

– Понятия не имею. Я бы точно не стала спорить с миссис Лав!

Джек хмыкнул и прижал ее к себе:

– Да ты ссорилась со всеми!

– Но не из-за себя. Вряд ли я сумею бороться за себя. Сэм, брат Дейзи, всегда заботился о тех, кто слабее.

Они подошли к машине, но прежде чем открыть дверь, Джек повернул Грейс лицом к себе.

– И ты влюбилась в большого и сильного Сэма. И хочешь быть, как он. Прекрасная история, Грейс. Надеюсь, он тоже тебя любит.

– Глупости! Кроме того, он влюблен в мою подругу.

Джек открыл дверь машины и подождал, пока девушка сядет, прежде чем обойти ее и устроиться на пассажирском сиденье. Молча завел мотор и выехал на дорогу.

– Спасибо, что повел меня в кино. И за то, что угощал шоколадом.

Он улыбнулся ей, и Грейс облегченно вздохнула. У него такая чудесная улыбка!

– Не за что, мисс Патерсон. В следующий отпуск я попытаюсь угостить вас чем-то повкуснее трехпенсовых несвежих шоколадок.

– Почему несвежих? – возразила Грейс, но в мозгу вертелось: «в следующий раз, в следующий раз...»

– Вы, мисс, ничего не ели, так что откуда вам знать?

Неловкий момент прошел, все стало обычным. И они спокойно заговорили о работе, последних новостях и даже о том, что собираются делать, когда закончится война.

– Надеюсь, ты продолжишь учебу, – сказала Грейс, любуясь пролетающими мимо освещенными луной пейзажами и – шокирующим зрелищем для того, кто привык к затемнению на юге Англии, – редкими освещенными окнами.

– Эти идиоты, похоже, забыли, как близки к Эдинбургу. Правильно, показывайте немцам дорогу! – злился Джек на беспечных хозяев, не отвечая на вопрос.

– У нас было несколько опасных моментов. Над Абердином они летают постоянно и, конечно, над Глазго и пристанью. Полагаю, хотят разбомбить мост через Ферт-оф-Форт, может, несколько заводов. Но не волнуйся насчет освещения, охрана заметит их. Джек, надеюсь, ты планируешь вернуться в университет?

– Сначала я должен выжить.

Она отшатнулась, как от удара. Выжить? Точно, он же будет водить санитарные машины под градом пуль и снарядов.

Сердце сжалось от ужаса.

– Но ты выживешь! Ты должен!

Он всмотрелся в ее лицо в слабом свете луны.

– Милая, милая Грейс. Тебе действительно не все равно.

– Конечно, не все равно.

– Я должен поцеловать тебя. Целый вечер только об этом и думал.

Джек свернул к поросшей травой обочине и остановил машину. И, не ожидая, пока она что-то скажет, притянул к себе и стал страстно целовать. Куда более умело, чем в прошлый раз.

Грейс была удивлена силой первого поцелуя. И просто приняла его, подставив губы. Джек отстранился, посмотрел ей в глаза и осторожно обвел контуры ее лица, щеки, лоб, нос, и, наконец, губы. Его прикосновение воспламенило ее. Он снова наклонился, чтобы поцеловать ее, но наткнулся на рычаг переключения скоростей и выругался.

– Я не могу как следует поцеловать тебя на переднем сиденье машины...

Он немного подумал, прежде чем продолжить:

– Сзади есть чудесное сиденье. Не... не посидишь со мной там несколько минут? Слишком холодно, чтобы целоваться на улице, и, возможно, Флеминги не обрадуются, если одну из их работниц станут целовать у входной двери.

Она колебалась. Он увидел это и сказал:

– Не бойся. Я хочу... я хочу, чтобы ты писала мне, как обещала, и чтобы мы увиделись, когда приеду в отпуск. Хочешь этого? Я не бесстрашный солдат, но иду в бой. Если не пожелаешь, так тому и быть.

– Конечно, я хочу писать и получать письма от тебя. Просто мистер Бруэр всегда запрещал моей подруге Салли садиться на заднее сиденье машины.

– Пара поцелуев, Грейс, чтобы было что запомнить. О боже. Это звучит так похабно. Именно так выражается любой распутник. Прости, мне не следовало просить тебя об этом.

Он сел прямее и протянул руку, чтобы повернуть ключ зажигания, но Грейс остановила его:

– Несколько поцелуев, пока ты не вернешься живой и здоровый. Верно?

– Конечно. Но я не собираюсь на тебя давить. Я уважаю тебя и хочу, чтобы мы переписывались и виделись время от времени.

Она отвернулась от него, открыла дверь машины, вышла и уселась на заднее сиденье. Джек последовал за ней.

Они немного посидели, спокойно глядя друг на друга. Грейс ощутила, как жар охватывает тело, а сердце бьется так громко, что он вполне может это услышать. Значит, это смятение и есть любовь? Но у нее не осталось времени подумать, потому что Джек с чем-то вроде сдавленного стоны притянул ее к себе и стал целовать.

– Во имя всего святого, Грейс Патерсон, в какое время ты являешься? Мы тут с ума сходим от беспокойства, потому что отвечаем за тебя. И позволь сказать...

Миссис Флеминг показала на большие старые напольные часы в прихожей.

– Еще две минуты, и я позвонила бы миссис Элис, утром, конечно. Где это ты была?

И без того покрасневшее лицо Грейс побагровело. Она подняла трясущуюся руку, пытаясь пригладить наверняка растрепанные волосы.

– Мы ходили в кино, на ковбойский фильм, а потом вернулись.

– И, полагаю, останавливались полюбоваться видом.

– Мы встретимся, миссис Флеминг, когда Джек вернется, а пока будем писать друг другу. Я дала ему свой адрес.

– От души надеюсь, что больше ты ему ничего не дала. Иди наверх и не буди остальных.

Весна пришла во всей пышной красе, словно природа вознаграждала семерых трудармеек за терпение, с которым они выносили все невзгоды прошлой зимы. Но от Джека не было писем. Грейс пыталась скрыть возрастающую тоску от остальных, но чувствовала вопросительные, хоть и заботливые взгляды Евы и Кати. Взгляды миссис Флеминг не были столь дружелюбны. Как-то утром она застала Грейс одну на огороде.

– Последнее время ты выглядишь ужасно расстроенной. С тобой ничего такого не случилось?

Грейс подняла глаза от моркови, которую прореживала, и попыталась улыбнуться.

– Нет, миссис Флеминг, ничего.

Жена фермера молча оглядывала ее с головы до ног, пока не вспыхнула:

– Если у тебя есть что сказать, лучше сделать это пораньше, – бросила она, не отводя глаз.

– Мне нужно работать...

Миссис Флеминг издала звук, удивительно похожий на фыркание колли, и отошла. Грейс снова занялась делом. Но мозги продолжали работать так же бешено, как руки.

– Что, если? Что, если...

«Но это не может быть что-то еще. Господи боже, что же мне делать, если я... Куда идти? Почему Джек не пишет? Он не уважает меня. А вдруг он ранен? Скажет ли ей леди Элис, если... да узнает ли она?»

Она так привыкла находить утешение в работе на земле. Но сегодня желанный покой не приходил.

Тело наполняли воспоминания о времени, проведенном с Джеком. Даже мысли об этом наполняли ее наслаждением. О, она не хотела, чтобы это случилось. Джек снова и снова заверял ее, что ничего не будет. Но все было. И оказалось, что это прекрасно. Чувство полной принадлежности кому-то, любить самой и быть любимой... ничего такого она до этого не испытывала.

И тут женщина с клубничного поля, словно мираж, появилась из ниоткуда на ухоженном огороде. Девушка увидела, как она улыбнулась и наклонилась ближе и произнесла:

– Мой маленький, драгоценный ягненочек, моя родная Грейс.

«Моя мать? У нее такой приятный голос. Но может, я слышу его в своем воображении? Я должна найти ее или узнать, что случилось с ней и почему меня...»

Гигантская волна тошноты поднялась в желудке Грейс, и она едва успела повернуться от огорода. Струя рвоты выплеснулась на низкую каменную ограду.

Дрожа, вся в поту, она немного посидела на земле, пока буря внутри не утихла.

– Ты здорова?

Это была Джейн, еще одна из трудармеек.

– Господи, девочка, ты ужасно выглядишь! Сначала разговариваешь с собой, а потом наизнанку выворачиваешься. Как скажешь Флемингам, что ты с начинкой?

– С начинкой?

Грейс никогда раньше не слышала этого выражения.

– Беременна, идиотка ты такая.

– Беременна? О нет!

Но Грейс пришлось признать, что проблема, которую она старалась избегать несколько недель, существует и другие девушки тоже так считают. Найдется ли у нее мужество...

– Нет-нет, я чем-то отравилась, вот и все. Пожалуйста, Джейн ничего не говори.

– И не придется, если будешь продолжать так себя вести. Я должна свалить дерево и искала того, кто бы мне помог, но от тебя толку мало.

– Я помогу и закончу прореживать морковь. Нужно прополоть лук, но я займусь этим после обеда. Я никогда не рубила деревьев.

– Я тоже, но это никого не волнует. Пойдем. Но если тебя опять начнет рвать, выдам миссис Флеминг твою тайну.

Нет никакого смысла пытаться убедить ее, что никакой тайны нет. Все было плохо, но если сила молитвы действительно существует, никакую тайну не придется открывать. Если сила молитвы реальна, от Джека придет письмо... сегодня, завтра, на следующей неделе, в следующем месяце.

Она подняла мешок, в котором лежал обед, и последовала за Джейн.

– Люди из Сельскохозяйственного комитета считают, что каждый клочок земли, который можно распахать и засеять, должен быть распахан и засеян, а у Флеминга есть пара деревьев, выросших не на том месте. Поэтому их нужно срубить.

Увидев панику в глазах Грейс, девушка рассмеялась.

– Это не те гигантские дубы, которые растут здесь со времен нашествия римлян, а молодые побеги, с которыми трудностей не будет. Умеешь пилить?

– Прости, нет.

– Я тоже. Ради бога, нечего так пугаться. Если верить Министерству обороны, вместе мы способны на все.

При виде недоуменной физиономии подруги Джейн весело покачала головой:

– Повторяй это себе каждое утро, когда чистишь зубы яркой, сверкающей пастой «Колинос», продающейся за два шиллинга два пенса, или слушаешь переносной приемник за одну крону три пенса. Никогда не имела приемника? Их рекламируют в газетах...

Но тут она осеклась и стала серьезной.

– Вот они.

Две высокие тонкие березки росли почти на краю вспаханного поля. Рядом кто-то оставил двуручную пилу.

– Если я верно запомнила, нужно решить, в какую сторону им безопаснее всего падать. Откровенно говоря, не знаю, сказали ли нам, с какого боку пилить? Видимо, это очень важно, но перед нами не огромные каштаны. Поэтому не будем слишком уж волноваться. Думай, Грейс, куда им падать?

– Понятия не имею, – хотела ответить та, но решила, что честность в этом случае, возможно, не лучшая политика.

– На поле. Если они упадут в любую другую сторону, застрянут в деревьях. Поле еще не вспахано. Нам меньше проблем. А мы должны их еще и распилить?

Джейн согласилась, что это, возможно, входит в их обязанности.

– Послушай, я старше и шире тебя. Ты выглядишь так, словно топор не сможешь поднять. Стой там. Я ударю раза два, и, думаю, щепки полетят во все стороны.

– погоди. Разве мы не должны носить защитную одежду? Очки или что-то в этом роде?

– Не знаю и не думаю, что у Флемингов она есть.

Джек и Гарри рубили деревья. Было ли у них специальное снаряжение? Грейс вдруг поняла, что никогда не видела Джека за работой. Возможно, однажды, в канаве... но не за рубкой деревьев.

Она снова оглядела деревья, которые нужно свалить, и пожала плечами. Они действительно не так уж велики.

– Я готова.

Грейс отошла от первого дерева. Джейн подняла топор и встала так, чтобы видеть дерево и одновременно не оказаться на той стороне, куда оно упадет. Замахнулась и ударила: раз, другой, третий...

– Я начала, ура!

Грейс подошла ближе. Да, в стволе была большая зарубка.

– Бедное дерево. А вдруг ему больно?

Джейн, морщась, отшвырнула топор.

– Не будь дурочкой. Это дерево.

– Оно живое!

– Но не будет живым, когда мы с ним покончим. Пойдем, берись за пилу.

Им оставили длинную гибкую пилу, с рукоятками по концам. Грейс подняла свой, и вместе они подошли к дереву.

– По-моему, необходимо поймать общий ритм, – заявила более опытная Джейн. – Я встану здесь, ты там, и мы начнем. Сначала я тяну на себя, потом ты. Ровно. Я помню, что миссис

Флеминг велела тянуть, а не толкать. Оно должно упасть вперед, если будем правильно действовать, но на всякий случай следи за деревом. Нужно быть начеку. А вдруг оно жалобно застонет, ломаясь под собственным весом?

Грейс проигнорировала шутку, и они принялись за дело. Некоторое время ушло на то, чтобы поймать ритм, так как пила застряла, и пришлось начинать все снова.

– Здесь нет ничего похожего на клин? В руководстве что-то писали насчет того, чтобы вставлять клин в распил.

Никакого клина не нашлось.

– Возможно, для стволов потоньше клин не нужен, – предположила Грейс после того, как призналась, что не читала никаких руководств.

– Не важно, давай снова установим ритм.

Они тянули, тянули, тянули. И тянули... и наконец, – по крайней мере на взгляд двух неопытных трудармеек, – их действия вроде бы стали напоминать нечто вполне профессиональное. А распил стал глубже.

Они отступили и запрыгали от радости, когда дерево действительно застонало.

– Падает, падает...

Джейн перескочила через упавший ствол и обняла Грейс:

– Мы сделали это! Сделали! А мистер Флеминг считал нас легкомысленными девчонками! Как твои ладони? Мои огнем горят, даже сквозь перчатки!

– По-моему, налился волдырь. Но не слишком большой.

– Давай прервемся и съедим сэндвичи.

На обед было потрачено совсем немного времени: холодная вода, сэндвич, тонко намазанный белковой пастой «Мармайт», и еще один, с ломтиками свеклы, вряд ли могли считаться аппетитной едой. Особенно если, как Грейс, ненавидишь «Мармайт».

– По крайней мере хлеб домашний, – пыталась она развеселить их, – хотя думаю, что съела ужасно много свеклы этим летом.

– В Уайтфилдз еда совсем другая, полагаю, – заметила Джейн и, расклеив сэндвич, уставилась на «Мармайт», словно надеясь, что он каким-то чудом превратится в нечто совсем иное.

– Да, но нам сказали, что здесь придется затянуть пояса. На все вводятся карточки, и никаких фруктов. Я так тоскую без свежих фруктов!

– На ферме растут малина, клубника и крыжовник. Конечно, все идет на рынок, но нам достаются помятые ягоды и те, которые не могут продать.

– С нетерпением жду, – отозвалась Грейс, поднимаясь с вересковой полянки, на которой сидела.

– Самое раннее – в августе, если только лето не будет жарким.

– Не важно: все равно приятно ждать. А теперь беремся за второе дерево.

При мысли о себе в роли дровосека Грейс захохотала.

– Я представила, как мы сажаем, удобряем, пропалываем, собираем и укладываем клубнику, и это помимо рубки деревьев. Интересно, будет что-то такое, чего мы не сумеем сделать, когда война закончится?

Обе замолчали. Хотя графство было на пути маршрута многих вражеских самолетов, назойливо жужжавших над головой целый день и ночь, пока что ферме не пришлось испытать прямого воздушного налета. Работникам отдаленных ферм было легко забыть, что на их земле, в море и воздухе идет война и что по всей Европе каждую минуту рушатся жизни тысяч людей. Грейс четко поняла это только сейчас, хотя ее польские подруги каждую минуту жили с сознанием этого, да и она сама часто думала о Сэме Петри и Дейзи, и остальных, где-то

сражавшихся друзьях, особенно Джеке. Где он? Почему не ответил ни на одно ее письмо?

– У меня подруга во вспомогательных частях ВВС, ее бойфренд учит летать.

Обе решили, что полеты – куда более волнующее занятие, чем разбрасывать навоз по полям или рубить деревья. Поболтали о различных занятиях военного времени и вернулись ко второму дереву, снова отложив мешки.

– Нет, Грейс, каждая работа жизненно важна, и твоя подруга Дейзи вряд ли смогла бы воевать без еды, которую мы производим, так что смиримся и срубим чертово дерево, – торжественно заявила Джейн.

Но потом что-то пошло не так. Были ли они слишком самоуверенны? Они легко свалили одно дерево... Неужели поверили, что знают все, что полагается знать о рубке?

Когда их спросили об этом позже, обе сказали, что делали все в точности как в первый раз.

Джейн сделала зарубку на дереве и вместе с Грейс взялась за пилу. Они расставили ноги для упора и принялись тянуть пилу взад-вперед. Все было точно как раньше. Но каким-то образом направление падения дерева изменилось. Как это могло произойти? Они наблюдали за этим с колотящимися сердцами, не веря глазам. Дерево застонало. Его стон боли или гнева звучал иначе, чем у первого. Дерево отклонилось от курса и упало, быстро и шумно... На Джейн.

– Отскакивай! – завопила Грейс, но Джейн, словно приросшая к месту, в ужасе уставилась на падающее дерево. Оно проломило кроны стоявших на пути деревьев, обрывая свежие листья, и упало, как подкошенное первой осенней бурей.

Девушка, не раздумывая, ринулась с протянутыми руками к Джейн, чтобы ее оттолкнуть. Послышался глухой стук... и настала тишина.

Сначала Грейс была поражена тем, что не может пошевелиться. Все кости надсадно ныли. Она попыталась открыть глаза. И с ужасом поняла, что они уже открыты и она ничего не видит.

Далее пришло понимание, что она полулежит на теплом мягком теле, уткнувшись лицом в землю, что, вне всякого сомнения, было причиной острой боли в шее. А вместе с пониманием пришло и воспоминание. Джейн... дерево...

Она снова попыталась отползти, но не смогла. Ну конечно, ее держат ветки, слава богу, не ствол! А сама она придавила подругу.

– Джейн? – прохрипела она. – Поговори со мной.

Ответный шепот был тихим, но связным.

– Слезь с меня. Мне нечем дышать.

«Джейн жива! Слава богу, слава богу!»

– Ты ранена?

– Слезь с меня, – снова взмолилась Джейн. – Ты меня раздавишь.

Грейс попыталась отползти, но, судя по шелесту листьев, ее усилия были бесплодными.

У нее по-прежнему все болело, но она знала: необходимо слезть с Джейн, которая должно быть, ужасно покалечена.

– На нас упало дерево. Но нам повезло. Очень, потому что это верхние ветки, а они тонкие.

– Умираю, – прохныкала Джейн. – Помоги мне, пожалуйста. Я не хочу умирать!

– Ты не умираешь. Поверь, мистер Флеминг скоро придет. Выслушай меня, пожалуйста. Я попытаюсь оттолкнуться от тебя. Если смогу упереться руками по обе стороны от тебя, постараюсь привстать, но я беспокоюсь, что...

Нет, она не могла сказать Джейн, что, если та ранена в грудь, всякие попытки откатиться от нее приведут к более серьезным повреждениям.

Грейс сильно тошнило. На лбу выступил холодный пот. Нужно освободить бедную Джейн, прежде чем... прежде чем ее вырвет. Желудок переворачивался, а внизу разрасталась знакомая боль. Много дней она молилась, чтобы *это* началось. Как бы она радовалась боли! Но сейчас

нужно позаботиться о Джейн и не волноваться за себя.

Молясь, чтобы каждое легкое движение не повредило подруге, Грейс сумела высвободить руки и уперлась правой в землю слева от Джейн, а левой – справа.

– Сейчас я приподнимусь и слезу с твоей несчастной груди. Я очень попытаюсь не покалечить тебя.

Джейн не ответила.

Какое-то мгновение Грейс лежала неподвижно, пытаясь сосчитать, сколько веток на ней лежит.

– Это не ствол. Нам очень, очень повезло, это всего лишь ветки, и не слишком толстые.

Джейн по-прежнему молчала, но Грейс слышала ее дыхание.

– Моя подруга Дейзи или ее сестра-близняшка смогли бы приподняться и сбросить чертово дерево. Они хорошие спортсменки, особенно бегуны.

– Только поскорее, – донесся слабый голос.

Грейс собралась с силами, оперлась о землю, глубоко вздохнула и оттолкнулась. Легкие, усыпанные листьями ветки шевельнулись. Руки затряслись от напряжения.

«Я не должна упасть на нее. О, пожалуйста, не дай мне упасть на нее», – прошептала она, пытаясь выпрямить уставшие руки. Она чувствовала, что слабеет, и давление на измученное и ноющее тело было невыносимым – почти.

Сверхчеловеческим усилием Грейс сумела отвести ветви и постаралась осторожно отползти в сторону. Но поняла, что, если сделает это, ветви упадут на лицо Джейн. Поэтому, все еще неся груз ветвей на спине, она сумела соскользнуть на землю. Правая рука лежала на груди Джейн, принимая на себя вес веток.

Наконец она услышала вздох облегчения.

– Спасибо тебе, Грейс, спасибо.

– Собственно говоря, я считаю, что должна подать в суд за причиненные увечья или даже потребовать арестовать ее за нападение.

Джейн, с рукой в гипсе и лицом, покрытым синяками и кусочками пластыря, удобно устроилась на постели в окружении других трудармеек, в который раз жадно слушавших ее рассказ о том, что могло стать трагедией, но превратилось в волнующую историю.

Обеих девушек ожидали на ферме к середине дня. Но когда они не появились, никто не усмотрел в этом ничего странного. Ни одна трудармейка не умела валить деревья, поэтому никто не удивился, что это занятие заняло у юных особ больше времени, чем у опытного дровосека.

– Конечно, на это потребуется время. Скоро придут выпить чашечку чая.

Но девушки так и не пришли. Фермер, не зная, злиться или волноваться, взял трактор и поехал на поле, где пережил самое страшное потрясение в своей жизни. Обе девушки лежали неподвижно под кроной поваленного дерева.

– Боже, они убиты! – потрясенно заорал фермер, спрыгивая с трактора.

– Нет. Мы живы, – пробормотал едва слышный голос. – Думаю, Джейн покалечилась, но она может двигать одной рукой и говорить. Я порядке, только не могу пошевелиться и руки не слушаются. Не могу отвести от нее ветки.

Фермер мгновенно очутился рядом и быстро оценил ситуацию.

– Сумеешь отползти, Грейс, если я подниму ветви?

– Думаю, да.

– Молодец, девочка.

Он схватил тонкие ветки сильными руками и потянул.

Боль во всем теле становилась острее. Она так старалась помочь Джейн, что игнорировала

свои ощущения, и теперь боль, казалось, усилилась. Плечи, руки и ноги ныли от попытки оттолкнуть Джейн от падающего дерева. Ее исхлестали тонкие ветки. И кроме того, в желудке словно поворачивали нож, и она едва подавила вопль.

Мистер Флеминг, мышцы рук которого напряглись, как канаты, старался удержать дерево от падения на Джейн.

– Проверь, как там твоя подруга, если сумеешь.

– Я в порядке, – пролепетала Джейн, – но повернуться не в силах.

– Я помогу, мистер Флеминг. Что мне делать? Может, оттащить ее?

– Такая тощая малышка, как ты? Лучше беги в дом и приведи миссис. На твое лицо смотреть страшно.

– Возможно, просто грязь, – заверила Грейс, пытаясь стряхнуть ее с волос и глаз.

Подойдя к фермеру, она ухватилась за ветки.

– Мы можем попробовать. Пожалуйста!

– Тянем на счет «три», – решил фермер, пристально оглядев девушку.

Откуда только у Грейс взялись силы!

Она принялась тянуть вместе с мужчиной. Дерево сдвинулось.

– Хорошо. Еще раз.

Джейн была свободна.

– Может, вызвать доктора, прежде чем она попытается подняться, мистер Флеминг?

Фермер встал на колени возле Джейн, которая осторожно шевелила ногами.

– Голова болит. И рука тоже, – сообщила она.

– Может, нам следует... – начала Грейс, отчаянно пытавшаяся вспомнить все, что узнала, посещая вместе с Дейзи курсы первой помощи в Дартфорде. У них была брошюра, озаглавленная «Первая помощь для жертв воздушного налета». Там наверняка было что-то и о возможных травмах головы.

– Чашка крепкого горячего чая и отдых – и все будет хорошо, верно, Джейн? – перебил ее мистер Флеминг.

Девушка согласилась и со стонами, с помощью Грейс и мистера Флеминга поднялась с земли.

Они повернулись к трактору.

– Можешь подтянуться здоровой рукой и сесть?

– Я подтолкну тебя сзади, очень осторожно. Хорошо, что левая повреждена, а не правая!

Джейн вцепилась в поручень трактора и подтянулась. Грейс подтолкнула ее сзади. И девушка со сдавленным плачем уселась в кабину.

– Никогда раньше не ехала на тракторе, – храбро выдавила она.

Мистер Флеминг сел рядом.

– Прыгай на трейлер, Грейс, – окликнул он.

Хотя она была совершенно не способна прыгать, все же ухитрилась забраться в кабину, и через несколько минут они ехали к дому, где миссис Флеминг не находила себе места.

– Что случилось? Вы в порядке? – крикнула она.

Облегчение на ее лице при виде девушек, способных войти в дом собственными ногами, было почти ощутимым.

– Ей нужен доктор, – сказала Грейс. – Уверена, у нее рука сломана.

– Просто сильное растяжение. У меня на печи стоит чечевичный суп. Съедите по тарелочке и оживете.

– Взгляните на нее! Она едва стоит! В начале войны я ходила на курсы первой помощи, и это не растяжение, – успела возмутиться Грейс, прежде чем охнуть и согнуться от боли.

– Господи милостивый, что это с тобой? Они обе покалечились, Боб. Приедут из комитета и нас закроют! – в ужасе кричала миссис Флеминг.

Грейс выпрямилась.

– Простите. Это всего лишь спазмы, – успела пробормотать она, прежде чем ринуться в туалет. Вернулась она через несколько минут, и, хотя боли продолжались, на душе стало спокойнее.

Она плакала, сидя в холодном туалете, но это были слезы радости. Она молилась, чтобы *это* оказалось просто задержкой, и теперь знала, что *это* именно задержка, а не выкидыш. Угрызения совести за свое поведение терзали ее, но Грейс не представляла, как могла бы жить дальше, поняв, что потеряла ребенка.

К счастью, кухня оказалась пуста. Хорошо, что никто не видит ее чумазого, залитого слезами лица!

Записка на клеенке, покрывавшей стол, гласила: «Грейс, мы возем Джейн в местную больницу. Поешь суп и завари себе чая».

Она не хотела супа с чечевицей, пусть и самого вкусного, потому пошла наверх, в комнату, которую делила еще с двумя девушкам, где умылась и переоделась, прежде чем вернуться на кухню. Чашка чая – как раз то, что ей нужно.

Около половины шестого трудармейки пришли на ужин и с удивлением увидели расставлявшую чашки Грейс. Она наскоро рассказала о событиях дня.

– Я заварила крепкого чая, но понятия не имею, чем вас кормить...

– Когда они уехали? – перебила Ева.

– Не совсем уверена, но была уже вторая половина дня.

– Я однажды прождала в приемном покое пять часов, – мрачно сообщила Шила Смит, – но это было в Карлайле. В больших городах народу больше.

Почти у всех в жизни бывали подобные случаи, и они так увлеченно болтали, что не слышали, как подъехала старая машина Флемингов.

– Простите, что так поздно, – были первые слова, услышанные от фермера, когда в комнату вошла очень бледная Джейн. – Бедная, она сломала руку. Глупышка. Но все в порядке. Верно, дорогая?

Джейн не ответила.

– Я отведу ее наверх, – продолжила миссис Флеминг, – и уложу в кровать. День-другой от нее будет мало толка. Девушки, я рада, что вы заварили чай. У меня в кладовой есть чудесный пастуший пирог, испекла только сегодня утром. Так что ужин у нас есть. Пойдем, Джейн, только помедленнее. А вы включите приемник. Может, послушаете что-нибудь веселое.

Девушки заверили, что позаботятся обо всем, и стали выполнять наказания. Но как только слышали, что медленно ковылявшие женщины добрались до верха лестницы, увеличили громкость приемника и сели.

– Ее рука в гипсе? – хором спросили девушки, констатируя очевидное.

– И лицо изуродовано, да и твое не намного лучше, Грейс. Должно быть, большой синяк чертовски болит, – заметила Шила. – Что говорит миссис Флеминг?

– Немного. По-моему, нужно заполнить какие-то формы в случае, если кто-то покалечится. Даже по своей вине.

– А Джейн виновата? – спросила Катя.

Глаза Грейс наполнились слезами. Она так устала и ей так хотелось в постель... но голод оказался сильнее.

– Не знаю. Мы делали все, как в первый раз. У нас обеих полно царапин от сучков и веток.

Она не сказала, что прикрыла своим телом Джейн, защитив от удара. Кроме того, скрыла, что ее руки и спина тоже покрыты синяками.

– Мы в Англии, где позволено задавать вопросы, – вмешалась Катя. – И будем спрашивать.

Даже Фиона не потрудились напомнить ей, что они в Шотландии.

– Давай сначала поговорим с Джейн, – предложила она. – И в зависимости от того, что она скажет, постараемся разобраться.

Приняв решение, они закончили накрывать на стол и уселись ждать Флемингов.

– Не волнуйтесь, миссис Флеминг, – сказала Катя позже. – Уже ночь, и мы идем спать. Я отнесу тарелку Джейн и помогу ей поесть.

Миссис Флеминг нерешительно взглянула на девушек.

– Если вы уверены... день был тяжелым, и вам нужно выспаться.

– Я буду рада помочь с дойкой, – предложила Грейс. – У вас тоже был нелегкий день.

Ее предложение было отвергнуто. Миссис Флеминг любила своих коров и предпочитала доить их сама. Но предложение девушки каким-то образом полностью восстановило гармонию в доме. Они не пошли к себе, а поднялись в комнату, которую Джейн делила с польками, где нашли больную, лежавшую в постели. Она почти ничего не съела, но очень хотела пить.

– Джейн, расскажи, что было в больнице!

– Я не слишком хорошо помню. Очень больно было. Миссис Флеминг заверила, что обо всем позаботится. И меня повезли смотреть руку. Доктор сказал, что перелом скверный, и когда накладывали гипс, я кричала от боли. Почти так же больно было, когда я упала на руку. Вернее, когда на меня свалилась наша главная командирша и наставница.

Грейс, не поняв шутки, расстроено вздохнула, но добросердечная Шила тут же вступилась за нее:

– Она просто старается тебя поддеть. Мы не позволим ей подать на тебя в суд. Она знает, что могла погибнуть, если бы ты не успела оттолкнуть ее в сторону.

– Конечно, я дурачилась, – призналась Джейн, – но, честно говоря, ни о чем не думала в тот момент. Всего секунду назад я пилила чертово дерево, а в следующую оно уже валилось на меня.

Она взглянула на бледное лицо и исцарапанные щеки Грейс.

– Господи. Оно и на тебя упало! Следовало бы и тебе ехать в больницу!

– Не волнуйтесь, девушки, несколько царапин, вот и все. К счастью, на нас свалилась крона, а не ствол.

– Потому что ты оттолкнула меня. Ты героиня.

– Героиня войны, – добавила Фиона.

– Вздор. Катя, что ты хотела спросить?

Грейс редко оказывалась в центре внимания, и сейчас ей было не по себе.

– Джейн уже ответила. Она не говорила с доктором и не сказала, что никто не учил ее валить деревья. Мистер Флеминг не давал ей рта раскрыть, что очень занятно, потому что, если он произносит пять слов подряд, это уже чудо.

– Может, кто-то приедет допросить Грейс. Кто-нибудь из Сельскохозяйственного комитета или офиса Земледельческой армии, – предположила Шила, – потому что ему придется доложить о несчастном случае.

Она хотела что-то добавить, но внезапно вдруг вскочила и прижала палец к губам: – Шшшшш... кто-то поднимается по лестнице, – и прибавила нарочито громко: – Это был лучший охотничий пирог на свете, правда, Джейн? Рада, что все обошлось. А нам действительно пора в постель.

– Спокойной ночи, – хором пожелали девушки друг другу, и четверо вышли из комнаты.

Они никого не увидели, но поверили Шиле. Кто-то из Флемингов наверняка был на лестнице.

– Фиона, это ты?

Они даже растерялись, услышав голос миссис Флеминг. Та стояла у подножия лестницы с зажженной свечой в руках.

– Я только что разобрала почту. Два письма для Грейс и открытка для Кати.

Фиона протиснулась мимо подруг и побежала вниз. Забрала почту, отдала Грейс письма и пошла в комнату полек оставить открытку.

Грейс с сильно заколотившимся сердцем взяла письма, даже не поблагодарив Фиону. Пошла к себе и села на кровать. Наконец, наконец...

Она узнала почерк Дейзи, а другой конверт со штампом полевой почты был от... «О, пожалуйста... пожалуйста...»

Дорогая Грейс!

Если напишу, где я, все вычеркнул. Но я там, где хочу быть. Работа бесконечна, но осознание того, что я делаю все, что желали для меня господь и мой отец, облегчает мою ношу. Я не скажу о том, что мне пришлось увидеть, но считаю, что эта война – полная и безграничная глупость. Конечно, после многих лет цивилизации в силах каждого здравомыслящего человека найти другой способ уладить разногласия.

Милая, дорогая Грейс. Не могу передать, сколько значит для меня время, проведенное с тобой. Воспоминания наполняют мой мозг, когда ужасы войны предстают перед глазами. Молюсь, чтобы у тебя все было хорошо. Если вдруг понадобится любая помощь, пожалуйста, свяжись с моим отцом. Он тебя не подведет.

Я получил одно письмо от тебя, которое храню в кармане, но, судя по содержанию, оно не первое, и когда-нибудь, возможно, придут и остальные. Я живу надеждой, как все мы.

Береги себя, дорогая, милая Грейс, и напиши, чтобы я знал, как ты живешь.

Джек.

Она снова и снова перечитывала письмо. Джек написал имя и адрес отца в Йорке. Ей не понадобится его помощь.

– Ты протрешь бумагу насквозь, если будешь читать с таким рвением. Это от Джека? – зазвучал голос подруги.

Грейс слабо улыбнулась Шиле:

– Да. Шло целую вечность.

Она не добавила, что напрасно искала в нем хоть слово о любви.

– А второе от моей старой школьной подруги Дейзи. Той, что во вспомогательных частях ВВС. Должно быть очень интересное.

Шила отошла, и Грейс открыла письмо Дейзи.

Дорогая Грейс, жизнь в настоящий момент просто хуже некуда. Я гостила в Лондоне, у моей подруги Чарли. Такой чудесный дом! Отец Чарли повел нас в театр, а потом на ужин в шикарном отеле. Я прекрасно проводила время. Но все они погибли. Всего через несколько дней, после того как я вернулась домой. Чарли, ее отец, такой же славный, как мой. Их дом разбомбили. Мама Чарли в то время была в деревне, но

страшно подумать, что она сейчас переживает. Надеюсь, у тебя все в порядке. Я много о тебе думаю.

Пожалуйста, пиши.

Дейзи.

Джек жив, а подруга Дейзи погибла...

– Это судьба, – прошептала Грейс, – случайность, не более чем случайность. Господи, как я хочу, чтобы эта проклятая война поскорее закончилась!

– Пойдем, Грейс, у тебя был паршивый день, а теперь еще и дурные новости от подруги. Давай я тебя уложу.

Шила изо всех сил старалась ее развеселить.

– Постарайся отыскать во всем светлую сторону. Ты и Джейн в порядке, и твой Джек тоже.

Грейс разделась, приготовила одежду на утро и легла в постель, так быстро и тихо, как только могла. На сердце было тяжело, и, хотя стало ясно, что все волнения последнего месяца были беспочвенны, спазмы в животе были в два раза сильнее, чем при обычных месячных.

«Так мне и надо», – решила она, укрываясь одеялом.

Теперь, когда у нее было время подумать о событиях дня, она поняла, насколько серьезна могла быть история с упавшим деревом.

«Повезло ли нам с Джейн остаться в живых? Да и нет. Если бы я не оттолкнула ее, нас ударило бы стволем, и тогда нам грозила бы смертельная опасность. Флеминги волновались за нас и отправились на поиски. И мои месячные – это следствие шока или... они все равно начались бы? Не знаю, но не хотела бы пройти через это еще раз».

Последняя мысль перед тем, как впасть в глубокий сон, была не о Джеке, который сейчас где-то в Европе водит под огнем санитарные машины, а о Дейзи, школьной подруге.

«Я буду копить каждый пенни, забуду о летних босоножках и, если получу отпуск, поеду домой. Домой. В Дартфорд».

Несколькими неделями спустя на ферму прибыла миссис Драммонд-Хэй, инспектор женской Земледельческой армии, с проверкой условий жизни девушек. Вопиющих недостатков она найти не смогла. Да, ферма была не из самых современных и имела весьма скромные источники электричества. Также она не была подключена к национальной энергосистеме, и на ней использовались генераторы. Горячего водоснабжения не имелось, но дом был уютный, кровати скромные, но теплые и чистые, еда – вполне сытной и часто дополнялась овощами и фруктами по сезону.

– Жена кормит девушек тем, что мы едим сами. Весь год у нас фрукты и овощи. Зимой консервированные фрукты, но летом они едят малину и клубнику сколько хотят. Мы не экономим на наших работницах и едим за одним столом. Девушки пользуются моим приемником, когда хотят послушать «Итма» или танцевальную музыку, все, что любят женщины. У них хорошие велосипеды, одолженные авиабазой. Деревня всего в трех милях от нас, и они могут туда ездить.

– Почему мне не сообщили о несчастном случае?

– Вызывать вас сюда из-за сломанной руки? Я бросил ферму на произвол судьбы, чтобы отвезти девушку в больницу и побыть там с ней. Главной моей заботой было ее состояние. Доктора обследовали ее, наложили гипс и отослали домой. Она в полном порядке.

– И последние три недели получает жалованье, которого не заработала.

– Кто это сказал? Взгляните на нее! Она сейчас на огороде, пропалывает репу. Кормит свиней, а польские девушки помогают ей убирать коровники. Моет молочные бидоны. Это позволяет моей жене выполнять более тяжелую работу. Да, возможно, она работает немного меньше остальных, но нельзя сказать, что не выполняет свои обязанности и даром ест хлеб.

Катя, уверявшая, что у фермера язык не ворочается и он не может складывать слова в фразы, была бы поражена, узнав, каким красноречивым он бывает, когда загнан в угол.

Миссис Драммонд-Хэй смотрела на него в упор, пока он не сник.

– Я готова сделать скидку, но покалеченную девушку нужно отправить домой. Здесь не благотворительная организация. Джейн несовершеннолетняя и во всем зависит от родителей.

– У вас наверняка есть запись о том, что мой дом теперь лежит разрушенный на дне огромной воронки и единственный оставшийся в живых член моей семьи, насколько я понимаю, сейчас где-то в Европе.

Джейн, поддерживая левую руку в гипсе, подошла, пока они говорили, и наверняка услышала конец разговора.

– П-поверьте, – пробормотала миссис Драммонд-Хэй, – если бы я читала все записи, молодая леди, у меня не хватало бы времени делать самую необходимую, даже жизненно важную работу. Уверена, мы все сожалеем о вашей печальной потере, но должна напомнить, что мы воюем, и сотни, если не тысячи сейчас...

Она осеклась, когда Джейн повернулась, чтобы уйти.

– Если понадобится, мистер Флеминг, я буду в свинарнике. Свиньи – куда более приличное общество, чем...

Оставшиеся переглянулись.

– Недопустимая грубость! Война странно влияет на людей, но, полагаю, нужно относиться к ним снисходительно, – выговорила наконец миссис Драммонд-Хэй, собирая бумаги.

– Я намеревалась поговорить с другой девушкой, Грейс... как там ее...

Она сурово взглянула на фермера.

– Уверены, что сделано все необходимое, чтобы убедиться, что ваши девушки как следует обучены работе на ферме?

– Абсолютно. Они окончили одну из тренировочных школ, и я сам их инструктирую.

Миссис Драммонд-Хэй издала непонятный звук, возможно, выражающий недоверие, и поставила галочку на документе.

– Мне нужно посетить еще несколько ферм и общежитий в округе. Флеминг, надеюсь, вы будете готовы и к другому неожиданному визиту.

Он молча кивнул. Миссис Драммонд-Хэй удалилась.

– Интересно, что подумала бы ее светлость об этой мадам? – пробормотал он себе под нос. – И стоит ли сказать Джейн, что нехорошо обзывать ее свиньей?

Улыбаясь, он направился в свинарник.

Позже девушки собрались в той спальне, что побольше, чтобы послушать приемник. Они танцевали вместе, изображая дебютанток в «Рице», а когда устали, начали обсуждать недавний визит.

– Она вовсе не плохая старая корова, – уверяла Шила и саркастически добавляла, – поверьте мне, видела я и драконов и святых, а миссис Двустволка как раз находится где-то посредине между теми и другими. В конце концов, она приехала проверить, в порядке ли ты, Джейн.

– Да, но она даже не потрудилась поговорить с Грейс.

– Что я могла ей ответить? – встревожилась та.

– Ты единственная, кто знает, что произошло на самом деле, – заявила Дженни, к общему удивлению. – Ты находилась там все время, а Джейн была либо без чувств, либо оглушена.

– Мистер Флеминг сделал все, что мог. И мы тоже.

Грейс кинула взгляд в сторону Джейн.

Она не хотела покидать ферму Ньюриггс. Разве что ей предложат вернуться в Уайтфилдз-Корт, где, как она поняла, была счастлива больше, чем за всю жизнь.

Она любила всех старых работников, особенно Хейзела и Исо, и, как признавалась она себе, ее завораживала леди Элис. Женщина благородного происхождения и воспитания не гнушается физического труда! Она бы оставила Джека, зная, как необходимо его умение водить машину, но вместе с его отцом сделала все, чтобы он попал на фронт.

Ей очень весело жить среди девушек, особенно иностранок. Это напоминает о жизни в Дартфорде и близкой дружбе с Дейзи, Роуз и Салли. Доброте их родителей.

– Никогда не видела деревьев красивее, чем на ферме, – неожиданно сказала она, и остальные рассмеялись.

– С чего это вдруг, Грейс? – спросила Шила. Катя и Ева пытались найти достаточно английских слов, чтобы описать, насколько польские деревья красивее.

– Что тут творится?

Дверь распахнулась, и на пороге возникла миссис Флеминг с лампой в руках, в когда-то бывшем лучшем платье и бигуди.

– Керосин в этой лампе – все, что вы получите до воскресенья, а запасных свечей нет. Если кто-то опоздает утром, я вызову миссис Драммонд-Хэй, чтобы с вами разобралась. В долине есть ферма, где нужны трудармейки и совсем нет воды. Подумайте об этом.

Она ушла.

Через день-другой они посмеются над миссис Флеминг в ее ночном облачении. Но пока что девушки разбежались по кроватям и почти все скоро заснули.

Кроме Грейс, которая перебирала в памяти вечерний разговор. И вспоминала, что так и не ответила на письма Джека и Дейзи. И хотя ничего не получила от Салли, знала, как та занята. Но когда-нибудь она обязательно увидит ее на сцене.

Грейс решила, что завтра, если не заснет после ужина, не станет сплетничать, а сядет на чудесную каменную ограду и напишет всем. Включая Джека.

«Он на передовой, и не стоит ныть, если письма от него не приходят. Мы вместе, и это главное. При первой же возможности я поеду в деревню и отошлю письма».

Она предложила обрубить ветки с поваленных деревьев, зная, как драгоценны для нее несколько часов уединения на свежем воздухе. На ферме было мало современного оборудования. Но она была по-своему красива, в мирном, слегка старомодном смысле. Грейс всегда чувствовала себя лучше, просто посмотрев на цветы и растения.

Она заснула, скрестив пальцы и молясь о том, чтобы мистер Флеминг разрешил ей обрубить ветки.

Однако задание, которое он дал ей, было бесконечно далеко от общения с природой.

– Я сам управлюсь с деревьями, Грейс. А ты займись уничтожением крыс.

Пока что ей удавалось избежать этой неприятной, хотя и необходимой работы. Ей никогда не поручали ничего подобного, а Ева так вообще наотрез отказалась от этого.

– Я никого не буду убивать.

– Черт возьми!

Мистер Флеминг уставился на Еву, словно не веря ушам.

– Польская кончи на моей ферме, – бросил он, но ничего не добавил. Теперь наступила очередь Грейс.

– Ты знаешь, что искать: царапины на стенах. А может, увидишь следы на пыльных полах. Саму крысу ты вряд ли встретишь, пока мы не привезем зерно, вот тогда они и нахлынут. Но услышишь, если постоишь неподвижно. Они здорово умеют лазать по лестницам и собираются на чердаках. Поосторожнее, когда там будешь. Я поставил крысоловки, а одного несчастного случая более чем достаточно. У нас есть амбарные коты, которые стараются как могут, но крыс слишком много. Придется их травить.

Он показал на порог двери старого стойла.

– Видишь царапины?

Грейс вздрогнула и кивнула.

– Крысы постоянно что-то грызут, если не могут добыть пищи, а они едят все: столбы, ограды, доски, все на свете. Их зубы непрерывно растут, можешь представить?

– Бедняги. Почему зубы не прорастают сквозь череп и не убивают их?

– Потому что они постоянно жуют. Зубы стираются. И помни, что они верны привычкам. Если находят источник постоянной еды, постоянно к нему возвращаются. И это помогает их поймать.

– Я должна положить ядовитую приманку, верно?

Фермер покачал головой:

– Видно, тебя ничему не научили на тренировочной ферме. Не будь ты такой хорошей работницей, я бы тебя отсюда вышиб.

Она немного напряглась.

– Мне никто не говорил, как убивать крыс.

– Верно. Слушай и учись. Прежде всего найди по следам скопления крыс. Если не сможешь обнаружить следы, возьми у миссус муки или того пахучего порошка, которым женщины посыпаются после ванны, и сделай дорожку оттуда, где больше всего царапин. Потом иди по следам и выкладывай немного корма. Ты должна делать это в разных местах сараев и загонов, пока не пройдет два-три дня и не исчезнет корм. Только после этого ты смешиваешь корм с ядом, и остается только собирать дохлых крыс. Я найду где их складывать, пока не наберется достаточно, чтобы отправиться к мусоросжигателю...

«Мусоросжигатель? Он серьезно?»

Способ уничтожения крыс казался Грейс еще более жутким. Но она трудармейка. И идет война.

– Да, мистер Флеминг.

– Это не должно занять много времени. Поищи следы, реши, где насыпать порошка. До обеда справишься. Днем тебя ждет работа на свекольном поле.

Тяжелый труд, но по крайней мере она будет на свежем воздухе.

– Да, мистер Флеминг, – повторила она.

– Прекрасно. А теперь беги, найди порошок. И обязательно потом скажешь мне, где больше всего скопилось крыс. Загоны и сараи надо будет хорошенько убрать, но не все сразу, верно?

Он ушел, прежде чем она успела в третий раз пролепетать, как попугай, «да, мистер Флеминг». Поскольку у нее вообще не было порошка, о котором упомянул фермер, Грейс попросила у его жены миску муки.

– Для чего тебе понадобилась мука?

– Сделать ловушку для крыс, миссис Флеминг.

– Жуткие создания! Никогда не видела крысу?

– Видела, когда она бежала через двор.

Миссис Флеминг насыпала ей пекарной муки.

– Грязная работа, но по крайней мере сегодня перед ужином твоя очередь принять горячую ванну. Возвращайся в половине шестого. Я нагрее воды.

Горячая ванна! Вот это сюрприз! В Уайтфилдз была горячая вода. Но здесь нужно было кипятить ее и таскать наверх ведрами. Если фермер в это время был дома, помогал таскать воду, если же нет, приходилось работать девушкам.

Грейс была в самом веселом настроении, когда с большим фонарем вернулась в самый большой сарай и открыла тяжелую скрипучую дверь. Пол усеивали горы пыли и грязи, клочки сена, непонятные кучки. Но крепкие кожаные ботинки хорошо защищали ноги.

Она закрыла дверь, чтобы крысы посчитали, что сейчас ночь. Но пока стояла в полумраке, прислушиваясь, не скребутся ли крысы, страх оледенил спину.

– Я достану вас, крысы! – прокричала она и, застыдившись собственной глупости, поспешила наружу и быстро подошла к старой конюшне. Большинство лошадей продали, когда на смену им пришли машины, но две, самые любимые у Флемингов, остались и паслись иногда на почти идиллическом лугу, окруженном тенистыми деревьями, по которому даже протекал ручей. Но конюшни были так же убоги, как сарай. Грейс, вооруженная новым знанием, скоро нашла свидетельства крысиного нашествия: доски, разделявшие стойла, и низ двери были поцарапаны и обгрызены. На дне кормушек лежала старая солома или сено, а также гнилой ячмень, и Грейс решила, что первым делом опустошит их. Пыль летала так густо, что она расчихалась, но упорно продолжала работу. Если не считать холода и облаков пыли, оседавших на волосах и одежде, ей нравилось здесь работать. Нравился запах сена и лошадей.

Грейс почти ничего не знала о лошадях. На ферме рядом с Дартфордом, куда она иногда ходила, были две большие рабочие лошади. Фермер позволял Грейс сидеть на их широких спинах, но и только. И все же она любила их, считая самыми красивыми животными на свете.

Глубоко задумавшись, она переходила из стойла в стойло, запуская руки в сухое сено, устилавшее кормушки, но через секунду завопила от страха, когда под ее пальцами что-то зашуршало и прыгнуло в лицо. Она едва успела отскочить, как раз в тот момент, когда гигантская крыса выскочила на нее со дна кормушки. Грейс словно примерзла к каменному полу. Она даже не могла кричать, пока крыса летела на нее. У нее перехватило горло. Руки сами собой поднялись, будто для того, чтобы защитить лицо, но крыса вцепилась ей в плечо. Она ощутила,

как ее коготки впились в плоть, и едва не упала, но неизвестно откуда взявшаяся сила позволила завопить во все горло. Крыса, испугавшись, скользнула по ее спине и шлепнулась на пол. Девушка в ужасе ждала, не в силах пошевелиться, каждую секунду ожидая, что зубы крысы вопьются в ее плоть, но сзади послышался шорох, и когда она обернулась, крысы уже не было.

Сердце, колотившееся так, словно вот-вот проломит ребра, немного успокоилось.

– Возьми себя в руки, Грейс, – скомандовала она, – и будем надеяться, что никто не услышал твоих воплей.

Она перестала трястись, решила, что только идиотка способна сунуть ничем не защищенные руки в сено, и вышла наружу, где прислонилась к плохо побеленной стене и глубоко вдохнула воздух.

Потом глянула на дверь. Вот оно. В конюшне есть по меньшей мере одна крыса, и ее работа – уничтожить грызуна. На какой-то момент ей показалось, что она напугала крысу куда сильнее, чем та – ее, но подумав, решила, что ошибается. Проглотила поднявшуюся к горлу желчь и вернулась в конюшню. Вынудила себя подойти к кормушке, которую хотела почистить, и подняла глаза. Наверху был чердак, вне всякого сомнения, уютный дом для сотен грызунов. Нужно подняться туда. Но, подойдя к лестнице, Грейс прислушалась. Ничего. Мерзкое создание с ужасными, вечно растущими зубами, не поджидало ее, готовое напасть.

Она поднималась медленно и, как только приблизилась к двери чердака, включила фонарь. Никаких пуговичных глазок.

Она взобралась на чердак и встала, распрямив спину. Свидетельства присутствия крыс были повсюду.

Маленькие следы разбегались по пыли на полу во всех направлениях, и Грейс брезгливо передернулась, увидев колбаски помета. Крысы, крысы и снова крысы.

«Я стою посреди их туалета».

Грейс на секунду закрыла глаза, покачала головой, словно для того, чтобы прогнать мерзкие мысли, и снова открыла глаза. Ни к чему сыпать на пол муку миссис Флеминг. Здесь следов видимо-невидимо!

Грейс спустилась вниз куда быстрее, чем поднималась, и осмотрелась, чтобы понять, где лучше разбросать корм.

Дверь со скрипом приоткрылась, и вошел кот, раздраженно глядя на Грейс, вторгшуюся в его любимый ресторан.

– Плохо трудишься. Это место буквально кишит крысами.

Кот подобрался к ней и попытался обвить вокруг ноги. Грейс вздрогнула. Она нечасто имела дело с кошками. И каждый, с кем она сталкивалась, вроде бы хотел с первой же встречи быть с ней накоротке.

Она осторожно оттолкнула животное и решила, что каким бы теплым ни было лето, отныне она будет надевать в сарай высокие сапоги. Ни в коем случае не ботинки.

Она вернулась в дом к обеду, большой миске с чечевично-овощным супом и ломтем домашнего хлеба.

– Если горячей воды достаточно, можешь принять ванну прямо сейчас, а то вид у тебя... – добродушно рассмеялась миссис Флеминг. – Ты ходила в хозяйственные постройки?

– Да, а сейчас иду на свекольное поле.

– Рада, что можно не тратить на тебя горячую воду, – снова рассмеялась женщина. – Но лучше возьми с собой холодную, день будет жаркий.

Как это другим удается устроить перерыв в разгаре дня?

Грейс снова припала к бутылке. Очень хочется пить после тяжелой работы на солнцепеке!

Через час она почувствовала, что больше никогда не сможет распрямиться. Но как ни странно, сумела... Она посмотрела направо, где на поле работала Ева. Польша сидела, прислонившись к стволу высокого дерева, которое Фиона называла рябиной. Завитки белого дыма поднимались от ее сигареты к изящным ветвям дерева. Работа Евы, должно быть, закончена и сделана отлично, и все же у нее есть время отдохнуть. Как она этого добивается?

Грейс, тяжело вздохнув, вернулась к прополке.

Она ужасно устала и извозилась с головы до ног, когда услышала окрик Евы:

– Бросай все, тебя ждет ванна, и вода стынет.

– Ты выглядишь такой же чистенькой, какой пришла сюда, – с завистью пробормотала Грейс. Конечно, Ева была в пыли, но догадалась повязать тюрбан и теперь сняла его и трянула головой. Ее брюки были словно только что отглажены. Грейс оглядела себя и решила, что выглядит так, словно спала в них.

– Ничего, может грязь просто не любит людей с желтыми волосами.

– Вполне возможно.

К удивлению Грейс, подруга взяла ее под руку, и они вместе побежали к дому, где Грейс проводили наверх девушки с ведрами в руках.

– Сначала вымой голову, иначе не останется воды, чтобы промыть волосы, – посоветовала Фиона. – Хочешь, я полью тебе?

Грейс никогда раньше не сидела голая в ванне в окружении девушек. И не собиралась начинать сейчас.

– Спасибо. Но не хочу, чтобы вы опоздали, – пробормотала она. Они убежали вниз, оставив ее одну.

Она последовала совету Фионы: вымыла сначала голову, обернула полотенцем и ступила в воду. Блаженство.

Наконец Грейс уселась в ванну, желая, чтобы у нее было как можно больше времени, чтобы полежать в воде, почувствовать, как боль и усталость медленно растворяются. Но вовремя вспомнила, что ни в коем случае не должна опаздывать к ужину.

Боб Флеминг подстрелил двух кроликов, так что на лестнице ее встретил восхитительный запах жаркого. Оказалось, что она давно уже не была так голодна. Кроличье жаркое, в которое миссис Флеминг клала много лука, моркови, порея, картофеля и всего, что могла найти в кладовой, было любимым блюдом вечно голодных и тяжело работавших девушек. На деревянном блюде лежал большой круглый каравай домашнего хлеба с поджаристой корочкой. Около каждой тарелки стоял высокий стакан с молоком.

– Да, и еще кое-что, – вспомнила миссис Флеминг, накладывая щедрые порции. – Шила, пошарь на камине, под фарфоровой собакой, и вынь почту. Простите, девушки. В обед здесь была только Грейс, и я забыла о письмах.

Шила раздала письма и открытки, которые, как всегда, получили очень немногие девушки.

– Смотрите, какое толстое письмо для Кати! – воскликнула она, вручая Кате большой конверт. Та взглянула на адрес и прижала письмо к сердцу.

– Это от сестры моего отца. Она успела уехать из Варшавы до войны. Я потом прочту.

Одно для Джейн, одно для Фионы.

Девушки последовали примеру Кати и сунули их в карманы комбинезонов, чтобы прочитать позже.

Шила внимательно прочтала адрес на последнем письме, глянула на миссис Флеминг, та кивнула. Девушка протянула письмо Грейс:

– Это тебе. Выглядит ужасно официально.

Та повертела в руках конверт.

– О господи, от поверенных. Это ведь адвокаты, верно? Но что поверенным нужно от меня?

– Они не всегда сообщают дурные новости. Грейс, может, тебе причитается наследство после смерти сестры? Хочешь прочитать его сразу или сначала поужинаем?

Было очевидно, что она хотела прочитать письмо и что другие тоже хотели знать содержание. Но не стала этого делать, а положила письмо на стол адресом вниз, чтобы не видеть имени поверенного.

– Жаль, если такой чудесный ужин остынет, миссис Флеминг. Вряд ли в письме есть что-то новое. Потому что раньше я ничего такого не получала. Письмо подождет.

Во время ужина, который все ели очень поспешно, Грейс пыталась беспечно болтать, одновременно перебирая все возможные варианты сценария. Для нее ужин тянулся бесконечно.

– Почему бы вам не прочитать письма за пирогом с джемом и чашкой вкусного чая? – спросила миссис Флеминг.

– А я пока схожу в кабинет, чтобы девочки чувствовали себя свободнее, – добавил мистер Флеминг. Отодвинул стул, откланялся и ушел.

Миссис Флеминг нарезала щедрые порции пирога.

– Я положила в тесто свежие яйца. Через месяц-другой пойдет клубника – куда вкуснее джема!

Шила раздала тарелки с пирогом. Миссис Флеминг стала разливать чай.

– Он не любит слушать ничего личного. Всегда нервничает. Я тоже ускользну, если хотите.

Катя хихикнула. Миссис Флеминг была женщиной грузной и, возможно, не способной никуда ускользнуть. Понимание того, что Катя тоже нашла забавными слова фермерши, немного успокоило остальных.

– В моем нет ничего личного, – заявила Джейн. – Каждый может спокойно его прочитать.

– В моем тоже, – поддакнула Фиона. – Налет на Эдинбург, совсем страшного не случилось, все есть в газетах и передавали по радио. Понятия не имею, почему мы ничего не слышали. Мы же не в миллионе миль оттуда!

– Простите, – сказала Грейс вставая. – Простите, но... простите.

Она вскочила и выбежала из комнаты, оставив остальных смотреть ей вслед со смесью досады и любопытства.

Миссис Флеминг встала:

– Ешьте, девушки. Я пойду посмотрю, не нужно ли ей чего. Кто с ней дружит?

– Мы все очень любим Грейс, – сказала Ева, чей словарный запас с каждым днем становился все больше.

– Я рада этому. Посмотрю, что смогу сделать, но, если не возражаете, не стоит сейчас ложиться спать. Может, по радио передадут хорошую пьесу.

Грейс сидела на кровати. К удивлению миссис Флеминг, она вовсе не плакала.

– Все в порядке?

– Да, я просто удивилась, получив письмо от адвоката.

– Надеюсь, приятный сюрприз.

Грейс не ответила.

– Ты унаследовала деньги?

– Ничего подобного. Просто это ни для кого не имеет значения, кроме меня. Похоже, фирма, которая владела зданием, где погибла сестра, нашла принадлежавшую ей шкатулку с ее именем и адресом. Они просят меня забрать эту шкатулку.

– А фирма находится в Дартфорде, полагаю.

Грейс кивнула, слишком расстроенная, чтобы говорить.

– Попроси прислать почтой.

Грейс покачала головой:

– Поверенный пишет, что, поскольку она была в принадлежавшем им здании, они хотят ее открыть, но только в моем присутствии.

– Как-то все это необычно. Никогда не слышала о чем-то подобном. Я поговорю с мистером Флемингом, но через несколько недель начнется сбор урожая... А теперь, если ты не слишком расстроена, может, спустишься и допьешь чай?

Грейс покачала головой:

– Не могу. Мне нужно подумать.

Миссис Флеминг заверила девушку, что поможет ей.

– Мы немного волновались за тебя после того, как этот парень уехал. Леди Элис сказала, что, возможно, сделала огромную ошибку, сказав ему, где ты сейчас. Я больше ничего не добавлю, но на будущее говори мне, если что-то пойдет не так.

Грейс пообещала ей делать это и после ее ухода разделась и свернулась клубочком в кровати, надеясь, что остальные придут попозже. Она вспоминала первые недели в Ньюриггс и свое отчаяние, когда от Джека не было ни слова. Вновь почувствовала кошмар тех ужасных недель после... как это назвать... свидания с Джеком. Но все затмило письмо адвокатов. Оказалось, что была составлена опись имущества, находившегося в разбомбленном здании, и некоторые ценные вещи не были найдены. Были ли они уничтожены в бомбежке, унесшей жизни Меган и какой-то безымянной канадки, или находились в шкапулке?

– Откройте ее, откройте, – безмолвно вопила Грейс, корчась в муках. – Надеюсь, Меган не воровка. Но даже если... они просто заберут свои вещи обратно. Не могут же они обвинить меня! Может, там есть что-то обо мне, какая-то информация, объясняющая, кто отдал меня сестре.

Она уткнулась лицом в подушку. Почему в снах ей не открывается больше? Есть ли шанс, что где-то кто-то думает обо мне? Беспокоится?

Она снова повернулась на спину и представила уютную кухню вроде той, что в доме Петри. Два удобных, хоть и старых стула у огня.

«И кошку, славную кошку... нет, собаку. Я была бы счастлива иметь собаку. И двое обитателей, двое»...

Но образ второго так и не всплыл в воображении.

Письма! Она снова забыла про письма!

Рассердившись на себя, Грейс откинула одеяло, встала с постели, нашла бумагу и конверты, вернулась в теплое убежище постели и стала писать.

Слова так и лились с кончика карандаша. Она написала скорбящей Дейзи, миссис Бруэр, Салли, миссис Петри, Роуз и Джеку. Рассказывала о своей работе. О ненавистной истории с убийством крыс, о красоте земли, радости жить с девушками из различных стран и возможности у них учиться. Всем, кроме Джека, она рассказала о тревоге по поводу письма поверенного и каждое закончила: «Надеюсь скоро увидеть вас. С любовью, Грейс».

Ответ Джеку был почти резким. Из его письма стало ясным, что он беспокоится, не беременна ли она, хотя прямо написать об этом он не осмелился. Даже не сказал, как относится к этой возможной ситуации и ни словом не упомянул о своих чувствах к Грейс.

Дорогой Джек!

Ты будешь рад узнать, что мне не понадобится ничья помощь. Я в полном порядке, и мне очень нравится работа на ферме, если не считать необходимости убивать крыс. У нас работают две беженки-польки, которые обучались на ферме, но

не любят говорить о войне. Зато много рассказывают о своей стране, особенно о еде, и одна прекрасно поет, но на польском. Надеюсь, никто в тебя не стреляет.

Грейс.

«Может, последнее предложение немного глупое? Ведь он на войне», – напредила она себе. Но она не может написать всего, что пожелает. Ей хотелось спросить, по-прежнему ли он к ней неравнодушен... вернее, был ли вообще неравнодушен, но... этого писать нельзя.

«Ты обнимал меня, и я чувствовала себя любимой. Но ты не любил меня».

Перед ней встало другое лицо. Сэм. Сэм, который никогда ее не подводил. И никого не подводил. И даже теперь, когда она стала настолько взрослой, что обнимать и утешать ее нелепо, мысли о Сэме неизменно вызывали ощущение безопасности.

Грейс разложила письма по конвертам. Она отправит их, когда вместе с другими девушками поедет на велосипеде в деревню.

Она легла, и когда остальные потихоньку вернулись в спальню, то посчитали, что подруга крепко спит.

Урожай созрел, крысы были отравлены, собраны и сожжены, но на их место пришли новые. Летние ягоды, малина, клубника, крыжовник, зрели и наливались, а смородина всех цветов покачивалась на ветках, как драгоценные камни. Фермеры по всей Британии, которых просили делать невозможное, ворчали, но делали с помощью работниц Земледельческой армии, отказников и даже военнопленных практически невозможное. На ферме не было таких вещей, как пятидневная рабочая неделя или восьмичасовой рабочий день. Лампы свисали с деревьев и кустов живой изгороди, чтобы сбор урожая мог продолжаться до поздней ночи. Нацию нужно кормить!

Письма с полей сражения были редкими и нерегулярными, а иногда в тех, что приходили, содержались не слишком добрые вести, но Грейс и ее подруги на ферме Ньюриггс писали и отправляли маленькие записки в надежде, что они дойдут до родных и близких. Все девушки вместе с миссис Флеминг волновались за полек. Они почти ничего не знали о них, кроме того, что те бежали в Британию до падения Польши, оставив родителей, бабушек и дедушек.

Если вести между югом Англии и маленькой фермой в Шотландии путешествовали слишком медленно, англичанки брали пример с полек, державшихся храбро и работавших не покладая рук, и старались им подражать.

«Завтра, мы получим письма завтра». Эти слова повторялись по всей стране.

Грейс перестала думать об отпуске, который позволил бы ей вернуться в Дартфорд и поговорить с поверенными о таинственной запертой шкатулке сестры. Она дала им письменное разрешение вскрыть шкатулку и проверить содержимое. Миссис Петри будет ее представительницей на официальном вскрытии. Грейс знала, что, если отыщется что-то важное, миссис Петри сохранит шкатулку, и решила не думать об этом. И тут миссис Флеминг сказала, что ей дали сорокавосьмичасовой отпуск и разрешение на поездку. Мистер Флеминг отвез ее на вокзал и пообещал позвонить в офис поверенного и сообщить приблизительное время прибытия. Он, в свою очередь, свяжется с супругами Петри.

Поезд задержался всего на тридцать пять минут, и то при отбытии, так что она оказалась в Ньюкасле как раз вовремя, чтобы сесть на лондонский поезд, если таковой придет. Он пришел, через семь часов после назначенного времени. Грейс, пока ждала, дочитала роман Вальтера Скотта, позаимствованный на ферме, и съела сэндвич, который миссис Флеминг, предвидя трудности путешествия, намазала яичным салатом, толстый слой которого лежал между двумя ломтями домашнего хлеба. Кроме того, миссис Флеминг наполнила маленький стеклянный кувшинчик огромными красными ягодами клубники, и каждая прекрасно сохранилась. Восхитительная еда приободрила Грейс, хотя ждать пришлось долго. При таком коротком отпуске надежда на то, что удастся повидать поверенного, таяла с каждым часом.

Миссис Петри, как всегда, приготовит ей что-то особенное, приберет спальню близнецов и сделает все, чтобы кровать Дейзи, на которой в прошлый раз спала Грейс, выглядела безупречно и была как можно удобнее.

– А я так и не доберусь туда, – простонала она.

Оглядела станцию: солдаты, матросы, летчики, медсестры, и все ждут поезда до Лондона. Едут на новые базы или домой, в отпуск или за границу?

СЭМ!

Высокий худой солдат с выбеленными солнцем светлыми волосами стоял, опустив голову, словно отдыхал. Как чудесно! Сэма освободили, и он возвращается домой!

Она не подумала, насколько неправдоподобно это выглядит. Военнопленный,

возвращающийся из Франции или Германии, вряд ли может оказаться в Ньюкасле.

Подбежав, она коснулась руки солдата.

– Я Лоренс, дорогая, но если хотите, чтобы я был Сэмом, буду счастлив угодить.

Мужчина был совсем не похож на Сэма. Грейс вспыхнула до корней волос, желая, чтобы земля разверзлась и поглотила ее. Но ничего не произошло.

– Как глупо, – пролепетала она. – Со спины... простите, вы так...

Ей хотелось плакать.

– Со спины я похож на Сэма, и вы надеялись... и снова надеялись, – закончил Лоренс. – Сожалею. Но он обязательно вернется. Я бы вернулся, если бы меня ждала такая девушка.

От необходимости ответить и дальнейшего унижения ее спас голос диктора, который, перекрывая шум, терпеливо пытался объяснить пассажирам об ожидаемом прибытии очень сильно запоздавшего лондонского поезда. Грейс снова извинилась перед солдатом и быстро пошла по перрону, проталкиваясь сквозь толпу. Ей было необходимо сесть в поезд и оказаться как можно дальше от Лоренса.

В поезде было полно народа еще до того, как он прибыл на станцию. Множество людей, уставших, голодных и чрезвычайно раздраженных, сели на него в Эдинбурге и почти шесть часов спустя оказались в Ньюкасле, хотя должны были бы уже подъезжать к Лондону. Грейс, слишком миниатюрная и слишком вежливая, чтобы толкаться, оказалась зажатой между двумя солдатами, здоровяками, которые о чем-то спорили поверх ее головы. Зато они были настоящими мастерами устраиваться как можно удобнее и часть путешествия на юг позволили Грейс сидеть на их рюкзаках, а сами все продолжали давний спор.

На первой же остановке, когда с поезда сошли несколько человек, они совершенно невинным образом загородили проход в вагон, пока Грейс не удалось втиснуться на освободившееся в купе место. При этом они ни словом с ней не обменялись.

Два часа спустя поезд остановился снова. Поскольку на платформе не было названия станции, пассажиры понятия не имели, где находятся.

– Где мы? – раздавались встревоженные голоса.

– Даже представить не могу, дружище, – Йорк, Дарлингтон, кто знает? Но я точно, уверен, что мы в веселой старой Англии.

Что же, по крайней мере смешно...

Еще час спустя Грейс убедила пожилого, плохо одетого мужчину занять ее место. Возраст и его необычный акцент напомнили ей одного из покупателей Петри, мистера Фишера. Роуз много рассказывала ей об истории мистера Фишера, которую выпытала у старика Дейзи, и на секунду Грейс показалось, что это он и есть, умница-беженец, работающий под прикрытием, но вскоре она опомнилась. Разумеется, от человека, работающего на правительство, не может так дурно пахнуть.

Она вернулась в коридор, где нашла своих рыцарей не в таких уж сверкающих латах, которые отдали места на рюкзаках двум женщинам средних лет.

– Предпочитаю видеть тебя сидящей у моих ног, – сказал один из них с веселой улыбкой.

Это были последние слова, которые она слышала, потому что в следующую секунду раздался оглушительный взрыв.

Грейс очнулась от воплей и криков, невообразимого скрежета металла о металл и смрада, жуткого смрада дыма, чего-то горящего и смерти. Ее почти раздавила непомерная тяжесть, и все же во рту, глазах и носу щекотало от омерзительной вони. Грейс чувствовала влагу на лице, но не могла понять, откуда она взялась. Попыталась оттолкнуть то, что ее держало, но так и не смогла.

Неужели она стонет, эта тяжесть? Неужели это не чемодан, не рюкзак, а человек?

«О боже, кто-то на мне лежит...»

Тяжелые градины барабанили по тому, что осталось от крыши вагона. Снег летом? Нет. Стаккато сопровождалось новым воплями и стонами.

Потом наступила тишина. Вражеские истребители, полные решимости закончить то, что не успели уничтожить бомбардировщики, расстреливали поезд с бреющего полета.

– Вам мало уже совершенного зла, отродья сатаны?! – заорал старческий голос где-то рядом с ней. – Они мертвы, наши солдаты! Но спасли тебя, девушка, прикрыли собой, и если помощь скоро не придет, мы тоже умрем, и их жертвы будут напрасны.

Только сейчас Грейс сообразила, что по лицу бежит не вода, а кровь, кровь храброго солдата.

– Поговори со мной, – прошептала она, – поговори, пожалуйста, будь живым...

Но ей никто не ответил.

– Я тоже мертва? – спросила Грейс, и хотя ответом ей стало молчание, удивилась, обнаружив, что совсем не испугана. Конечно, ей было неудобно и трудно двигаться, когда лицо прижато к металлическому полу вагона, но боль была вполне терпимой, и на уровне пола воздух оставался достаточно чист. Густой дым висел над ними, и даже криков больше не было слышно.

Бессильна. Она бессильна: хорошо знакомое чувство.

– Пожалуйста, неужели здесь никого нет? Поговорите со мной.

Тишина.

Но через несколько минут она услышала скрежет разрываемого металла, и вагон наполнился светом и голосами.

– Настоящая бойня. Никто не выжил, – заявил властный голос над головой Грейс.

Грейс собрала всю свою волю в кулак.

– Помогите! – слабо позвала она. Но кто-то услышал.

– Осторожнее, парни. Там кто-то есть.

Грейс лежала, прислушиваясь к голосам, которых не могла узнать. И наконец разобрала несколько слов:

– Этот бедняга последний. Осторожнее поднимайте, упокой господь его душу. Показалось, что слышал женский голос.

– Раз, два, три – взяли!

Неимоверная тяжесть исчезла.

– Проклятие! Здесь трудармейка. Осторожнее, осторожнее, должно быть, это ее я слышал!

Следующие несколько часов слились в ее памяти. Грейс уложили на носилки и понесли к машине «Скорой», где ее осмотрел очень старый доктор.

– Правда, я выгляжу скорее как Дед Мороз, чем ваш друг врач? Все же, заверяю вас, я достаточно опытен, чтобы сказать: вам очень повезло, дорогая. Несколько глубоких царапин, одну я зашил, и вы покрыты синяками с головы до ног. Ночь в больнице, где мы последим за вами, и утром можете продолжать путь. Упавший солдат прикрыл вас своим телом. Поразительная удача.

Слезы полились по окровавленному лицу девушки. Она рыдала так, словно никогда не сумеет остановиться.

– Это не удача. Он специально упал на меня. Чуть раньше я сидела на его рюкзаке.

Она попыталась подняться и оглядеться.

– Где его друг? Он был с каким-то солдатом.

– Если будет угодно богу и современной медицине, он выживет. Его везут в операционную.

Сестра, нельзя ли дать молодой леди одеяло и чашку чая с сахаром?

Грейс пыталась объяснить, что с ней все хорошо и что нужно как можно скорее очутиться в Лондоне. Но никто не хотел слушать, возможно, потому, что все были заняты осмотром и обработкой ран настоящих жертв, и ни один человек не уделял ей ни малейшего внимания.

Счастливая тем, что легко отделалась, Грейс сидела тихо, наслаждаясь чаем, который принесли леди из ЖДС, Женской добровольной службы, и мягкостью одеяла. Она потихоньку отходила от шока и предложила помочь, в чем ей было отказано.

– Знаете, что враг с огромным удовольствием уничтожил поезд и большинство пассажиров? Мы хотим, чтобы вы провели в больнице ночь. Выздоровливали, а не работали. Дамы из ЖДС поговорят с вами. Узнают, можно ли связаться с вашей семьей или подразделением. Поэтому наслаждайтесь отдыхом, пока можете: сейчас ведь время сбора урожая, не так ли? Сберегите силы для этого.

Леди из ЖДС сумела поговорить с Грейс только поздно вечером, через несколько часов после того, как ее привезли в больницу. К полному конфузу девушки, ее искупали и переодели в больничную сорочку.

– Вам следовало поесть супу, дорогая, – сказала безупречно одетая женщина, глядя на нетронутую тарелку на тумбочке Грейс. – Ваша бедная нервная система перенесла ужасный шок. И миска славного супа сотворила бы с вами чудеса.

Она улыбнулась, словно желая сказать «продолжим», и показала на армейскую сумку.

– По-видимому, вы держали это, когда вас нашли. Нам пришлось заглянуть внутрь, чтобы найти ваше имя и адрес, но люди, живущие в доме в Дартфорде, говорят, что понятия не имеют, кто вы такая.

Внезапно все нахлынуло на нее: убогий домишка, гибель Меган, письмо от риелтора, давшего ей несколько дней на похороны сестры, обыск неряшливых ящичков в поисках каких-то сведений о семье, потому что должна же быть у нее семья!

– Дом снимала моя сестра. Ее убили при налете еще до Рождества, прямо на работе.

– Какой кошмар! Мне так жаль. И других родственников нет? Родителей, тетки, кого угодно?

– Завтра утром я должна была увидеться с поверенным. Надеюсь, что он знает больше меня, и собиралась остановиться у друзей. Вы найдете в моей сумке адрес и письмо поверенного.

– Спасибо. А на какой ферме вы работаете?

– У Флемингов. Ферма Ньюригтс. Восточный Лотиан. Полный адрес в моей записной книжке.

Женщина из ЖДС встала и отодвинула стул к стене.

– Вы не успеете на встречу. Но не беспокойтесь, я позвоню поверенному и вашим друзьям.

– Не позволяйте миссис Петри волноваться, пожалуйста.

– Не позволю. Спокойной ночи, Грейс. Вы очень храбрая девушка.

Наутро она была вполне уверена, что не спала совсем. Даже люди, которые пытаются ходить тихо, производят много шума. Миска с супом исчезла, но Грейс не заметила, чтобы кто-то ее убирал.

– Вам лучше? – спросил чей-то голос, и прохладная рука взяла ее запястье, чтобы посчитать пульс. – Что же. Неплохо. Миска вкусной овсянки и чашка чая, а потом посмотрим, что скажет доктор.

– Как далеко мы от Лондона?

Сестра, которая направлялась к следующему пациенту, остановилась:

– Понятия не имею, дорогая. Не меньше ста миль, может, и больше. Какое это имеет значение?

– Мне нужно попасть туда, а потом вернуться в Шотландию к сегодняшнему вечеру.

– Ничего не выйдет, малышка. Поблагодари бога за то, что жива. Если доктор и отпустит тебя и «если», причем очень большое, будет поезд, ты сможешь вернуться. Но джерри полностью уничтожили пути. Конечно, очень важно их восстановить, но и других дел и без этого полно. А теперь поешь овсянки, когда принесут, это наверняка поможет тебе уйти из больницы.

Грейс попыталась встать. При мысли об овсянке ее затошнило, но нужно немедленно выбираться из больницы. В возбужденном мозгу так и теснились вопросы. Уведомили ли поверенного, миссис Петри и Флемингов? И как, лежа здесь, она сможет найти способ вернуться на ферму до истечения сорока восьми часов?

Привезли тележку с мисками крайне неаппетитной овсянки, но она взяла одну, полная решимости съесть все, до последней ложки.

– Сейчас вернусь с чаем. Хотите кусочек тоста? Сестра сказала, что вы со вчерашнего дня ничего не ели.

– Спасибо. Было бы неплохо.

Так и оказалось. Но еще лучше было появление второй леди из ЖДС.

– Мисс Патерсон? Пусть у вас нет семьи, дорогая, но друзья определенно есть. Миссис Петри, миссис Бруэр, мисс Партридж и викарий, мистер Тивертон.

Грейс не знала, что ответить. Она иногда встречала викария, но никогда не была в его церкви. Нужно над этим подумать.

– Леди сумела сообщить миссис Петри о случившемся?

– Совершенно верно. Через мисс Партридж из Дартфорда, которая вступила в ЖДС шесть месяцев назад. Она воистину неоценимая помощница. Миссис Петри и миссис Бруэр просили напомнить, что вы всегда можете жить у них. Мистер Тивертон, прекрасный человек, будет сопровождать миссис Петри в офис вашего поверенного, когда станет понятна дата новой встречи. Для вас сейчас главное поправиться и вернуться к выполнению воинского долга. Потому что ваша работа и есть воинский долг.

– Мне можно подняться?

– Не спешите. Доктор должен вас осмотреть, и мы пытаемся организовать транспорт.

– «Спитфайр»? – сухо улыбнулась Грейс. Где Дейзи? Вот было бы здорово, если бы подруга сумела тайком переправить ее в самолете прямо в Шотландию!

Но леди из ЖДС даже не усмехнулась.

– Отдыхайте пока что. Одному богу известно, когда вам это удастся в следующий раз.

– Грузовик?

Грейс, которую благополучно отпустил доктор, умытая и одетая в униформу, сидела в вестибюле почти три часа, ожидая новостей о возможном поезде.

– Все, что можно. Ну же, дорогая, прыгайте в кузов. В этой больнице есть сестры, которые отдали бы зуб, чтобы проехать несколько сот миль с тридцатью восемью солдатами, целыми, живыми и здоровыми.

Санитар поднял мешок Грейс и проводил на улицу, где был припаркован гигантский военный грузовик.

Радостные лица всех возрастов глазели из-за брезентового полога.

– Какая награда за примерное поведение! – заорал один из солдат, легко спрыгнув на землю.

– Вот они мы, любимая, и все готовы доставить вас домой.

– Думаю, что нет, рядовой Адамс, – заявил более властный голос. – Прекратите глазеть и садитесь в кузов.

Мальчик – на взгляд Грейс, он выглядел крайне молодым – повернулся к ней.

– Мисс Патерсон, я капитан Гилрой, – представился военный. Девушка почти ожидала, что он возьмет под козырек, но капитан просто кивнул. – Мы должны проводить вас в Шотландию, и думаю, вам будет удобнее в кабине, вместе с водителем, сержантом Айвзом и со мной. Места не так много, но там гораздо удобнее, чем в кузове. Могу я взять вашу сумку?

Грейс кое-как ухитрилась пролепетать благодарность, гадая, как она сумеет залезть в кабину. Хорошо, что на ней бриджи. Придется вскакивать на очень высокую ступеньку.

Капитан Гилрой сунул ее сумку за сиденье и прыгнул наверх вслед за ней. Представил ее пожилому мужчине в мундире, который просто улыбнулся девушке, прежде чем включить зажигание.

Огромный зеленый грузовик тяжело катил на север, и Грейс и молодой офицер как-то умудрялись почти всю дорогу вести беседу. Иногда слово вставлял и наблюдательный сержант. Солдаты «ехали на полевые учения», и девушка сразу поняла, что все эти дружелюбные молодые люди, набившиеся в кузов грузовика, как и эти двое в кабине, едут на фронт. Она подумала о Сэме. Сэме, который снова стал для нее таким реальным.

– Мой старый друг воюет в Европе, – сказала она в перерыве между разговором. – Его взяли в плен в Дюнкерке.

– Военнопленный? Что-нибудь слышали о нем?

– Иногда он пишет родителям. Это сложно. Женевский Красный Крест...

Грейс осеклась. Что она делает? Распустила язык.

Солдаты улыбнулись друг другу.

– Мы все знаем о Красном Кресте, мисс Патерсон. Мы на вашей стороне.

Грейс почувствовала себя полной дурой.

– Они действительно много делают для военнопленных. Письма чаще всего приходят. Я надеюсь, вы тоже скоро услышите о нем.

Грейс почувствовала, что краснеет, но если капитан Гилрой и заметил что-то, вслух ничего не сказал.

Они немного помолчали. Сержант сосредоточенно смотрел на дорогу.

– Остановка, сэр? – спросил он после долгого молчания.

– Прекрасная мысль, сержант. В заправке нуждаются и машина, и люди. Да и даме тоже не мешает отдохнуть. Здесь недалеко офицерская столовая, где вы можете поесть и освежиться.

Грейс, которую утомила долгая езда, немного расслабилась.

– Спасибо, капитан. Скажите, женщины служат в армии?

– Господи, конечно! Водители, медсестры, секретари, наблюдатели, повара и уборщицы, перечислить не могу все должности. Это новый храбрый мир.

– Моя подруга надеется вступить во Вспомогательную транспортную службу. Хочет возить мистера Черчилля.

– Желаю ей удачи. Сам я бы испугался до смерти. А как насчет вас, сержант?

Сержант знал капитана достаточно хорошо, чтобы не отвечать.

Они подъехали к очень отдаленному армейскому лагерю и час спустя снова отправились в путь.

Грейс поняла, что клюет носом – как бы то ни было, а она почти ночь не спала, – и скоро заснула.

– По-моему, это ваш фермер Флеминг ждет вас, – сказал кто-то над ее ухом.

Грейс очнулась и первым делом подумала, что, наверное, спала с открытым ртом. Стыд-то какой!

– Простите, это было невежливо с моей стороны, – покачала она головой.

– Рад, что вы чувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы спокойно отдыхать, мисс Патерсон. Даже взрослые мужчины, насколько мне известно, иногда рыдали, когда понимали, что за рулем Айвз.

Улыбнувшись, капитан открыл дверь, прыгнул и протянул руку, чтобы помочь ей.

– Спасибо, капитан. Спасибо, сержант.

– Невероятное удовольствие – путешествовать в вашем обществе, – ответил капитан.

Сержант улыбнулся и кивнул.

Боб Флеминг стоял на дороге: большая темная масса среди других темных масс.

– Повезло тебе, Грейс! Сама армия пришла на помощь! Утром тебе о многом придется рассказать.

Когда они приехали на ферму, оказалось, что в кухне сидит Ева.

– Бедная Грейс, сколько же ты пережила! Как мы рады видеть тебя!

– Если сами справитесь, Ева, я иду спать. Миссус тоже нужно отдохнуть. Коровам плевать, что тебя едва не убили. Их нужно доить каждое утро.

– Я нагрела суп и сделала какао. Ты, должно быть, ужасно голодна.

Грейс сама не знала, голодна она или нет. Просто совершенно измучилась и умирала от желания лечь поскорее. Но полька, очевидно, специально дожидалась ее.

– Иди спать, Ева. Я выпью какао и тоже лягу.

– Хорошо! Нам можно поспать до шести с половиной.

Грейс взглянула на настенные часы. Половина третьего.

– Прекрасно...

Они тихо сидели за столом, пока Грейс не поняла, что все-таки хочет есть, и прикончила суп.

– Горох с ветчиной – вкусно.

– Много гороха и мало колбасок, но колбаски и ветчина – все одно, от свиньи.

Они засмеялись, допили какао, умылись и прокрались наверх, в постель. Вскоре обе уже крепко спали.

На следующий день обнаружилось, что Грейс назначили на очень легкую работу: прополка и полив домашнего огорода и сбор летних ягод.

– Мы все знаем, что тебе пришлось вынести, и местной медсестре прислали отчет, так что и она знает, как все было. Каждый раз, когда я думаю о тебе в этом поезде, сердце останавливается! Не смей переутомляться и скажи, если что-то не так, договорились? Побереги себя. Собирать клубнику – чудесная работа. И может быть, я покажу тебе, как делать крыжовенный фул^[11]. Если, конечно, найдешь спелые ягоды, иначе он получится кислым.

Грейс, которая, насколько могла вспомнить, в жизни не ела крыжовника, от всей души согласилась с миссис Флеминг. Ей казалось, что так лучше.

На голову она нахлобучила довоенную шляпу с широкими обвисшими полями, которую где-то откопала, после чего отправилась на огород.

– Только не снимай шляпу! – крикнула вслед жена фермера. – Доктор сказал, что у тебя сотрясение мозга. Не нравится мне, как звучат эти слова.

Грейс тоже они не нравились. Но она держала свое мнение при себе. И решила сначала прополоть огород, хотя сама так и ощущала вкус свежих ягод, но уж пусть они повисят на стеблях сколько возможно. Правда, она сунула пару ягод малины в рот, когда проходила мимо. Невероятно вкусно! Как она жалела всех, кто ни разу не попробовал малину с куста!

Но она вынудила себя начать прополку. Стоя было удобнее. Но, обезглавив две морковки, она со вздохом опустилась на колени – так меньше шансов повредить растения.

Солнце поднималось все выше. В середине утра миссис Флеминг принесла ей чай.

– Все в порядке, Грейс? Голова не болит?

– Нет, и спасибо за чай.

– Другие работают на полях и взяли с собой сэндвичи. Я крикну, когда мистер Флеминг придет на обед, и ты сможешь поесть с нами.

– Не стоит, я в полном порядке.

– С сотрясением мозга?

Это положило конец спору, и Грейс продолжила полоть. Мимо проехал на велосипеде почтальон, бросив на ходу:

– Отдал боссу почту. Он в старом офисе.

Старый офис. Грейс до сих пор не слышала о старом офисе. Не говоря уже о новом. Но вокруг фермы было несколько казавшихся заброшенными зданий. Возможно, потому, что во время войны слишком много работы и явная нехватка людей. Миссис Флеминг поговаривала о том, чтобы превратить два бывших сарая в общежития для городских детей-волонтеров, желающих помочь на ферме в летние каникулы, – новая правительственная инициатива.

Джек и Сэм постоянно присутствовали в мыслях Грейс, хотя она всеми силами старалась о них не думать. Джек ответил на несколько ее писем, но от Сэма не было ничего. Перед глазами так и стояли высокий светловолосый Сэм, еще больше похудевший, потому что в концентрационном лагере их вряд ли кормят досыта, и темноволосый Джек чуть пониже ростом, с прекрасными руками, которыми она не уставала восхищаться.

Она тряхнула головой и затопала ботинками по пыльной земле, чтобы избавиться от воспоминаний. У нее перехватило горло, а глаза обожгли слезы.

«Нельзя помнить. Нельзя думать».

Но упрямая память не желала подчиняться, и она едва не вскрикнула.

«Я совсем как Меган. Потому что была с Джеком».

Как бы она ни старалась выбросить из головы неприятные мысли, они отказывались уходить. «Меган называли шлюхой. Значит, я тоже шлюха? Но ведь это совсем другое, верно? Джек уходил на войну. Мне пришлось... это было правильно».

Некоторое время она яростно собирала ягоды, наполняя корзину за корзиной. Наконец миссис Флеминг высунула голову в открытое окно буфетной:

– Сбавь темп, Грейс! Ты перегреешься из-за этой малины!

– Чудесные ягоды.

«Сбор урожая, такое прекрасное время года. Интересно, помогают ли трудармейки и отказники фермерам на полях Франции или эта плодородная земля взрыта бомбами и тяжелыми сапогами тысяч солдат?»

«Уничтожена» – это слово эхом отдалось в ее мозгу. Что-то такое она слышала давно, еще в школе. Салли... это была Салли, игравшая в какой-то пьесе про войну и королей. И там еще были слова: «плодородная Франция» и «лежит в руинах».

Но как она ни напрягала память, на ум ничего больше не шло. Когда-нибудь спросит Салли.

Думая о подруге, она снова вспомнила Сэма. Знает ли что-нибудь Сэм о сельском хозяйстве? А Джек? Нет, Джек водил бы санитарные машины где понадобится, ведь он такой храбрый!

Она почему-то знала, что он не задумываясь ответит на любую мольбу о помощи. Грейс не привыкла молиться, но сейчас в голове настойчиво звучал голос:

«Господи, спаси их и сохрани».

Она не сразу поняла, что голос принадлежит ей.

И тут же раздался другой голос:

– Обед на столе! Вымой руки и иди сюда.

Подхватив корзины, она поспешила в дом, вымыла руки в холодной воде в буфетной и внесла корзины в большую кухню. Мистер Флеминг уже сидел за столом и проделывал глубокие канавки в блюде, состоявшем в основном из пюре, горошка и фасоли.

Мужчина поспешно взглянул на нее:

– Мясо будет, когда придут остальные.

Фермер молча ел и, опустошив тарелку, встал:

– У меня кое-какая работа в старом офисе. Приду на чай около четырех.

Он взял горсть ягод из корзины, кивнул и вышел.

– У него полно работы. И не только на ферме. Ему все время покоя не дают. Нескончаемая история.

– Увы, – сказала Грейс, пытаясь вложить в слово хоть немного сочувствия. Но на самом деле у нее чесался язык спросить, нет ли писем. Видя, что на каминной доске ничего не лежит, она решила, что фермер, должно быть, так и не забрал их из старого офиса.

– Не работай слишком долго. Ягоды повисят лишний день, и мы хотели сделать фулы. Пойдут на десерт за ужином, да еще можно прибавить джема, – с сомнением добавила миссис Флеминг. – По-моему, запасы сахара, которые я сделала до введения карточек, почти закончились, но, может, ты соберешь еще корзинку сладких ягод? Спелая малина и клубника не нуждаются в добавлении сахара, верно?

– Верно, – коротко ответила Грейс, прежде чем выйти.

– И крыжовник тоже! – крикнула вслед миссис Флеминг.

Поговорить было не с кем, и девушка, занятая сбором ягод, думала о неудачной поездке к поверенному. Почему же ей не сказали о шкатулке еще на похоронах? Может, тогда развалины еще не были расчищены? Главное, что тела нашли и похоронили.

Она решила успокоиться и ждать.

«Лучше не ходить по Хай-стрит...» – Голос миссис Бруэр.

Разрушение. Магазин уничтожили. Как поля Франции. Джек, конечно, во Франции. Где еще идут бои? Где находится концлагерь Сэма? Во Франции? Если так, где именно?

Думая о своем, она проворно работала руками. Когда миссис Флеминг позвала ее помочь сделать крыжовенный фул и малиновый джем, она уже едва держалась на ногах.

– Ты совсем бледная. Иди ложись.

Вечером, после вкусного ужина из бараньего рагу и освежающего крыжовенного фула, приготовленного миссис Флеминг без помощи Грейс, та спросила, нельзя ли с ней поговорить.

– Конечно, я сделаю все, что смогу, если понадобится, конечно.

Грейс смотрела в круглое лицо со следами возраста и тяжелой работы и улыбающиеся, хотя уставшие глаза. Да, миссис Флеминг можно доверять.

– Никаких проблем. Я хотела спросить, нельзя ли позаимствовать атлас?

Она не ожидала такой реакции на, как ей казалось, простой вопрос.

– Атлас? – переспросила женщина изменившимся голосом. – С чего это вдруг трудармейке на шотландской ферме понадобился атлас?

Грейс пожалела, что не подождала, пока сможет поехать на велосипеде в маленькую деревенскую библиотеку, в которой наверняка найдется хотя бы один атлас. Отказ от ответа даст пищу еще худшим подозрениям.

«Как быстро мы учимся не доверять друг другу», – грустно подумала Грейс.

– Чтобы посмотреть карту Европы, – пояснила она как можно более естественно.

– Европы? Зачем тебе?

Вопрос полетел в нее, как пуля из револьвера. Грейс была крайне удивлена подозрительностью в голосе фермерши, но попыталась все понять в свете непрерывного потока предупреждений, рассылаемых правительством.

«Неосмотрительная болтовня может стоить сотни жизней».

Так было написано на многих пропагандистских плакатах, появлявшихся как грибы после дождя. На одном было выведено огромными красными буквами:

«СОХРАНЯЙ СПОКОЙСТВИЕ И ИДИ ВПЕРЕД».

Были и более серьезные плакаты, посвященные в основном женщинам.

«ВСЕГО ЛИШЬ РАБОТА В ДОБРЫЙ ДЕНЬ!»

Имелось в виду, что даже несколько часов работы на фронт помогут нанести поражение Германии.

Вспомнив все это, Грейс правдиво ответила:

– Когда вы так любезно помогли мне успеть на похороны сестры, я узнала, что брат моей подруги Дейзи, армейский сержант, попал в плен. Им известно только, что Сэм где-то в Европе. В одном из лагерей. Если немцы, так же, как мы, заставляют заключенных работать, я хотела узнать, что там растет и что он может увидеть. Просто интересно. Я с четырнадцати лет не видела ни одной карты.

Миссис Флеминг встала и сложила руки на талии, под мощной грудью.

– Нужно спросить мистера Флеминга. Есть вещи, которых он не одобрит, учитывая, что здесь живут иностранки. Если он решит, что тут действительно нет проблемы, я поищу атлас.

Грейс поблагодарила ее и ушла, гадая, почему вообще затеяла этот разговор. Фермерша явно видела шпионов повсюду.

– Как глупо делиться чем-то личным, – пробормотала она себе под нос. Этот урок она усвоила давно. Если никто не знает твоих тайн, значит, они в безопасности. В следующий выходной она поедет или пойдет в деревенскую библиотеку.

Грейс поднялась по скрипучим деревянным ступенькам на большой чердак, который делила

с тремя девушками. Джейн и Фиона писали письма. А Шила, судя по яркой обложке, погрузилась в знойный мир интриг и романтики.

Грейс подошла к окну, села в удобное старое кресло и стала смотреть вдаль. Несколько лет назад здесь паслись лошади, коровы и овцы. Но из-за отчаянной нужды в простом хлебе сейчас здесь колосья пшеницы, овса, ячменя покачивались под легким летним ветерком.

Возможно, в этот момент Сэм работает на французской или немецкой ферме и, кто знает, может, разгоняет любопытных животных или режет их, чтобы сэкономить на корме? Ей почти ничего не известно. Когда Сэм приедет домой и она поговорит с ним... нет, она больше никогда не заговорит с Сэмом. Потому что выросла и не нуждается в защитнике. Кроме того, как она может говорить с ним после того, как была близка с Джеком? Но за прошедшие месяцы она получила от Джека всего два письма, и оба ее разочаровали. Даже в те чудесные моменты в машине он ни разу не произнес слово «любовь».

«Конечно, он посчитает, что я ничем не лучше Меган».

Грейс стало еще хуже на душе при мысли о том, что что Сэм, вне всякого сомнения, тоже так подумает.

Все же она старалась не расстраиваться и повторять снова и снова, что Европа – одно большое поле битвы и письма часто теряются.

Но как же она устала...

Грейс прислонила горящий лоб к стеклу.

«Я ничуть не лучше Меган, ничуть не лучше».

Остальные девушки вскочили с кроватей, когда Грейс, не издав ни звука, соскользнула по стеклу на пол.

– Ее слишком рано выписали из больницы, а мы к тому же заставили ее работать на солнцепеке.

Миссис Флеминг, вызванная Шилой, едва не ломала руки в отчаянии.

– Поднимите ее и уложите в постель. Возможно, это просто шок после бомбежки, не говоря уже о том, что она очнулась и обнаружила, что на ней лежит мертвый, истекающий кровью солдат.

– Довольно, Шила! Не очень-то ты участлива!

– Я реалистка, миссис Флеминг, и читала о том, что шок может случиться даже несколько недель спустя после происшествия.

Джейн, услышавшая шум и прибежавшая на помощь, была более оптимистична. Нагнувшись, чтобы вместе с остальными поднять девушку, она заметила, как дрогнули ее ресницы.

– Видите? Она просто упала в обморок после работы на жарком солнце.

– Но никто из нас не переживал налета немецких бомбардировщиков, никого не держали в больнице целую ночь, никому не пришлось проехать сотни миль в тесной кабине военного грузовика.

Шила рассмеялась:

– Везет же некоторым девушкам! Да, Грейс, ничего не скажешь, умеет выбирать время и место.

– Вы не можете отослать ее домой, миссис Флеминг, у нее никого и ничего не осталось, – дерзко заявила Джейн. – Мы позаботимся о ней. Верно, девушки?

– Мы с Евой тоже поможем, – заверила Катя, которая пришла на шум.

– Мне все равно придется поговорить с леди Элис. И рассказать еще кое о чем. Катя, спустись вниз и завари чай. Положи в него мед.

Миссис Флеминг подошла к двери, обернулась и оглядела больную девушку:

– У тебя ничего не болит, Грейс?

Она попыталась сесть, но Катя и Джейн толкнули ее на кровать.

– Я совершенно здорова, миссис Флеминг. Простите, что доставила вам столько неприятностей.

– Ну... это мы посмотрим, сколько еще неприятностей ты нам доставишь.

– Что, интересно, она имела в виду? – Шила вопросительно уставилась на закрывшуюся дверь.

– Она считает меня шпионкой, – пояснила Грейс так тихо, что им пришлось нагнуться, чтобы расслышать.

– Господи. С чего это?!

Девушки расселись на кровати.

– Я попросила у нее атлас.

– И почему это делает тебя шпионкой?

– Потому что они повсюду ищут шпионов, – вмешалась Шила. – Не заметили, как часто он исчезает, якобы идет по делам в офис? В одном из заброшенных сараев у него радио. Я видела это, когда ловила крыс, и он просто взбесился, когда заметил меня.

– Что же тут такого? Он любит слушать радио за работой, тут нет ничего странного, – заметила подошедшая Ева, которая увидела, как миссис Флеминг и Катя спускаются вниз.

– Это не приемник, Ева. Это рация. Проверь, внизу ли фермерша, прежде чем я все расскажу.

Ева вышла из комнаты, но почти сразу же вернулась:

– Я уже волнуюсь. Говори.

– Верите или нет, но существует правительственная организация, что-то вроде гражданской обороны. Называется как-то... Корпус наблюдателей... возможно, Королевский Корпус, не помню. Люди, которые вступают в этот корпус, дают подписку о неразглашении. Вроде как при вступлении спрашивают, может ли кандидат хладнокровно убить человека.

– Какой кошмар! Думаешь, Флеминги состоят в этой организации?

– Уверена. Однажды, когда я была в комнате, где стоит телефон, увидела маленькую брошюру. И там был раздел об особых обязанностях, насчет саботажа и убийства, и всего такого.

– О, Шила, ты преувеличиваешь.

Грейс не верила собственным ушам.

– С тех пор я больше не видела брошюры. Так что вот. Люди, которые не могут идти в армию из-за работы или болезней, вступают в организацию, чтобы зорко наблюдать за окружающими. Фермеры часто становятся членами этой организации. Потому что они живут в глуши. А разве не туда лучше всего сбросить парашют со шпионом? Фермеры и рыбаки видят все, что происходит в округе. И обычно каждый день проходят по много миль. Наблюдают за вражескими самолетами, что для них крайне сложно, потому что некоторые совсем стары. И все же они не спят по ночам, выискивая в небе истребители или шпионов в лодках на реке. Женщина на последнем месте работы говорила, что они даже зажигают свет, как приманку. Не совсем поняла, как это работает, но, по-моему, джерри думает, что бомбит что-то важное, а не стирает с лица земли пару старых сеновалов. Эти наблюдатели вечно видят странное в разговорах посетителей паба, и они тут же радируют своему...

Шила запнулась, явно не уверенная в том, кому радируют наблюдатели.

– Начальнику, – подсказала Джейн.

– Да, должность вроде неплохая, но кому хоть сколько-нибудь интересна ферма Ньюригтс?

– Гитлеру. И дело не в ферме, а в огромных полях вокруг, где можно спрятаться. Подумай об

этом. Шотландская столица не слишком далеко, и здесь есть причал, а вон за тем холмом – база вспомогательных частей ВВС. Катя говорит, что слышала от друзей, будто тут будут проводиться маневры Польского корпуса. Поляки – прекрасные солдаты, и многие летчики, сбежавшие из родного дома, вступили в наши ВВС и хотят исполнить свой долг перед Британией и Польшей. Сюда перебралось много европейцев, которые хотят работать на победу. Может, они не смогли вернуться, когда была объявлена война: студенты университетов, например. Это графство – идеальное место для тренировок. Можно танк спрятать в канаве около фруктового сада. Если, скажем, немецкий шпион приплывет в маленькой шлюпке, может, рыбацкой лодке, переодетый рыбаком, или его сбросят с самолета при следующем налете, он вполне способен увидеть маневры и послать сигнал бомбардировщикам. Ужасно. Но наша оборона – это сеть таких наблюдателей, простых людей.

– И Боб Флеминг один из них? Спаситель нации?

– Почему нет? И миссис Флеминг тоже. Грейс попросила атлас. Крайне подозрительно. Так и вопит «шпион»!

– Не вопит. Очень тихо говорит: девушка хочет взглянуть на карту Европы. Я бы сказала, что мистер Гитлер должен встревожиться. Но мистер Черчилль?! Если бы она внезапно заинтересовалась картой Англии, ее портами, железными дорогами, морскими оборонными сооружениями и так далее, тогда и надо было бы наводить панику. Кстати, Грейс, зачем тебе карта Европы?

– Семья, где я жила, когда ездила на похороны сестры... так вот, их сын попал в плен. Я как раз подумала, что он может работать на сборе урожая, и гадала, где расположены фермы. Глупо, конечно.

– Вовсе нет, – начала Шила, но тут же громко зашипела «шшш», когда на лестнице послышались шаги.

– Пора бы в постель, девушки, – заметила миссис Флеминг, входя в комнату. – Как ты себя чувствуешь, Грейс?

Вид у фермерши был взволнованный.

Но девушка уже устала от этого вопроса.

– Жива и здорова, спасибо.

– Прекрасно. Мистер Флеминг сказал, что с удовольствием даст тебе атлас.

Она по-прежнему держалась принужденно.

– Придется доложить о случившемся мисс Элис, и она позвонит тебе завтра, когда закончит доить.

Когда она ушла, все девушки, не считая Грейс, засмеялись.

– Кто такая леди Элис? – спросила Джейн. – Когда она закончит доить? Она кто, тоже жена фермера? Смешно.

– Тебе будет не до смеха, если она услышит, – предупредила Шила. – Ее отец граф, и это их ферма, так что лучше быть примерной девочкой на случай, если она решит приехать и сама провести нашу маленькую шпионку.

Оживление быстро погасло. Все стали готовиться ко сну.

– Грейс, для такой маленькой безвредной особы, как ты, у тебя удивительная способность попадать в неприятности, – покачала головой Дженни. – Теперь мы все будем на ушах стоять от нетерпения. Поскорее бы узнать, что эти аристократы хотят от тебя.

– Вознамерились отрубить ей голову, – мрачно предрекла Шила.

– Мы им не позволим, – заверила Фиона. – Но нам лучше попытаться заснуть, или я единственная в этой комнате, кто должен вставать в четыре утра?

Присутствующие дружно и громко застонали.

Грейс немного полежала, гадая, что сулит телефонный звонок леди Элис, после чего заснула.

Леди Элис позвонила, и девушка поспешила в чистенькую маленькую комнату, где несколько месяцев назад разговаривала с Джеком. Ее светлость первым делом посочувствовала ей относительно происхождения с поездом и спросила, как Грейс себя чувствует.

– Очень хорошо. Спасибо.

– Прекрасно, но вряд ли вы можете себя чувствовать слишком хорошо после всего, что случилось. Жаль, что вы не поведали мне о письме поверенного. Все должно было выясниться еще несколько месяцев назад. А теперь скажите правду: вы счастливы там?

Грейс чуть помедлила, прежде чем ответить.

– Да, леди Элис. Девушки хорошие, мы с ними ладим, и на ферме работают две польки. Я многому у них учусь.

– Ради бога. Только не говорите это миссис Флеминг. Она непременно донесет на вас. Вы искали следы Джека? Я имею в виду атлас.

– Нет.

– Слишком резко, Грейс, но я посмотрю на это сквозь пальцы... Он пишет?

– Я получила два письма, но он немногословен.

– Да, я тоже. Именно два письма. Он работает там, где всегда хотел. Но вы не спросили о Гарри. А он вернулся и справлялся о вас. Он останется в поместье. Хейзел дает ему работу полегче.

– Спасибо за то, что сказали, леди Элис. Я правда волнуюсь о Гарри.

– Рано или поздно он полностью поправится. По крайней мере мы все на это надеемся, но он стар, и, кроме нас, у него никого нет. Лишний рот нас не обременит. Кстати, наконец я услышала, что к нам назначили несколько трудармеек. Хейзел, Исо и я хотели спросить, не собираетесь ли вы приехать и помочь нам ввести их в курс дела. Подумайте об этом.

В трубке послышались короткие гудки. Грейс немного послушала, на случай, если это помехи на линии, и осторожно положила трубку на рычаги.

Глубоко задумавшись, она сидела за пустым письменным столом. Вернуться в Уайтфилдз-Корт? Прежде всего она вспомнила о горячей воде, потом спросила себя, хочет ли уехать с фермы? Дом был совсем примитивным по сравнению с Уайтфилдз, но сама ферма так красива. И Флеминги неплохие люди. С миссис Флеминг легче общаться, чем с миссис Лав, но миссис Лав лучше готовит и по крайней мере, пока Грейс была там, – из более разнообразных продуктов. Преимуществом Ньюригтс было то, что здесь собрались хорошие девушки, с которыми она успела подружиться. Если она уедет, скорее всего будет скучать по Еве, Кате, Шиле, Джейн... собственно говоря, по всем девушкам.

Все еще погруженная в свои мысли, она вышла из комнаты. Именно из этого состоит жизнь? Встречи с людьми, привязанность, а потом расставание? Если бы только можно было ни с кем не расставаться. Жить рядом... это и называется настоящей семьей?

– Собираешься простоять здесь весь день, пока остальные делают за тебя всю работу?

Она не заметила фермера, стоявшего в кухонных дверях.

– Простите, мистер Флеминг.

– Ее светлости было что-то угодно?

– Она говорила о людях, которых я знала в Уайтфилдз, и моем здоровье. То да се...

Она надеялась, что не лжет. Леди Элис ведь не прямо попросила ее вернуться, так?

– Нужно собрать ягоды. Надень шляпу жены, возьми с собой воду. И приходи в двенадцать на обед. Часы есть?

– Да, мистер Флеминг.

– Тогда вперед.

Еще одна причина вернуться в Уайтфилдз. Хейзел куда приятнее мистера Флеминга.

Но честность Грейс снова взяла верх и напомнила, что фермер приехал на военную базу посреди ночи, чтобы ее забрать.

Она решила выбросить из головы все, кроме предстоящей работы, и пошла за шляпой и водой.

– А, вот и ты. Я совсем забыла про почту. Тебе два письма, лежат на кухонном подоконнике. Два письма!

Грейс поблагодарила миссис Флеминг и пошла за письмами. Взяла их с собой в малинник: не терпелось поскорее распечатать и прочитать. Одно от поверенного, а второе... наконец-то от Джека!

Она стояла между длинными рядами отягощенных ягодами кустов, глубоко вдыхая воздух, напоенный запахами сухих листьев и зреющих и перезрелых ягод. Какое распечатать: то, что в левой руке или в правой? Что хочет сказать ей поверенный?

Дорогая мисс Патерсон!

Утром двадцатого числа прошлого месяца, в присутствии леди Элис Уайтфилдз, миссис Флоры Петри, преподобного К.Л. Тивертон, мистера Гаррика Томаса, партнера фирмы «Томас, Крофорд, Шорткросс и Томас», и меня, Лесли Крофорда, старшего партнера той же фирмы, была вскрыта металлическая шкатулка, найденная в развалинах дома 11а по Хай-стрит в городе Дартфорде и принадлежавшая покойной мисс Меган Патерсон, бывшему менеджеру указанной собственности. Содержание шкатулки рассмотрено в присутствии вышеуказанных особ.

Счастлив сообщить вам, что никаких предметов, принадлежавших владельцам дома 11а по Хай-стрит, в Дартфорде, не было найдено в шкатулке, и, следовательно, ее содержимое, состоящее из золотого хаф-хантера с прекрасной гравировкой, нескольких личных писем (которые, как мы надеемся, представляют для вас интерес), нескольких фотографий, одного свидетельства о рождении, двух свидетельств о браке и одного заверенного у нотариуса завещания, теперь принадлежит вам и будет направлено на нынешний адрес при первой же возможности. Мы готовы заверить вас в нашей полной готовности помочь разобраться с этим делом.

С наилучшими пожеланиями,

Лесли Крофорд.

Грейс несколько раз перечитала письмо. Интересно, как леди Элис туда попала? Имеет это какое-то отношение к ней?

Но, сообразив, что она вряд ли получит ответ, если только сама ее светлость ей не объяснит, она перевернула лист обратной стороной, хотя понимала, что там ничего не написано. Взглянула в распечатанный конверт, в поисках сама не зная чего. Но там было пусто.

«Фотографии. Чудесно... но были ли это фото Меган и ее друзей или...»

Сердце сильно заколотилось.

«Меган сохранила письма. Господи. Пусть хотя бы в одном будет сказано о Грейс! Свидетельство о рождении. Ее или Меган. Завещание...»

Она всегда знала, что ее семья бедна. Меган обожала рассказывать, как сестра приехала к

ней в том, что на ней было, и с одной ночной сорочкой. Так что вряд ли завещание может иметь какое-то значение, но все же расскажет еще об одном члене семьи. Так волнующе! Жаль, что не с кем поделиться своей радостью. Миссис Петри знает! Грейс напишет ей, но сначала расскажет Дейзи, Роуз, Салли и ее родителям!

А хаф-хантер? Что это такое? Леди Элис говорила о гунтерах, но это лошади, а лошадь, золотая или настоящая не поместится в маленькой шкатулке.

Она засмеялась от восторга и удивления.

– Ты ничего не собрала, Грейс. Заболела?

О боже, мистер Флеминг здесь!

– Нет, все в порядке, мистер Флеминг, начинаю. Чудесные ягоды.

Она без отдыха проработала почти два часа, часто прикладываясь к кувшину с водой и перебирая в памяти содержание письма поверенного. Тонкий конверт от Джека она сложила и сунула в нагрудный карман блузы военного образца. И постоянно ощущала, как близко оно к сердцу. А Сэм? Неужели она снова забыла его? Так легко? Сэм, от которого она ничего, кроме доброты, не видела!

Ей не терпелось прочитать письмо. Возможно, содержание поможет ей думать связно.

Она осторожно срывала ягоды и клала слегка перезрелые в одну корзину и спелые в другую. Флеминги надеялись продать хорошую ягоду в местные магазинчики. Они гордились своей репутацией: в корзине Флемингов не бывает недозрелых или перезрелых ягод.

Глянув на часы, она с удивлением обнаружила, что уже полдень и что она находится минутах в десяти ходьбы от дома.

– Поешь одна, Грейс. Мистер Флеминг собирает кукурузу. Мы хотим собрать ее, прежде чем она полностью поспеет, и она прекрасно высохнет на полях, если погода продержится.

Миссис Флеминг, надев тюрбан, собралась уходить:

– В кладовой на холодной полке найдешь салат. Потом отдохни и начинай собирать клубнику, если сил хватит.

– Спасибо, миссис Флеминг, со мной все в порядке. Хотите, чтобы я помогла вам с кукурузой?

– Ну уж нет. Леди Элис должна приехать, а миссис Драммонд-Хэй, возможно, шныряет по ближайшим фермам, так что тебе лучше возиться в кустах: по крайней мере это убежище от солнца. Не торопись прикончить салат. Лучше почисти картофель – по крайней мере подольше просидишь в тени.

Леди Элис? Миссис Драммонд-Хэй? Неужели они заинтересовались ее желанием получить атлас?

Грейс поплелась в кладовую, чтобы взять салат. Как заманчиво он выглядел: свежий латук с огорода, горошек, зеленый лук, тонкие ломтики белой репы, не слишком большой кусок «СПАМа»^[12], яйцо. Все полито смесью уксуса, масла и свежей зелени. Подумать только, все остальные на полях, едят сэндвичи.

Она снова заглянула в тарелку. Ни единого ломтика свеклы.

Девушка наколола на вилку кусочек яйца, поднесла ко рту и остановилась, пораженная ужасной мыслью. Что, если этот чудесный салат приготовлен для леди Элис?

Грейс почти побежала в кладовую. Нет, там больше нет тарелок.

Облегченно вздохнув, она вернулась на кухню, где съела все до крошки, с ломтем свежее испеченного, намазанного сливочным маслом хлеба и тремя ягодами клубники из миски около раковины.

Еда вместе с одиночеством и тишиной заставили ее забыть о письме. Грейс охнула. Да что же это такое? Как непростительно с ее стороны!

Грейс вынула унизительно тонкий смятый конверт и принялась читать.

Дорогая Грейс.

До меня доходят только отцовские письма, да и то редко. Мы условились нумеровать каждое письмо, так что, если номер десять приходит раньше номера шесть, я получаю некоторое представление о времени. Я тоже нумерую письма к отцу, и он пишет, что однажды получил сразу четыре и то не по порядку.

Должен признаться, что я не писал тебе и ему несколько недель. Иногда слишком устаю, чтобы держать карандаш. Работа бесконечна, и мы прерываемся, только чтобы немного поспать и поесть. Не могу рассказать тебе, что вижу и слышу, но шум непрерывный, иногда весь день и большую часть ночи. А временами наступает тишина, такая оглушительная, что однажды мне показалось, будто настал конец не только войне, но и миру. Но потом снова начинается шум, громче, чем прежде, и, моя дорогая Грейс, шум – это так утомительно.

Я не слишком горжусь своим первым письмом к тебе. Ты отдала мне все, вернее, я взял сам, и когда думал об этом, приходил в ужас. Не за себя, поверь. Отец рассердился бы, но он никогда бы не отверг меня, и, надеюсь, ты понимаешь, что не отверг бы и тебя. Нет, я не написал, что в один прекрасный день к нему может приехать прелестная молодая женщина, потому что стыдился. Не тебя. Себя. У нас не было времени по-настоящему влюбиться друг в друга, но, если ты не возненавидела меня, возможно, нам удастся, как мы намеревались, начать встречаться, когда это безумие закончится. Я бы хотел пройти с тобой по тропинке между кустами сирени к дому моего отца. Я постоянно представляю эту картину, и только она позволяет мне сохранить рассудок.

Я думаю о тебе на поле боя и надеюсь, что тебе не приходится работать слишком тяжело. Помню Гарри и волнуюсь за него, но уверен, что Уайтфилдзы позаботятся о нем. Он редкой души человек, таких я нечасто встречал. Да и Хейзел, и Исо, и остальные – прекрасные люди. Ты учишь польский? Я бы на твоём месте так и поступил, раз есть такая возможность. Я смог выучить немецкий и улучшить французский, который учил в школе. Здесь немецкая и французская речь слышится постоянно».

В нижнем углу страницы была подпись «Джек». Письмо было написано на обеих сторонах листа. Такое длинное послание от кого бы то ни было она получала впервые. Прочитала ли его миссис Флеминг? Тогда она точно знает, что случилось, когда Джек возил Грейс в кино. Но она так ничего и не сказала.

Все семь трудармеек видели, как прибыла шкатулка Грейс, хотя никто не узнал великолепную машину, на которой ее подвезли к самым дверям дома. Только Грейс поняла, что приехала леди Элис.

– Какое красивое платье, – прошептала Джейн, пожирая глазами идущую к воротам женщину.

– Да, для некоторых.

Втайне Шила тоже считала, что очаровательное ситцевое платье, на светло-коричневом фоне которого были разбросаны ослепительные желтые ромашки, – последнее слово моды. Но она слишком хорошо осознавала, что не входит в число этих «некоторых».

– А ее туфли и перчатки! – выдохнула Катя, после чего выразила более пространное восхищение на польском.

– Почему она без мешка? Возможно, это новая трудармейка с шикарной машиной? – с сомнением пробормотала Ева.

– Это леди Элис, – пояснила Грейс.

Девушки встали. Некоторые восхищались этим видением летнего совершенства, другие гадали, что привело это видение на север. Но долго оставаться в неведении им не пришлось.

– Идите, нечего глазеть. Грейс, отведи их на кухню, пока не заполучили солнечный удар, – буркнул фермер.

В это время миссис Флеминг подавала воскресный обед – единственный день за всю неделю, когда девушки ели с хозяевами. Несмотря на то что ее заранее предупредили о приезде ее светлости, когда та вошла на кухню, она лишь растерянно пробормотала:

– Леди Элис, как приятно вас видеть...

– Не хотела мешать вам обедать, миссис Флеминг, но боюсь, мне необходимо поговорить с Грейс. Мы прекрасно устроимся в офисе. Пришлите нам чай, и я исчезну так быстро, как только возможно. Ах да, приберегите обед для Грейс.

С этими словами она покинула их, но не через дверь, ведущую в темный коридор, где находился офис, а через садовую дверь.

– Ваша шкатулка у меня в сумке, которую я беспечно оставила в машине, принадлежащей моим эдинбургским друзьям. Это они решились пожертвовать запасами бензина ради вас. Можете заверить остальных, что я приехала поездом и вернусь тем же неудобным манером.

Она открыла дверь маленькой машины и вытащила белую кожаную сумку с золоченой застежкой и такой же отделкой.

– Зайдем в офис и сядем. Мне многое нужно вам сказать. Полагаю, первое, что вы захотите узнать, – какое право я имею совать нос в ваши дела.

Грейс безмолвно последовала за ней на кухню, где леди Элис извинилась, проходя мимо стола, за которым сидели девушки. Грейс улыбнулась, подметив брошенные на сумку завистливые взгляды. Вероятно, позже ей придется ответить на несколько вопросов.

Сердце, немного успокоившись, снова заколотилось, когда они шли по коридору.

– Электричество поистине сотворит чудеса в этом доме. Думаю, недолго осталось ждать, прежде чем нас подсоединят к национальной энергосистеме.

Войдя в офис, леди Элис села на стул, крайне нуждавшийся в новой обивке, и показала Грейс на кожаное кресло за столом.

– Возможно, вы захотите выложить вещи на стол? Удивительно чистый, верно? Вряд ли им когда-то пользовались.

Очевидно, она не ждала ответа, потому что вытащила сильно помятую металлическую коробку и поставила на самом виду.

– Сильно пострадала при бомбежке. Но что удивительно: бомба уничтожила магазин, но шкатулка не открылась.

Закрытая шкатулка стояла перед Грейс, язык которой прилип к небу. Фотографии, письма... как ей хочется поскорее их увидеть!

– Предпочитаете, чтобы я ушла? – вежливо осведомилась леди Элис, когда стук в дверь ознаменовал прибытие девушки с чаем.

Грейс, окончательно потерявшая дар речи, покачала головой. Леди Элис разлила чай, добавила молока, положила сахар и поставила чашку перед Грейс.

Та открыла шкатулку. Сверху лежала маленькая кожаная коробочка. Явно не письмо. А значит, она посмотрит содержимое потом. Дальше шел старый, хрупкий официальный бланк. Грейс дрожащими руками вынула его из шкатулки. Это оказалось брачное свидетельство, подтверждавшее, что шестого апреля 1895 года состоялось бракосочетание между неким Александром Харди, джентльменом, и Абигейл Смайт, приходской старой девой.

Грейс озадаченно вскинула брови. Она никогда раньше не слышала этих имен, и какое отношение они имеют к ней?

Она осторожно отложила документ и взяла в руки другой – свидетельство о рождении Маргарет Харди, дочери Абигейл и Александра, от сентября 1898 года.

Окончательно расстроившись, Грейс отодвинула шкатулку и встала:

– Тут, должно быть, какая-то ошибка, леди Элис. Эти имена ничего для меня не значат. Я в жизни не слышала об этих людях. Они не имеют никакого значения...

– Садитесь, Грейс, и слушайте.

Леди Элис подождала, пока Грейс неохотно сядет.

– Я взяла на себя смелость приехать в тот день, когда открывали шкатулку. Вас послали работать в поместье, и я считаю себя ответственной за ваше благоденствие. Мой отец позвонил поверенным. Объяснил, какие трудности вам пришлось пережить, и они позволили мне, вместе с миссис Петри, необычайно душевной женщиной, а также мистеру Тивертону присутствовать на вскрытии шкатулки.

Грейс ужасно разозлилась: она ясно сказала поверенному, что ее представителем будет миссис Петри. Ей ни к чему было звать леди Элис.

Но, немного подумав, она сообразила, что в этом мире иметь союзником титулованную особу – большое преимущество.

– Спасибо, – тихо сказала она. – Миссис Петри всегда была добра ко мне.

Ее светлость, очевидно, сумела прочитать мысли девушки.

– Миссис Петри, мистер Тивертон и я посидели за чашкой очень вкусного чая. – Миссис Петри – знаток чайных сортов и даже убедила поверенных стать покупателями в ее магазинчике. Честно говоря, они были в полном восторге. Превосходное обслуживание, и дешевле, чем в Лондоне.

Грейс улыбнулась при мысли о дипломатии миссис Петри. Она, возможно, говорила богатым покупателям, что этот чай самого плохого качества.

«Молодец, миссис Петри», – заметила она про себя.

– Она сказала, что собирается написать вам. Вы не получали письма?

– Нет, она слишком занята. Возможно, из-за этой шкатулки.

– Конечно, но вам стоит взглянуть на завещание. Оно относится к вам, хоть и не напрямую.

– Ко мне? Леди Элис, эти люди жили задолго до того, как я родилась.

– Второе брачное свидетельство вам поможет.

Грейс глянула на документы и на секунду закрыла глаза, потрясенная невероятностью происходящего. Она хотела найти бумаги, и вот теперь они в ее руках, а она боится того, что может узнать из них.

– Грейс, мистер Тивертон, миссис Петри и я взяли на себя смелость прочитать свидетельства о рождении, а также завещание, чтобы при необходимости мы могли помочь вам разобраться с делами. Для вас тут есть сюрпризы, в большинстве своем приятные. Мы не смотрели письма и фотографии, это вы должны сделать сами. Но юридические документы очень важны. Можно?

Леди Элис, не дожидаясь кивка от Грейс, вынула вторую пожелтевшую бумагу и протянула ей. Та с величайшей осторожностью развернула документ. Это оказалось завещание Абигейл Смайта Харди, которое было очень простым. Абигейл оставляла золотой хаф-хантер и пятьсот фунтов своей дочери Маргарет Харди или любому наследнику Маргарет Харди или Патерсон.

– Я не знаю, что это означает.

Леди Элис взяла коробочку и, открыв, показала ее содержимое.

– Это и есть хаф-хантер, Грейс. Золотые часы, и они просто прелестны. Если перевернуть их... видите, прекрасно выгравированные инициалы – «А.С», то есть Абигейл Смайт. Ваша бабушка.

– Моя бабушка?

Кончиком пальца Грейс нерешительно коснулась золотой крышки.

– Они ваши. Выньте их. Или предпочитаете прочитать второе брачное свидетельство? Вот. Поверьте наконец в происходящее.

Второе свидетельство объявляло миру о браке Маргарет Харди и Джона Патерсона, 26 июня 1919 года.

Лицо Грейс сияло надеждой.

– То есть это... вы хотите сказать...

– Да, это ваши родители.

– А я родилась в 1921 году.

Грейс хотелось плакать от счастья, но она снова на секунду зажмурилась и ослепительно улыбнулась хозяйке.

– Мистер Крофорд готов представлять вас в этом деле. Полагаю, пятьсот фунтов – не состояние, но нужно установить, где они находятся. Если, например, что вряд ли, ваша бабушка хранила их в коробке под кроватью, значит, вы унаследуете всего пятьсот фунтов, а возможно, и меньше, но если деньги в банке или были инвестированы, кто знает, сколько их накопилось к этому времени. Все зависит от того, когда умерла миссис Харди.

Грейс даже не успела подумать, что значит для нее иметь пятьсот фунтов. Для нее и десять были достаточной суммой. Она не могла и представить, что можно получить пятьсот.

И сейчас думала только о матери и бабушке.

– Маргарет, Абигейл, – повторила она и улыбнулась.

Наконец!

Ее семья. Собственная семья.

– Ох, леди Элис, она моя бабушка, родственница, еще одна, помимо Меган, и она могла... – девушка осеклась. Леди Элис вряд ли поймет, что это такое – расти нелюбимой, без родных. – Если она все еще жива, даже очень стара, может, захочет видеть или узнать про меня.

– Я абсолютно уверена, что она хотела бы узнать вас, Грейс, но, к сожалению, эти прелестные часы доказывают, что она умерла. Мне очень жаль, но Меган каким-то образом завладела часами, которых, по вашим словам, вы никогда не видели. Значит, они все это время пролежали в шкафу. Она не могла носить часы из страха, что их узнают. Поверенные не

раздают наследство абы кому, но вручают человеку, указанному в завещании, в данном случае вашей матери Маргарет Патерсон. Если она была мертва, когда скончалась миссис Абигейл Харди, тогда...

– Шкатулку отдали Меган.

– Она была вашей сводной сестрой, так?

– Да.

– Но она не наследница Маргарет Харди Патерсон. Наследница вы. Теперь, когда я оставила вам пищу для размышлений на следующие несколько недель, нужно возвращаться в Эдинбург в надежде, что к завтрашнему вечеру я сяду на поезд до Лондона. К сожалению, коровы не умеют доиться сами.

– Что мне теперь делать, леди Элис?

– Читать письма, рассматривать фотографии, быть счастливой. Надеюсь, вы найдете новых родственников и порадуетесь часам бабушки Абигейл. Я позвоню, если узнаю больше. Идем, вас ждет обед.

Кухня была пустой, если не считать миссис Флеминг, которая ощипывала курицу, довольно старую, если сравнивать с теми, которые клевали травку вокруг дома.

– Есть колбаски, картофельное пюре, горошек, морковь и ранняя репка. Все стоит на плите, чтобы не остыло. Даст бог, не слишком пересохло. Прости, что прочитала письмо от Джека, но это моя работа. И ты сама виновата, потому что спрашивала о картах.

Слова разбили теплый спокойный воздух, как удар грома.

– Почтальон в Дартфорде говорил, что вскрывать чужие письма незаконно. У вас нет прав читать чью-то почту, а вот я имею полное право листать атлас. В библиотеке их несколько.

– Но мы состоим в Службе наблюдателей. Это наша обязанность. У нас даже есть подписанные начальством бумаги. Чего еще от нас хотят? Словно фермы им недостаточно! Мистер Флеминг тоже прочитал письмо и встревожился насчет иностранного языка и всего такого, так что я отдала бумагу ее светлости. Она велела не беспокоиться и добавила, что докладывать не о чем.

– Почему же вы доложили о нем и почему вообще посмели прочитать? – окончательно взбесилась Грейс.

– Повторяю, это наш долг. Нам не понравилось, что тебя отослали сюда. Что ты такого сделала, что тебя прогнали из поместья? Никому не по душе интерес к картам и иностранным языкам. Бывали шпионы, так хорошо говорившие на нашем языке, что мы даже не подозревали, что они шпионы.

Грейс разрывалась между яростью и волнением, надеждой и отчаянием. И понимала, что просто не может сидеть в одной комнате с этой женщиной и спокойно есть, словно ничего не случилось.

– Я иду собирать смородину. Но сначала отнесу наверх эту шкатулку и предпочла бы, чтобы вы в нее не заглядывали. Леди Элис уже все осмотрела, так что ваше вмешательство необязательно.

Она хотела пробежать мимо миссис Флеминг. Но та ее остановила:

– Грейс, никто не собирается ничего говорить о личном. Мы прочитали письмо, потому что тревожились.

Девушка поспешила наверх и положила драгоценную шкатулку в ящик тумбочки. Ей придется рассказать остальным о содержимом, и они наверняка обрадуются. Часы изумительны, пятьсот фунтов – целое состояние, но узнать наконец, что мать звали Маргарет – такое прелестное имя, – а отца – Джон, настоящее мужское, – это лучше всего! А миссис Петри?

Рассказала ли она близнецам и Бруэрарм? Грейс решила, что нужно сообщить им волнующие новости. У нее родители – Маргарет и Джон, и бабушка Абигейл – еще одно чудесное имя, и дедушка Александр – уж точно так могут звать только героев.

Она снова сбежала вниз и вышла в сад, не останавливаясь и не оглядываясь. Захватила корзины и побежала к смородиновым кустам.

– Не бегай на солнце, Грейс! Напечет голову!

Голос Джейн... или Шилы? – донесся до нее со стороны клубничного поля.

Она замедлила шаг, как пристало молодой леди, владелице часов из чистого золота.

Ягоды красной смородины висели на тонких стебельках, как роскошные серьги или драгоценные камни. Грейс съела парочку, но их вкус настолько не соответствовал их красоте, что она рассмеялась. Грусть и разочарование сменились чистой радостью.

– Мою мать звали Маргарет Харди, – повела она светскую беседу в пустоту. – Дедушка Харди называл ее Мэгги. Но моя бабушка Абигейл, приходская старая дева, старалась этого не допустить. И я тоже.

Но глупое развлечение быстро ей наскучило, и девушка снова погрузилась.

«Когда умерла моя мать? Где? Любила ли она меня? А мой отец Джон?»

О, как ей хотелось поскорее освободиться и вернуться к шкатулке! К письмам и снимкам!

Наполнив корзину красной смородиной, Грейс подхватила ее и пустую корзинку и перешла к соседним кустам. И тут же пожалела о своем широком жесте: зря она отказалась от обеда! Если не считать нескольких ягод красной смородины, в половине пятого утра она съела миску овсянки, и больше ничего, так что пустой желудок стонал и жаловался.

И тут послышался шорох. Кто-то был в кустах смородины, возможно, собака или кошка, в поисках чего-то съедобного?

Грейс прошла вперед и очень удивилась, когда перед ней возникла миссис Флеминг.

– Поделом тебе, если я позволю кому-нибудь, рассердившись на свое лицо, отрезать себе нос! Садись на теплую землю и съешь немного сыра. Я принесла и бутылку чая. Только не говори другим, потому что мне не полагается бегать за такими, как вы.

Она не дала Грейс времени поблагодарить ее, сунула ей в руки маленькую корзинку с коробкой внутри, забрала смородину и пошла назад, продираясь сквозь кусты.

– Рассердившись на свое лицо, – рассмеялась Грейс. – Полагаю, это означает, что я права.

Грейс была голодна и открыла вторую металлическую коробку за день. Ломтики сыра, редиска, маринованный лук и большая, намазанная маслом, овсяная лепешка. Настоящий пир!

В ее брюках можно было сидеть где угодно, поэтому Грейс устроилась на земле, прислонилась к подпорке, на которую наматывалась проволока, поддерживающая кусты, и съела только что вытащенную из земли редиску, ломтик сыра и кусочек лепешки. Выпила чая, оказавшегося освежающим, и продолжала есть, пока на дне жестянки не остались только крошки. Грейс лизнула указательный палец и собрала их все до последней. Допила чай и немного посидела, наслаждаясь теплом и ощущением сытости.

К тому времени, когда остальные окликнули ее по дороге к дому, она наполнила корзину. Хорошее чувство. Прекрасная работа.

– Расскажи нам все, – первой начала Шила. – Ты – пропавшая дочь итальянского князя? Он жаждет привезти тебя домой, в свой замок, но хочет, чтобы ты оставалась здесь, пока не кончится война? Думает, что ты здесь в большей безопасности, и планирует устроить вечеринку и приглашает всех?

– Если ты уже все знаешь, Шила, зачем спрашиваешь? – поддела Грейс, подумав, что Салли Бруэр, возможно,отреагировала бы точно так же.

– Теперь ты богата и покинешь нас.

– Нет, Шила говорит глупости. По-моему, это из какого-то фильма. Я немного узнала о своей семье, и что самое главное – у меня есть родители.

– Большое дело! И у нас есть родители, – буркнула Джейн, яростно отмахиваясь от жужжавшего над головой насекомого.

Даже Ева и Катя рассмеялись, и Грейс пообещала рассказать за ужином все, что успела узнать. Пока что им пришлось набраться терпения.

Для самых романтичных девушек часы до ужина тянулись бесконечно, потому все разбрелись по комнатам. Но для Грейс время несло как сумасшедшее. Голова была готова лопнуть от всего, что она узнала, и от всего, что еще предстоит узнать.

Когда все собрались в большой комнате, умылись и надели ночные сорочки, она вынула шкатулку из ящика и рассказала обо всем, что успела разведать леди Элис, а потом стала передавать часы из рук в руки, умоляя девушек быть осторожнее.

– Потрясающе, Грейс! – воскликнула Катя. – Часов красивее я в жизни не видела! Может, эта леди найдет тебе много денег?

Грейс хотела найти много денег, но еще больше – прочитать письма и взглянуть на фотографии.

– Здесь еще есть снимки и письма. Мне нужно изучить их, чтобы найти хоть какую-то полезную информацию. Обещаю, если найду там что-то обо мне или обнаружу снимки отца с матерью, все вам расскажу.

Довольные девушки стали укладываться. Грейс села на кровать и вынула конверт с фотографиями. Меган на фоне магазина. Меган и двое незнакомцев на пирсе в Брайтоне. Меган, Меган, Меган... Но когда Грейс уже была готова сдаться, обнаружился снимок двух хорошо одетых женщин на фоне озера, по которому плыли два лебедя. Платья и прически давно вышли из моды. Снимок напоминал картинку из учебника по истории.

И тут у нее перехватило дыхание. К атласному лифу платья той, что постарше, были пришпилены золотые часы. Грейс перевернула снимок и прочитала:

«Абби и Мэгс около Серпентайна».

Дыхание и правда почти остановилось.

Абби – это, конечно, Абигейл, а Мэгс – Маргарет.

Она едва сдерживала ошеломляющее желание прижать фотографию к груди.

– Моя мать. И бабушка.

Впервые она видела людей, которые, кроме Меган, были частью ее жизни.

Потрясенная, Грейс легла и закрыла глаза.

Но услышала, как кто-то пошевелился, и быстро взяла себя в руки.

– Помочь тебе, Грейс?

Это Джейн!

Она наскоро вытерла лицо простыней.

– Нет, Джейн, спасибо, Прости, что потревожила тебя. Просто... я нашла фото матери, впервые увидела, какая она. И теперь я так счастлива! Завтра покажу его всем!

Джейн погладила ее по плечу и вернулась в постель. Но Грейс еще долго не спала.

Бумаги и снимки были жизненно важны – для нее. Но для фермера всего важнее было собрать урожай, пока стоит хорошая погода. Ночь за ночью, неделя за неделей девушки засыпали, едва успев коснуться головой подушки. Драгоценная шкатулка оставалась запертой в ящике вместе со всей информацией о семье. Но она была так занята и так уставала... Иногда она пыталась во всем разобраться: вынимала шкатулку, брала письмо и садилась у окна, чтобы прочитать его при естественном освещении. Но после нескольких строчек начинала клевать носом, слова расплывались. Признав поражение, она ложилась в постель.

Все эти недели девушки работали до поздней ночи.

– Что я вам говорила? – смеялась Шила. – Правительственная инициатива: вспашка по ночам. Но это государственная тайна.

Хотя все сознавали возможность воздушного налета, на кустах живой изгороди развешивали зажженные лампы, чтобы сборщики могли работать подольше. Не было времени полюбоваться чудесной луной, вспомнить ночи, когда девушки гуляли рука об руку с кем-то особенным под усыпанным звездами небом.

Ковыляя домой по стерне, работницы, как всегда, довольные, что работа сделана и будет сделана и завтра, и послезавтра, пока закрома нации не будут полны, едва находили силы раздеться, натянуть сорочки и повалиться в кровать. Во сне они часто сбрасывали грубые армейские одеяла. Даже если Грейс находила силы взглянуть на письмо, опыт подсказывал, что она все равно ничего не поймет. Семье придется подождать. У нее есть снимок матери. Для Грейс по крайней мере пока этого было достаточно.

Объявление о танцах в деревенском клубе, по цене два шиллинга и шесть пенсов за вход, включая живую музыку, сомнительные стовиз и пиво, сильно разбавленное и выгнанное из картофеля, а не ячменя, было мужественно проигнорировано, несмотря на тоскливые взгляды девушки.

– По-моему, я забыла, как выглядят мужчины, – жаловалась Катя. – И что такое – живая музыка? Этого мы с Евой не понимаем.

– Просто будут играть музыканты, а не пластинки. О радость, только подумайте, если они позовут оркестр с воздушной базы, в нем будут одни мужчины, – вставила Фиона, многозначительно добавив «настоящие», поскольку мимо проходил мистер Флеминг.

Девушки засмеялись и решили, что со стороны Фионы это не слишком любезно.

– Он не виноват, – заступилась Джейн. – Вот что делает с людьми брак.

– Вот что делает общение с вами, – бросил фермер, не оборачиваясь.

– Черт, кажется, свиньи вот-вот начнут летать. У него появилось чувство юмора!

Через несколько дней Грейс, к огромной радости, получила письмо от Салли. Открыла его и сразу вспомнила, что еще не набралась храбрости ответить Джеку. Нужно написать дружеское письмо. Но сначала она прочитает это! Какие приятные неожиданности случились с ней за последнее время? Роль, пусть крохотная, в уэст-эндской пьесе? Или фильме? Как это будет волнующе! Салли Бруэр из Дартфорда на большом экране! Грейс потребует, чтобы все девушки пошли с ней в кино.

Единственный листок бумаги выпал из рук, когда она закончила чтение.

«Дейзи, о дорогая, дорогая Дейзи...»

Она зажмурилась, чтобы отсечь всплывшую в уме картину, но ничего не получалось.

– Что случилось, Грейс? Только недавно ты была на седьмом небе от счастья, потому что нашла семью, а сейчас выглядишь так, словно потеряла всех, кого любила.

Джейн, Ева и Шила собрались вокруг нее.

– Ты расстроена? – спросила Ева, а Грейс в ответ громко шмыгнула носом.

– Простите, девочки, это не со мной беда случилась. Моя лучшая подруга потеряла парня. Он был пилотом на «Спитфайре». Немцы его сбили.

– О, какое несчастье! Это он учил ее летать?

– Да. А теперь он мертв, а я только и могу, что крыс убивать.

– Что, если мы попросим Флемингов отпустить тебя к ней? – предложила Шила.

Грейс трубно высморкалась и сглотнула:

– Нет! Из армии ее все равно не отпустят, и работы слишком много, что у Дейзи, что у нас. Так что продолжаем жить.

Даже возможность найти что-то очень важное в письмах из шкатулки не могла утешить Грейс этой ночью. Такова реальность войны. Люди умирают каждый день, а те, кто их любил, плачут по ним, но идут дальше. А их друзья пишут письма, чтобы дать им хоть малое утешение.

Грейс написала Дейзи короткую записку. Что она могла сказать об Эдере, даже несмотря на то, что помнила, с каким волнением Дейзи рассказывала о том, как видела настоящий самолет в старых конюшнях на ферме Олд Мэнор?

Грейс сообщила, что ужасно сожалеет и посылает Дейзи свою любовь. Она надеялась, что это немного утешит Дейзи.

И пока на столе лежала бумага, она ответила и Джеку. Объяснила, что получила от него одно письмо, в котором он упоминал об их последней встрече и надеждах на то, что они вместе придут к дому отца.

Я бы хотела пройтись под кустами сирени, Джек, увидеть что-то мирное и чисто английское. Иногда я думаю, мир будет воевать всегда, но если это кончится и мы снова встретимся, это станет самым прекрасным днем в моей жизни.

Твой друг Грейс.

Не «люблю, Грейс», потому что теперь она не знала точно любит ли Джека, да и любит ли Сэма... Подумав, она решила, что, конечно же, любит Сэма, любила с самого детства, но, возможно, это и не любовь, а всего лишь симпатия маленькой девочки к старшему брату. Ощутила бы она те всепоглощающие эмоции, подавившие волю, разум, будь она в ту ночь в машине с Сэмом?

Она совершенно сбита с толку. Слишком много всего происходит. Рассказать Джеку, что она получила снимок матери? Сэму она точно бы сказала...

На какую-то долю секунды ей захотелось порвать письмо к Джеку.

Еще одно преимущество жизни на ферме. Если на письме штамп, почтальон готов отвезти его на почту. А уж оттуда... вопрос чистой случайности, дойдет оно или нет до адресата.

– У нас будет белое Рождество!

Грейс устроилась на подоконнике, глядя на снежные поля фермы Уайтфилдз.

– И это для тебя сюрприз? – фыркнула Ева и уселась на постель с учебником английского.

– Я напишу, что англичане с удивлением видят снег. Всегда есть снег в Польше на Рождество.

– Англичане удивлены, увидев снег, – очень медленно выговорила Катя. – В Польше на Рождество всегда идет снег. Напиши так, Ева.

Она повернулась к Грейс и рассмеялась. – И, если она сможет это добавить, в Польше лежит снег и до, и после Рождества.

Грейс, Катя и Ева приехали в Уайтфилдз после окончания сбора урожая в Ньюриггс. Именно тогда миссис Драммонд-Хэй объявила, что их посылают на юг в Уайтфилдз.

Грейс пристала с расспросами к миссис Флеминг:

– Почему? Что мы такого натворили? Я хоть атлас просила, а Катя и Ева вообще ничего такого не сделали.

– Нам на зиму присылают несколько военнопленных и, возможно, отказников. Мы хотим переделать два амбара в общежития, чтобы принять на следующее лето городских детей, которые согласятся работать на каникулах. Мужчины нужны для тяжелой работы, и мы можем обойтись четырьмя девушками до конца года. И кто знает, может ее светлость думает, что сможет лучше приглядывать за тобой в Англии? А что касается Евы и Кати, возможно, она просто хочет, чтобы они набрались опыта в путешествиях и языке. Но я не просила миссис Драммонд-Хэй объяснять мне свое решение.

Грейс вдруг стало жаль Флемингов. Они работали на ферме на протяжении трех поколений, а потом началась война, и Сельскохозяйственный комитет в каком-то далеком городе взял над ними власть, приказывая что и сколько сажать и какой скот содержать. Возможно, когда война закончится, – а она скоро закончится, – фермеры снова станут самостоятельными, сохранив только те перемены, которые посчитают полезными.

Она вспомнила трогательный момент, когда мистеру Флемингу показали новую машину, которая значительно облегчит вспашку и боронование. Он глянул на поле и заметил:

– Хорошая лошадь и хороший пахарь – самое прекрасное в мире зрелище, не находите?

Грейс, которой еще не исполнилось двадцати двух лет, посчитала, что дни добрых коней закончились. Но ничего не сказала.

Грейс, Катя и Ева приехали в Уайтфилдз-Корт в конце сентября за несколько дней до прибытия новых трудармеек. Скоро все обосновались как следует. Грейс была рада встретиться со старыми друзьями, и даже миссис Лав, казалось, довольна снова ее видеть. Она с гордостью объявила, что получила весточку от сына, которого произвели в старшие матросы.

– Скоро услышите, что ваш Том станет старшиной, – заверила Грейс. Но сердце пропустило удар при мысли о молодом Филе Петри.

Миссис Лав, польщенная тем, что кто-то запомнил имя ее сына, удивила и себя, и ее, тепло обняв девушку.

И как ни странно, леди Элис предложила Грейс вполне легально заработать немного денег и посоветовала поговорить об этом с Катей и Евой. Речь шла о плодах шиповника, толстых,

оранжево-красных, содержащих семена, которые образуются на кустах, когда хрупкие цветы увядают.

– У нас больше нет восхитительных импортных фруктов, к которым мы привыкли во время чертовой войны, – пояснила леди Элис, – но и на этой ферме, и по всему острову растет шиповник. Дикая роза радует глаз летом, а осенью созревают ягоды шиповника, источник витамина С. Знаю, что многого прошу, Грейс, поскольку трудармейки и без того тяжело работают, но, если выкроите время собрать шиповник, я дам вам по два пенса за фунт. Миссис Лав делает из него вкуснейший сироп, который мы можем продавать. Ну как, согласны? Не стесняйтесь сказать, если предпочитаете почитать книгу или пойти в кино.

– Два пенса за фунт – прекрасная цена, леди Элис. Мы сможем накопить денег к Рождеству.

– Все местные ребята будут собирать ягоды наперегонки, хотя приходить в поместье им не разрешается. Но не гоняйте детей, и, кроме того, есть места, куда вы можете попасть в отличие от них. Спросите Исо, где лучше всего собирать шиповник. Для Кати и Евы это может быть развлечением. Собирать шиповник – так по-английски... в Польше, кстати, он тоже растет. Так или иначе, девушки смогут расслабиться и заработать немного карманных денег.

– Я, разумеется, спрошу их, леди Элис, и, если они привыкли собирать шиповник в Польше, у них появится возможность почувствовать себя как дома.

Грейс нашла Катю в общей комнате, куда та пришла умыться перед ужином.

– Хочешь сказать, мы должны собирать шиповник, чтобы заработать на этом лишние деньги?

– Да, Катя. Леди Элис хочет продать ягоды компании, производящей сироп. Там много витамина С, который очень важен, поскольку мы лишены обычных его источников: апельсинов и других фруктов. Я пойду собирать. Не считаешь, что это было бы неплохо?

– Мы и без того много времени проводим на свежем воздухе. В свободное время мы с Евой предпочитаем отдыхать и читать.

– Я тоже, Катя, но нам так мало платят, и я подумала, что немного лишних денег не помешает. В поместье растет много шиповника, и, я думаю, мы довольно быстро его соберем и заработаем деньги.

– Это неплохо, и, думаю, Ева согласится. Но все ли девушки на это пойдут? Мы благодарны за безопасность и не хотим...

Она остановилась, не найдя подходящих слов на английском.

– Особого отношения, чего-то в этом роде? Я не знаю, всех ли спрашивали об этом, но думаю, что спросят. Леди Элис позволяет деревенским детишкам собирать шиповник для школ и, по-моему, считает, что нам это должно понравиться. Мне уж точно понравится... Ладно, мы будем собирать ягоды после работы. Спасибо.

– Это идея леди Элис. Я почти уверена, что всякий, кто не слишком устал работать сверхурочно, присоединится к нам.

Так оно и было. Светлыми летними и осенними вечерами девушки со старыми корзинками, которые миссис Лав нашла в одной из просторных кладовых, отправлялись в места, показанные мужчинами, знавшими каждый дюйм поместья, и возвращались в полумраке с полными корзинками. Каждую ставили на скамью, где леди Элис оставляла этикетки с именем девушек. Миссис Лав взвешивала ягоды и вела записи.

Катя и Ева наслаждались вечерами больше других. Это было для них просто продолжением дневной работы, но они расслаблялись, шутили, пели, перекикивались, пока не наставало время возвращаться домой. Миссис Лав оставляла им ужин.

Вскоре после возвращения в Уайтфилдз Грейс навестила Гарри, работавшего в саду

Хейзела, и почти сразу задалась вопросом, права ли ее светлость и действительно ли славный старик полностью оправился от увечья. Память бедняги пострадала. Он почти не помнил драки, в которой ему проломили голову, зато помнил Джека и Грейс, что очень ее тронуло. Было и еще кое-что, что удивило девушку. Хотя раньше он не ухаживал за птицей, теперь обнаружил истинный талант ухода за курами: он увеличивал их количество, а Гарри старательно за ними присматривал.

– Получала что-то от молодого Джека? – спрашивал он каждый день, и каждый день Грейс терпеливо отвечала:

– Нет, Гарри, он пока не знает, что я вернулась.

На последнее письмо она ответа не получила. Но может, он ничего не писал?

«Перестань думать о нем, Грейс», – твердила она себе.

Пока она устраивалась и знакомилась с новенькими, совсем не осталось времени прочитать письма из шкатулки. Она положила их в самую глубь ящичка, подальше от искушения. Фотографии же в конверте она хранила в кармане брюк и, улучив минуту, просматривала их. Когда она впервые вынула из конверта снимки с Меган, повинуясь порыву, то едва не выбросила их в корзину для мусора. Ей не хотелось напоминаний о сводной сестре. Но потом она передумала. Нужно тщательно изучить каждый снимок, и, если она узнает на них кого-нибудь из тех, кто был с Меган, немедленно все выбросит. Вряд ли эти люди станут наводить справки о ее младшей сводной сестре.

«Что случилось с матерью Меган? Бедняга, неужели и ее мать умерла молодой?» – спрашивала она про себя.

Ни одна пожилая женщина не посещала дом, где жили Грейс и Меган. Та ни разу не упоминала о родителях или родственниках. Грейс вздохнула. Она впервые в жизни почувствовала к сестре нечто вроде сочувствия. Наверное, потому, что взрослеет, становится более зрелой и рассудительной.

Как-то вечером, когда остальные спали, Грейс вынула письма и на мгновение прижала их и содержащиеся в них секреты к сердцу, после чего стала методично просматривать штемпели на каждом конверте и раскладывать их в хронологическом порядке. Лучше и разумнее читать по порядку, если они имеют какое-то отношение друг к другу, хотя почерки и были разными.

Она остерегла себя: не стоит питать слишком большие надежды. Возможно, письма никак не связаны с ней и ее родителями. Ее тут же стали одолевать сомнения. Но если письма не важны, почему их хранили?

«О, пожалуйста, не позволяй им оказаться грустными любовными посланиями, если, конечно, это не письма родителей».

Она была слишком возбуждена, чтобы спать, и, прекрасно сознавая, что пожалеет об этом утром, выбрала самое раннее письмо и стала читать:

Дорогая Герт!

Похоже, он сел на лондонский поезд в прошлую субботу. Фред и Джим видели его, когда переходили Хай-стрит. Выглядел шикарно: черно-белые блестящие лакированные туфли, зализанные назад волосы и заливчатая шляпа, какую носят герои в кино. Кассир, продавший ему билет, не захотел сказать Джиму, куда поехал Джон, так что он может быть в любом месте между Глазго и Лондоном.

Я бы не стала плакать по нему, Герт, любимая, так как все мы считаем, что тебе и Мегс будет лучше без него. Фред хочет получить свои десять шиллингов и говорит, что пойдет собирать ягоды, чтобы накопить немного денег к зиме. Твой любимый Фальшивый Пенни тоже собирает свои «плоды» по уик-эндам. А

Фальшивые Пенни, как любит говорить наш Фред, имеют свойство появляться в самый неподходящий момент.

Крепко поцелуй Мегс за меня.

Тетя Фран.

Грейс сложила листок. Чувство было такое, будто она запачкала руки. Слишком личное письмо. Был ли человек, Фальшивый Пенни, задолжавший кому-то десять шиллингов, – ее отцом, Джоном Патерсоном? Это без него Герт и Мегс будет лучше? Мегс – это, видимо, Меган, ее сестра, и значит, Герт – ее мать. Джон – ее муж и отец Меган.

Грейс взглянула на конверт. Дешевый, и штемпель расплылся, но ей показалось, что она разобрала слово «Стерлинг» и дату «2.6.14». За семь лет до ее рождения. И, что важнее всего, это был год начала Первой мировой войны.

Но довольно с нее догадок!

Она сунула письмо в шкапулку, выключила лампу и попыталась заснуть.

Утро принесло порядок и обычную рутину. Грейс была счастлива погрузиться в работу: дойка, уборка коровника, обучение трех новеньких трудармеек и поддержание тепла, поскольку присутствие зимы уже чувствовалось.

Как-то утром, в начале сентября, леди Элис остановила идущую на кухню Грейс.

– У вас есть приемник? Слышали новости?

В редкие свободные минуты, когда они не слишком уставали, чтобы послушать радио, девушки старались включить музыку или комедийные программы, и у них просто не оставалось времени читать газеты.

Грейс не сразу ответила, и это рассердило леди Элис.

– Господи, да или нет? По-моему, это не требует таких уж глубоких размышлений. Японские ВВС практически уничтожили американский флот на их базе в Перл-Харбор. Это на Гавайских островах.

– Весь флот?

– Слишком много матросов... Что за чертово веселое Рождество! Единственная хорошая весть – теперь янки вступят в войну. Они помогали нам, и во многом. Но теперь тоже соберут свои силы, слава богу. Скажите девушкам.

«Хочу ли я говорить об этом? – спросила себя Грейс, входя в дом. – Такое страшное и подлое уничтожение кораблей и людей вряд ли сможет развеселить Катю и Еву».

Но новости о бомбежке и несчастье, постигшем британцев, оказались так важны, что комедийная программа была прервана.

Девушки сгрудились вокруг маленького приемника на кухонном столе. И миссис Лав впервые не жаловалась на то, что они ставят локти на стол.

– Садись, Грейс, я подам завтрак. Новости просто кошмарные. Два наших лучших и самых больших корабля, «Принц Уэльский» и «Отпор», потоплены японцами, вскоре после того, как они уничтожили весь американский флот в Тихом океане.

– Корабли на Гавайских островах в Тихом океане, – повторила Катя со слезами на глазах. – В Кракове, в нашей стране, мы видели, я и Ева, фильм о Гавайях. Там много есть красиво.

Потрясение от новостей повлияло на почти правильный английский Кати.

Грейс обняла ее.

– Поешь, Катя. Нельзя оставаться голодной перед длинным тяжелым днем, ничего хорошего это не даст. А вдруг тебе плохо станет? Нужно выполнять свой долг, как это сделали те бедные матросы.

Все девушки старались доесть завтрак, но день выдался на редкость скверным.

Прошло несколько дней. После утренней дойки Грейс поджидала леди Элис.

– Доброе утро, Грейс! Что скажете, если я дам вам несколько дней рождественского отпуска? Прошлый год был таким трудным. И если вы уедете отсюда на день-другой пораньше, сможете повидаться со своими поверенными.

Грейс была очень голодна. Но аппетит каким-то образом исчез при слове «поверенные».

– Мои поверенные?

– Не повторяйте каждое мое слово, Грейс. «Томас, Крофорд, Шорткросс и Томас» – ваши поверенные. Они нашли ваши пятьсот фунтов, и вы будете рады узнать, что они были очень мудро вложены и умножены. Заметьте, они сдерут с вас уйму денег за поиски, но придется заплатить. Если вы, скажем, уедете двадцатого? Это суббота, мерзкий день для поездки в такое время. Но по крайней мере кое-кто из ваших друзей не будет работать. Можете вернуться обратно на второй день Рождества? Почти неделя, лучшее, чего мы смогли добиться.

Слишком многое происходило с ней. И слишком тревожные мысли теснились в голове Грейс. Как же она была глупа, когда не прочитала письма в тот же день, когда ей отдали шкатулку. Почему так медлила? Иногда она слишком уставала по вечерам...

Но Грейс тут же выругала себя. Если бы она по какой-то необъяснимой причине не боялась прочитать письма...

«Да, признай это, Грейс. Ты боишься».

«Я нашла свою семью. Невероятно. Знаю свою мать и бабушку. И никогда больше не стану бояться».

Рождество, настоящее Рождество, с гимнами и полуночной службой, остролистом и украшениями. Бруэры и Петри всегда ставили елки, о, это будет чудесно!

Леди Элис нашла в сумке то, что искала, и как-то странно смотрела на Грейс.

– Привет! Вы здесь, со мной? Хорошо. Я отпустила Еву и Катю, но им немного сложно ехать в Польшу, не находите? Я заберу их в большой дом. Придется довольствоваться пением гимнов вокруг елки. Говорите, у Евы прекрасный голос? Приятно будет послушать.

– Простите. Леди Элис, я очень благодарна и напишу миссис Бруэр, спрошу, согласится ли она меня принять. Подходящее ли это время для визита?

– Когда вы поймете, что порядочные люди всегда согласятся вас принять и неподходящего времени у них просто не бывает? А теперь, ради бога, идите позавтракайте, пока миссис Лав не хватил удар.

Поездка Грейс от Бигглзвуд до Дартфорда была по военному времени не слишком затруднительной. В районе Лондона случился налет, повредивший несколько железнодорожных линий, так что добраться из пригорода к оставшейся целой платформе заняло столько времени, сколько понадобилось бы, чтобы проехать всю Англию. Грейс была счастлива узнать, что поезда до Дартфорда придется ждать всего двадцать минут, и упавший рождественский дух мгновенно поднялся, она увидела стоявших рядом с перроном женщин из ЖДС. Она попыталась заплатить за чай, но женщины пожелали ей счастливого Рождества и дали кружку чая и маленькую овальную булочку, наполненную рыбной пастой.

– Веселого Рождества, леди, – ответила Грейс и стала пить чай, наблюдая, как женщины раздают не только еду, но и счастливые улыбки и рождественские пожелания. Две трудармейки остановились возле них, но подходили в основном мужчины в мундирах, из нескольких стран. Она вдруг поняла, что многие были в сотнях миль от дома, и безмолвно пожелала им благополучного возвращения к родным и близким.

Она так была поглощена наблюдениями, что в конце концов пришлось бежать, чтобы не опоздать на поезд. Но все же успела, и молодой пилот даже уступил ей место. Это напомнило ей о доброте того, другого солдата. Со слезами на глазах она поблагодарила молодого человека и села.

Ее никто не встретил, но она этого и не ожидала, поэтому просто постояла немного на перроне, наслаждаясь сознанием того, что вот-вот увидит своих друзей, прежде чем в полной темноте зашагать к дому Бруэров. Она совсем забыла о затемнении. Да, в сельской местности существовало затемнение, но дома встречались мало и редко.

Уайтфилдзы старались сами заботиться о затемнении, но там с неба светили луна и звезды, озаряя дорогу. А вот здесь, в городе, все изменилось, и Грейс ничего не узнавала. И очень обрадовалась, когда наконец остановилась у дверей Бруэров и постучала. Дверь почти сразу же распахнулась. На пороге стояла Салли.

Девушки, обычно не привыкшие к проявлениям чувств на людях, обнялись.

– Салли Бруэр, поверить не могу, как ты похорошела! Настоящая кинозвезда, даже красивее.

Салли, как всегда, выразилась крайне элегантно:

– Ну, Грейс Патерсон, спасибо, и если не обидишься, скажу, что никогда не видела более уродливой шляпы.

Она сдернула с Грейс шляпу форменного образца и повесила на и без того перегруженную вешалку.

– И пусть там остается. Пойдем. Мама на кухне. Роуз работала в утреннюю смену и скоро будет здесь. Просто умирает от нетерпения поскорее тебя увидеть.

– А Дейзи?

– Пока что нет, – покачала она головой и, заметив разочарование на лице Грейс, заверила: – Но она едет. По крайней мере хотя бы на день все мы соберемся вместе. О, и я хотела спросить тебя, что ты думаешь о Сэме?

Сердце Грейс подскочило.

– Сэм? С ним все в порядке?

– О, поверить не могу, что ты не знаешь! Миссис Петри говорила, что напишет тебе, но весной у нее было столько поводов для волнения, что мисс Причард практически в одиночку управляла магазином.

– Волнения? Расскажи мне, Салли.

– Он сбежал, – просто ответила она. – Одному богу известно, где он. Никто ничего не знает о нем, но мы все надеемся.

– И он не написал родным или тебе?

– Не глупи, Грейс, сбежавшие британские военнопленные не могут так просто заявиться на почту и сказать: «Простите, нельзя ли послать письмо маме»?

Она не сказала, получила ли письмо от Сэма.

В дверь позвонили.

– Мы откроем, ма! – крикнула она. – Пойдем. Грейс, откроем, это наверняка Роуз.

Они поспешили к двери. Так начался очень счастливый праздник Рождества.

В эту первую ночь Грейс и Салли еще не ложились спать после полуночи. Им ужасно не хотелось расставаться с Роуз, поэтому они проводили ее до магазина Петри, и Грейс жадно слушала историю осиротевшего мальчика Джорджа, которого Дейзи то ли усыновила, то ли опекала, но он стал почти членом семьи и любимцем всех друзей и соседей.

Поскольку ни Грейс, ни Салли не должны были вставать рано, они долго и печально беседовали о потере Дейзи и радовались побегу Сэма. Грейс было ясно, что Салли очень любила Сэма: недаром твердо настаивала на том, что он не погиб и пробирается сейчас домой.

– Какой бы великий фильм из этого вышел, Грейс! – повторяла она.

Роуз подтвердила, что назначила встречу с поверенными на одиннадцать часов утра понедельника. В отличие от Грейс, Салли нашла рассказ о спрятанных документах, пропавших деньгах и красивых золотых часах чрезвычайно волнующим.

– Совсем как в пьесе, Грейс, и ты героиня. Хотя я боюсь, что в этой кошмарной сорочке ты мало походишь на героиню. А вот я – очень, хотя, если быть справедливой, ты, возможно, была бы лучше. Вот Вивьен Ли брюнетка, но потрясающе играла в «Унесенных ветром».

Салли, по-видимому, собиралась проговорить всю ночь, и Грейс с упавшим сердцем поняла, что в ее голове по-прежнему прозвучит будильник Уайтфилдзов. Ровно в половине пятого.

Она проснулась рано, скорее по привычке, чем от звонка невидимого будильника. Но долго лежала в постели, твердя себе, что отдых – это почти так же хорошо, как сон, и перебирала в голове вопросы, которые намеревалась задать мистеру Крофорду.

В понедельник в офисе мистера Крофорда она обнаружила, что тот уже подготовил ответы на незаданные ею вопросы.

Хорошей новостью было то, что Маргарет Харди Патерсон унаследовала все и благополучно хранила деньги до совершеннолетия дочери Грейс Харди Патерсон. Но все это было волнующим и одновременно озадачивало. Грейс вообще не имела банковского счета. Для того чтобы завести счет, нужны деньги, а их у Грейс вовек не имелось. Меган забирала все, кроме нескольких шиллингов за стол и комнату, и с тех пор как Грейс вступила в Земледельческую армию, жалованье просто копилось в ее сумочке. Теперь она оказалась женщиной с довольно большим банковским счетом и золотыми часами.

Были и другие новости, новости, которые Грейс с трудом понимала. Миссис Петри держала ее руку, пока мистер Крофорд рассказывал, что брачная церемония 1919 года между Маргарет Харди и Джоном Патерсоном, по всей видимости, является незаконной, так как Патерсон был бигамистом.

– Бигамистом?

Грейс не могла и не хотела верить этому.

– Видите ли... – начал мистер Крофорд.

– Благодарю, – холодно перебила Грейс, – я знаю, что это означает «двоеженец».

– Видите ли, нет никаких свидетельств о разводе Джона Патерсона и его первой жены Гертруды. По крайней мере до сих пор наши поиски ни к чему не привели.

На секунду в комнате воцарилось почти смущенное молчание. Грейс пыталась понять важность услышанного. И тут ее словно громом поразило.

– Я незаконная, – сказала она так тихо, что Флора Петри едва расслышала. – Неудивительно, что от меня отделились. Не хотели...

Она не могла заставить себя выговорить это слово.

– Никто от тебя не отделялся, Грейс, дорогая. Твоя бабушка упомянула тебя в завещании.

«Нет, не упомянула. Если бы она знала о моем существовании, когда писала завещание, наверняка бы назвала мое имя. Я должна прочесть все эти письма. И больше нельзя увиливать, ни под каким предлогом! Нечего тут бояться. Что может быть хуже, чем это?»

– Один из наших клерков сейчас проверяет шотландские регистрационные записи смертей. Если Гертруда Патерсон, урожденная Монро, умерла до 1919 года, не было необходимости в разводе.

Грейс немного повеселела:

– Гертруда – имя, не часто встречающееся, верно, мистер Крофорд.

– О нет, довольно часто. Беда в том, что нам приходится вести поиски в нескольких странах.

Мы знаем, где они жили вместе с Меган, но вряд ли вам будет полезна информация о том, что мистер Патерсон принадлежал к большой армии путешественников.

Коммивояжеры. Мужчины с большими чемоданами, которые старались открыть на пороге, чтобы хозяйка дома видела исключительное качество их простынь и полотенец.

– Годны только на то, чтобы стирать пыль, – говаривала миссис Петри. Война положила конец их путешествиям.

– Что он продавал? – спросила Грейс.

Возможно ли, что она открывала дверь дартфордского дома собственному отцу?

Мистер Крофорд удивленно уставился на нее и, засмеявшись, покачал головой:

– Речь идет о совершенно ином занятии. Это часть истории нашего чудесного острова. Путешественники – это сезонные рабочие. Они могут провести зиму в городе. Но летом собирают фрукты, год за годом возвращаясь на те же фермы, и фермеры обычно их знают и привечают.

Перед ней предстала другая картина. Поле, молодая женщина, с ребенком. Запыленным ногам тепло от нагретой солнцем земли. Клубника.

– Маргарет Харди тоже была сезонной работницей?

– До 1919 года определенно нет. Ее отец был бухгалтером в большой страховой фирме.

Он пролистал лежавшие на столе бумаги.

– Кент. Если я верно помню, где-то в Кенте. Кентербери! Точно, в Кентербери! Как я мог забыть? Вовсе не в миллионе миль от Дартфорда, если подумать хорошенько.

Вошла секретарь, и мистер Крофорд попросил принести всем чай.

– Думаю, вы будете довольны, миссис Петри, – улыбнулся он, и Флора с ним согласилась.

– Итак, мисс Патерсон, – обратился он к Грейс, – думаю, до Нового года нам ничего узнать не удастся. Но будьте уверены, что, если мы что-то обнаружим, обязательно дадим вам знать как можно скорее.

– Грейс еще нужно прочитать кое-какие бумаги, – вмешалась миссис Петри. – Ей очень трудно пришлось, не так ли, дорогая? Вполне возможно, что ответы найдутся именно в них.

Поверенный согласился, они пожелали друг другу веселого Рождества, после чего Грейс и Флора вышли и направились в магазин Петри.

– Вы меня поражаете, миссис Петри, – расхохоталась Грейс. – Так разговаривать с главным адвокатом! Я преисполнена уважения к вам!

– Все это благодаря миссис Партридж. Она велела мне сделать все возможное, поскольку адвокаты требуют денег за каждый свой шаг. Им тоже приходится выплачивать жалованье и тому подобное, но я обо всем подумала заранее. У тебя может лежать на счету не менее тысячи фунтов, и мы хотим, чтобы счет рос, а не был съеден счетами адвокатов.

Грейс восхищенно покачала головой:

– Но им нужно платить, миссис Петри. Без них я никогда бы не узнала всего этого.

Перед тем как ответить, миссис Петри поправила шарф из искусственного меха на своем лучшем пальто.

– Работник достоин награды за труды свои, но мы не желаем, чтобы они трудились над тем, что можем сделать сами. Особенно в Рождество!

Кто-то еще цитировал этот текст из Библии. Очень уж знакомо. Возможно, это викарий...

– Я просила миссис Лав положить шкатулку в хозяйский сейф, пока нахожусь здесь. Я привезла с собой несколько писем и... пару снимков. На одном моя мать Маргарет и бабушка Абигейл. Правда, прелестное имя? Жаль, что меня не назвали в ее честь. Так или иначе, я покажу их всем.

– Когда будешь готова, дорогая. И, Грейс, у тебя прекрасное имя!

Остаток дня был проведен в тысяче дел, которые необходимо сделать на Рождество, включая покупку нового платья. Она вовсе не собиралась покупать новую одежду. Мечтала о белых босоножках, которые так и не были куплены, хотя лето давно прошло. Она отказывалась вспоминать, почему осталась без босоножек, и теперь, в этот холодный зимний день, шла между рядами ларьков с подержанными вещами, вместе с миссис Петри, надеявшейся найти вещь, которая бы при небольшой переделке идеально сидела на Грейс.

– Видела бы ты шикарные платья, которые миссис Робан сшила для Дейзи! Вряд ли мы найдем ткань такого качества, но кто знает? О, смотри, правда вот это зеленое прекрасно? Самый подходящий цвет для Рождества!

– Простите, миссис Петри, только не зеленое. У меня почти нет одежды другого цвета.

– Красное тоже идеально и очень тебе пойдет.

Грейс посмотрела на шерстяное платье с высоким воротом и длинными рукавами.

– Простите, – пробормотала она, гадая, откуда набралась мужества спорить с той, которая всегда была так добра к ней. – Но я буду выглядеть, как спелая вишня.

Обе рассмеялись, но от миссис Петри было нелегко отделаться.

– Вздор, малышка, ты красивая молодая женщина, и красное пойдет к твоим каштановым волосам. Но если считаешь, что красное – это уж слишком, всегда можно найти хорошенький воротничок, а может, и манжеты. Я могла бы их пришить, и тебе даже не придется просить миссис Робан о помощи.

– Это дополнительная работа для вас, миссис Петри. Давайте посмотрим еще, и если ничего не найдем, всегда можно пойти в «Хоррел и Гофф» или «Поттс и сыновья».

Миссис Петри кивнула, и они стали бродить среди ларьков. Грейс нашла коробку душистого мыла без карболовой отдушки, шерстяные перчатки, которые, как заверила миссис Петри, прекрасно подойдут юному Джорджу, сироте, который теперь жил у Петри и помогал в магазине.

– Мы купили ему несколько журналов для мальчиков: «Ровер», «Бойз оун» и «Трайумф». Ему, как всякому мальчишке, это понравится больше, чем новые зимние ботинки. Но давай зайдем сюда, дорогая.

Грейс хотела купить платье. Но увидела...

– Вот это да! Миссис Петри, разве это не настоящий «Фэр Айл»? ^[13]

Среди рядов джемперов и кардиганов она заметила один, светло-бежевый, ручной работы, и, сняв с вешалки, приложила к себе. Именно такой она однажды видела в разделе вязаных вещей журнала «Лэнд герл», издания Земледельческой армии. Кардиган с длинными рукавами застегивался до самой шеи. А поперек спины и груди шла полоса со сложным вывязанным узором.

– Проверь изнанку. В настоящих «Фэр Айл» узор почти такой же, как на лицевой стороне.

Грейс вывернула кардиган, и да, изнанка переливалась всеми цветами: голубым, розовым, желтым, зеленым, белым...

– Превосходно, малышка. Никаких дефектов или дырочек?

– Честно говоря, мне абсолютно все равно. Должно быть, на вязание ушло несколько недель.

– И мы отдадим за него целое состояние. Не меньше двух, а то и трех гиней. Господу одному известно, сколько стоят новые.

«Я не могу потратить столько на ношенный кардиган, как бы красив он ни был», – подумала Грейс. Но в голове звучал и звучал голос мистера Крофорда: «Пятьсот фунтов, пятьсот фунтов...»

– Посмотрите на цену, миссис Петри, я сама боюсь. У меня осталось тридцать пять

шиллинг.

– Вы в армии, дорогая? – спросил кто-то за спиной. Повернувшись, Грейс увидела маленькую и очень худую женщину в тюрбане и большом фартуке, целиком закрывавшем одежду.

– На вас это будет выглядеть просто шикарно. Все девушки хотят заполучить такие. Носят поверх формы с красивыми блузками. Этот кардиган говорит сам за себя.

– Вы правы. Он прелестный. Но, возможно, мне не по карману.

– Забавно, но я только сейчас снизила цену в честь Рождества. Я хотела бы, чтобы он ушел к тому, кто исполняет свой долг ради нас.

– Грейс – трудармейка, – пояснила миссис Петри.

– Так и думала. Это у вас самые уродливые шляпы на свете? Думаю, моя обязанность помочь вам. Гинея. Цена держится минуту, а потом снова поднимется.

– Гинея? Это правда?

– Веселого Рождества, детка.

Едва осмеливаясь верить такой удаче, Грейс отдала деньги, в свою очередь, пожелала хозяйке счастливого Рождества и отошла.

– Поверить не могу, что он мне достался, – ошеломленно прошептала она.

– Давно пора и тебе порадоваться, малышка. Но он стоит дороже, чем обошлось бы нарядное платье.

– Я в него влюбилась. И она права – кардиган очень модный. Интересно, что скажет Роуз?

– Возможно, что тебя ограбили, потребовав больше фунта за старый кардиган, – пошутила миссис Петри.

Она ошиблась. Роуз оглядела кардиган, внимательно изучила узор.

– Роскошно, Грейс. И у меня есть юбка, которая прекрасно к нему подойдет.

Грейс так явно сконфузилась, что подруга улыбнулась.

– Ма, помнишь ту юбку горчичного цвета, которую мы купили в надежде немного выпустить швы? Она висит в гардеробе больше года, и у нас до нее руки не дошли. Можно отдать Грейс, ее талия не намного уже моей. Подхватим юбку поясом, и будет прекрасно держаться.

Грейс в который раз была ошеломлена добротой этих людей. Она поблагодарила. Но напомнила, что у нее есть прекрасная темно-зеленая юбка, которую можно носить с кардиганом. И на этом вопрос был закрыт.

Вечером Грейс, Салли и Роуз пошли в кино. Совсем как в старые времена. Когда картина «Сорок девятая параллель»^[14] закончилась, они зашли в будку механика и помогли отцу Салли все убрать и закрыть.

– Остановись, непокорное сердце...

Салли притворилась, будто падает в обморок.

– Отец, если я не могу выйти за Лесли Говарда, значит, никогда не пойду к алтарю!

– А что случилось с Джимми Стюартом? – съязвила Роуз.

Салли окинула подругу делано яростным взглядом.

– Почему жизнь так сложна?!

– Как насчет мужчины, у которого не только смазливое лицо? – присоединилась Грейс к шутливой перепалке.

– Не только?! – потрясенно воскликнули Салли и Роуз.

– Никак вам опять по четырнадцать, леди? – хмыкнул мистер Бруэр. – Лучше пойдем, проводим Роуз домой.

Девушка пыталась спорить, но он был неумолим.

– Не знаю, кого можно встретить при этом затемнении. И потом, а вдруг ты споткнешься и упадешь?

На это вразумительного ответа не нашлось.

Вернувшись к Бруэрам, Грейс вынула конверт, в который положила письма, вышла на кухню, где мама Салли варила какао, и спросила, нельзя ли посидеть здесь и почитать письма.

– Конечно, дорогая. Только не засиживайся допоздна.

Миссис Бруэр разлила какао и погнала Салли спать.

– Не бойся разбудить нашу дочь, когда будешь ложиться. Она спит даже во время бомбежек.

Оставшись одна, Грейс открыла конверт, вынула другое письмо и стала читать. Почерк был очень странным в сравнении с современными письмами, и целые слова выцвели и исчезли с течением времени. Сначала ей было не по себе. Мучили угрызения совести из-за того, что она так бесцеремонно врывается в чужую жизнь. Но что ни говори, а автор письма, тетя Фран, как и получатель – Меган, были мертвы.

Она молча извинилась перед ними за то, что прочитала письмо, написанное в 1916 году.

Дорогая Мегс!

Спасибо за... открытку – поздравление с днем рождения. Милая маленькая девочка! Жаль, что твой па тебя не видит. Бог знает где он, может, даже в армии. Дядя Фред утверждает, что в солдаты сейчас берут всех, даже таких ни на что не годных ничтожеств, как твой па. Даже заключенных. А это мысль. Если твоего папашу закрыли, это означает, что он мог оказаться в армии. Это приводит к тому, что твоя ма должна получать несколько шиллингов в неделю от правительства.

Понятия не имею, как она это узнает, но скажи ей, что приеду воскресным автобусом, чтобы повидаться с ней. Вот славно будет!

Увидимся в обед.

Тетя Фран.

Значит, когда письмо писали, Меган была «милой маленькой девочкой».

Грейс вспомнила сестру. Ей тогда было лет одиннадцать, и она была несчастлива, не зная, вернется ли отец.

Грейс старалась отгадать стершиеся слова по общему содержанию, и, кажется, ей это удавалось.

Видимо, отец был не слишком хорошим человеком, подумала она, и вовсе не таким, за которого следовало бы выходить приличной девушке вроде Маргарет Харди. Словно на свете существовало два Джона Патерсона...

Она схватила письмо, жалея, что вообще его читала, и сунула в конверт. И решила, что больше не дотронется ни до одного. Но вместо того чтобы проскользнуть в спальню, которую делила с Салли, осталась за столом. Для того чтобы сэкономить электричество, она зажгла свечу и прочитала письмо, лежавшее в самой глубине конверта. Она была довольна, что прочитала письмо, немного прояснившее историю ее жизни. Но информации по-прежнему было недостаточно, оставались дыры, которые, как она чувствовала, никогда не будут полностью заполнены.

Письмо, написанное черными чернилами и прекрасным почерком, было датировано 19 августа 1927 года. Писала начальница приюта в городке вблизи Глазго. Становилось болезненно очевидным, что она и Меган переписывались раньше.

Дорогая мисс Патерсон!

Мы счастливы узнать, что вы с такой готовностью согласились дать дом своей

осиротевшей сводной сестре. Жизнь с любящей родственницей для ребенка всегда лучше, чем даже самое хорошее государственное учреждение.

Я посылаю ценные часы, которые носила ваша покойная мачеха, когда попала в больницу. Грейс в настоящее время слишком молода, чтобы доверить ей дорогую вещь, но уверена, что вы будете бережно хранить часы до того момента, когда она станет достаточно взрослой, чтобы их носить. Деньги, оставленные ей бабушкой по матери, будут, разумеется, надежно инвестированы, и когда Грейс достигнет двадцатипятилетия, как указано в завещании миссис Абигейл Харди, – на счету накопится достаточная сумма, чтобы обеспечить ей будущее.

Нам повезло, что сестра Энтони из местного дома Назарет, убежища для одиноких матерей с детьми, первого сентября едет в Лондон. Ей дали разрешение сопровождать Грейс до Лондона, а оттуда – в Дартфорд. Там она отдаст малышку в ваши заботливые руки. Не могу передать, как желала бы, чтобы каждому осиротевшему ребенку так повезло.

Майри Макфейл,

начальница приюта.

Грейс захватила письма и свечу и потихоньку пошла в спальню. Быстро разделась, натянула ночную сорочку, легла на маленькую кровать, приготовленную для нее миссис Бруэр, и задула свечу. Салли что-то неразборчиво пробормотала, и девушка насторожилась, боясь, что потревожила подругу. Но Салли продолжала спать.

А Грейс лежала без сна, пытаясь осознать прочитанное. Мать положили в больницу, где, как ни печально, она умерла. Такой простой ответ на вопрос, откуда у Меган взялись золотые часы... И она, Грейс, когда-то ехала в поезде с монахиней. Сестрой Энтони. Значит, она все правильно помнила.

Грейс свернулась тугим маленьким клубочком и прижала колени к груди. Она больше не вынесет. Не вынесет этих мыслей. Мама умерла в больнице Глазго, и, похоже, Грейс в этот момент была с ней. Но что она там делала? Нужно узнать все, что можно, о, как противно читать остальные письма! Лучше бы она их сожгла!

Наконец она заснула, думая о вопросах, на которые хотела бы получить ответы.

Конечно, она не намеревалась жечь письма.

Она взяла снимок матери и бабушки и сунула в портмоне, после чего почувствовала себя свободной наслаждаться рождественскими праздниками с самыми старыми и дорогими друзьями.

Сам по себе день Рождества даже с домашним обедом, включавшим вкусную ветчину, подарками, среди которых была искусно переделанная горчичная юбка для Грейс, был почти разрядкой напряжения, по сравнению с куда более волнующим сочельником. Флора и Фред Петри радовались письму от сына-матроса Филадельфии. Его письма были так же редки, как письма от Сэма. И семья очень старалась терпеливо ждать. Не так-то легко отправить письмо, если служишь на корабле. Они часто обсуждали эту проблему, но так и не поняли, как может письмо с корабля, находящегося посреди океана, благополучно прибыть домой за тысячи миль оттуда. Но принимали это так, как принимали новые чудеса медицины и науки. Петри очень ждали Дейзи и жаждали услышать о друге, с которым она обедала в отеле «Дартфорд». Флора отчаянно хотела посмотреть на этого человека, так много значившего для дочери, потому что он был не только старше Дейзи, но еще и иностранцем. Флора злилась на себя, потому что не была готова

протянуть дружескую руку ни неотразимому молодому аристократу Эдеру Максвеллу, которого Дейзи любила и потеряла, ни чехословацкому пилоту Томасу Сапенаку, с которым дочь встречала сочельник. Она хотела принять его со всем радушием, но имела так мало опыта общения с людьми вне своего маленького мирка. Сестра и друзья Дейзи, однако, были разочарованы тем, что она не хочет показать им своего друга. Но простили ее и собирались встретиться на полуночной службе.

– Вот! – объявила Салли, протягивая Грейс красивый красный кашемировый берет. – Не можешь же ты носить эту уродливую шляпу в сочельник! Надевай! Я буду счастлива видеть эту ярко-красную шапочку на твоей головке.

Грейс улыбнулась и взяла берет, который действительно очень ей шел. И да, он был очень теплым. Два года назад она начала бы спорить и отказалась, а Салли рассерженно сказала бы «не глупи», но теперь она стала мягче: должно быть, они все изменились за два года.

Девушки рука об руку направились по темным улочкам к маленькой церкви. Колокола не звонили. Золотистый свет не струился из древних окон, и все говорили шепотом. Как чудесно было, когда все колокола звонили и свет и торжественная музыка лились из церкви.

И вдруг торжественную тишину разорвал взволнованный крик:

– Грейс! О Грейс! Как здорово тебя видеть!

Это была совершенно не изменившаяся Дейзи, хоть и успевшая стать гордым членом Вспомогательных транспортных войск ВВС.

Девушки бросились друг другу в объятия, как голубки, нашедшие родной дом, и заплакали, отстранились, чтобы взглянуть друг на друга, и снова обнялись.

– Ну, Салли, – вздохнула Роуз, притворяясь обиженной. – Можем вполне идти в церковь вдвоем, поскольку, вижу, тут мы не нужны.

И тут, конечно, все началось снова: объятия, болтовня и очередной показ снимков бабушки и матери Грейс.

– Они прекрасны, – заверила Дейзи, отдавая снимок Грейс. – А ты просто копия своей бабушки.

Грейс снова обняла Дейзи и быстро посмотрела на снимок в поисках сходства, прежде чем пошутить, что, поскольку их с Дейзи все считают близнецами, та тоже должна походить на прелестную Абигейл.

Девушки, не выдержав, стали допрашивать Дейзи:

– У вас был сказочный ужин?

– Где Томас проводит Рождество? Полагаю, он католик и не посещает англиканские службы?

– Когда мы его увидим?

– Я уже видела. Устроила на беднягу засаду прошлым Рождеством, – призналась Роуз. – Высокий, очень представительный и с совершенно шикарным акцентом, верно, Дейзи?

Дейзи отказалась отвечать на вопросы, за исключением того, куда уехал Томас. Объяснила, что он проводит Рождество с Хамблами, местными друзьями-фермерами, и поскольку Алф и Нэнси встанут очень рано, не хотел беспокоить их поздно ночью.

Четыре подружки вошли в древнюю церковь, вдыхая запах благовоний, свечей, только что срезанных ветвей ели и остролиста. Церковь была освещена так же хорошо, как обычно, и девушки несколько секунд постояли на пороге, прежде чем со слезами счастья войти и слушать рождественскую службу.

Потом Грейс и Салли не вернулись в дом Бруэров, а вместе с подругами отправились в большую квартиру Петри над маленьким чайным магазинчиком. До войны в квартире всегда толклись молодые люди, друзья семьи, потому что у близнецов было трое старших братьев.

Теперь Рон мертв, Фил, судя по письму, был «где-то в море», Сэм как бежавший военнопленный... бог знает где.

Девушки немного постояли в передней, ошеломленные пустотой квартиры.

– Я никогда не создавала раньше, насколько велика гостиная, – выпалила Салли и тут же покраснела от смущения.

Дейзи поспешила ей на помощь:

– Я точно знаю, что ты хотела сказать. Мальчики сидели на всех стульях и диванах, как птицы на насесте.

– И никогда не бывали в одиночестве. Мы по комнате пройти не могли, не споткнувшись о чьи-то длинные ноги.

Роуз, почти такая же высокая, как братья, улыбнулась подругам и взяла рождественскую открытку с доски над пустым камином – еще одна особенность войны.

– Вот это да! Взгляните, девушки! Священник... да-да, настоящий священник, отец Петрунегро, итальянец, который работает в Дартфорде, принес ее сегодня утром. Как это ма ухитрилась промолчать и все еще при этом дышит и живет – просто рождественское чудо. Просто не верится! Потрясающе! Грейс, смотри. Это от Сэма!

Грейс с побелевшим лицом взяла открытку дрожащей рукой.

«Скоро увидимся».

Почерк Сэма. Она видела его раньше, в записке матери. Тогда он передавал привет Салли.

– Слава богу, – искренне выдохнула Грейс. – Волшебство. Сэм наконец-то вернется домой. Что за прекрасный рождественский сюрприз! Но, полагаю, вы не знаете когда.

– Ни слова. Мы так...

Глаза Роуз наполнились слезами, но она нашла в себе силы не заплакать.

– Девочки, давайте склеим бумажные цепи, как всегда на Рождество. У папы есть серебряная бумага из коробок с чаем.

– Фу, – наморщила нос Дейзи. – Она пахнет чаем.

– А когда в этой квартире пахло чем-то другим? Брось, Дейзи! Неси ножницы и горшочек с клеем. Грейс, сделай нам какао. Салли, помоги мне убрать остатки завтрака со стола.

Им снова было по четырнадцать.

Роуз и Салли настелили на стол бумагу и стали резать ее на длинные полоски. Потом подруга раздала каждой пригоршню полосок и наказала:

– Режьте на полоски по три дюйма, склеивайте в кольца и клейте цепи, Жаль, что все будут серебряными.

– Но, Роуз, серебро – это так элегантно. Бьюсь об заклад, такие будут только в Блумсбери. Тише, – внезапно сказала Грейс, – это любимая песня твоей мамы.

Они прекратили работу и стали слушать передачу, состоящую из песен и рождественских гимнов, выбранных военнослужащими.

– Слушайте! «Мы встретимся снова».

– О, я тоже люблю эту, – оживилась Салли и стала подпевать Вере Линн.

Цепь становилась все длиннее. Музыка играла тихо, зато все громче становились вопли «а ты помнишь?».

Прежде чем девушки наконец собрались спать, невероятно длинная цепь покрывала каждую свободную поверхность гостиной.

Это был один из счастливейших вечеров, проведенных вместе. Но все-таки Салли и Грейс пришлось вернуться к Бруэрам.

Салли заснула мгновенно, а к Грейс сон не шел. Она думала о дружбе, обо всем, что узнала о семье, гадала, где сейчас Сэм, здоров ли и думает ли о ней.

О, родиться в семье Петри! Какой контраст с жизнью в доме Меган! Иногда здесь происходили ссоры и родители резко разговаривали с детьми, но буря быстро проходила.

«Не смей издеваться над сестрами», – журила мать, и все на этом заканчивалось. Дальше следовали слова утешения:

– Вот и молодец, хороший мальчик, мальчики должны заботиться о тех, кто младше. Так они становятся настоящими мужчинами.

Грейс попыталась вспомнить хоть одно нежное слово Меган. Но вспоминались только злоба и в лучшем случае равнодушие.

– С чего это я обязана терпеть тебя? Ты никому не нужна и никуда не годишься. Где была семья твоей ма, когда ты нуждалась в доме? Нигде. Пришлось законной дочери твоего отца взять тебя.

И потом, одной холодной зимней ночью, как раз после того, как Грейс стала работать на фабрике, Меган добавила:

– Если бы не разговоры о деньгах, которые оставила тебе бабка, я бы давно тебя утопила.

Двадцатиоднолетняя Грейс ни на секунду не верила, что сестра утопила бы ее, но восьмилетняя девочка наверняка поверила бы каждому слову.

Март 1942 г.

– Не верю своим ушам, Грейс! – рассердилась леди Элис, и девушке стало нехорошо. Она расстроила хозяйку, которая всегда была невероятно добра к ней.

– Не хочу перечислять все поблажки, которые вы получили в этом доме, но придется. Отпуск на похороны сестры, рождественский отпуск в прошлом году. Продолжать?

– Я знаю, со мной обращались очень хорошо, леди Элис, и я благодарна за это, но я прошу всего один день, даже двенадцать часов. Я смогла бы добраться до Дартфорда и вернуться, при...

– При попутном ветре и отсутствии немецких налетов, – перебила леди Элис. – Неужели это так важно, что вы набрались храбрости, чтобы просить об отпуске за несколько месяцев до того, как он вам полагается?

– Простите. Мне не следовало ничего говорить.

Леди Элис улыбнулась:

– О Грейс, я прекрасно сознаю, как трудно вам просить. Случилось что-то необыкновенное? Скажите мне.

Девушка понимала, что леди Элис прекрасно осведомлена о том, как трудно ей просить об одолжениях. Она действительно прекрасная хозяйка.

– Сэм. Дейзи написала мне. Простите. Моя подруга Дейзи Петри написала мне и рассказала, что объявился ее брат.

Леди Элис села за стол и вздохнула:

– Не торопитесь. Начните сначала и попытайтесь говорить связно.

Грейс глубоко вздохнула:

– Сэм Петри был военнопленным. В прошлом году он сбежал из лагеря и сумел добраться до севера Италии, где работал на ферме. Но потом попал к партизанам, или как там называют их в Италии. Те переправили его во Францию. Сэма забрал французский самолет, вместе с другими беглецами, и доставил домой.

– Но почему вам требуется отпуск, чтобы видеть его? У вас с ним какие-то отношения?

Как она может все объяснить?

– Нет, леди Элис.

– В таком случае идите работать, Грейс. Сегодня вы пашете, не так ли?

– Да.

– В таком случае увидимся за ланчем.

Она подождала, пока Грейс подойдет к двери.

– Судя по моему ограниченному опыту, – мягко добавила она, – пока что вашему Сэму вообще не захочется никого видеть. Поверьте, ему нужно время.

– Да, леди Элис, – бросила Грейс и, не оглядываясь, вышла.

Она обсудила вспашку с Хейзелом, который был счастлив приветствовать ее в Уайтфилдз-Корт.

– У новых девочек нет почти никакого опыта, Грейс. Их нужно обучать каждой мелочи. Вспашка – это для них слишком много, и думаю, что попрошу Исо потихоньку ввести их в курс дела. Лиз несколько недель проработала на ферме в Девоне, пока не заболела. Ее послали домой. Подумать только, что бедняжка ничего не ела, кроме овсянки и хлеба с маслом, да еще в поле ей давали бутылку с холодным чаем. Ее бабушка подала жалобу, в которой писала, что этого

допускать нельзя. Некоторые фермы изнуряют девушек работой и платят всего несколько шиллингов. Туалеты на улице, ванна раз в неделю в хозяйственной постройке, и то если повезет. Пользуются тем, что идет война, как спекулянты на черном рынке. Попытайся сделать так, чтобы она немного расслабилась. Она очень боится ее светлости. Прячется при ее приближении.

– Вначале мы все боялись ее, Хейзел. С Лиз все будет хорошо. Она умеет доить?

– Да, и любит животных. Странно: боится леди Элис, а большие волосатые зверюги совсем ее не трогают, хотя могут раздавить ее, как муху на подоконнике. Но интересно, что и они ее любят. Даже эта злобная старая стерва Молли и то ни разу не опрокинула ее ведро.

Хейзел засмеялся и покачал головой:

– У нее настоящий дар.

– Разве Сельскохозяйственный комитет не будет удивлен тем, насколько больше молока мы ему посылаем? Лиз, секретное оружие.

Грейс нравилось быть одной на поле. Тут она чувствовала себя полной хозяйкой. Маленький трактор был удивительно легкий в обращении, и она не могла ни с чем сравнить эмоции, испытанные при виде длинной прямой линии идеально вспаханной земли. Голуби, а иногда и морские птицы следовали за ней и чудесной металлической лошадкой.

Но работа была утомительной. Особенно когда плуг с трудом резал землю. Затвердевшая корка грязи, камни и даже толстые корни испытывали ее терпение и остроту плуга. Камни могли его покорезить, так что приходилось постоянно быть настороже.

Она честно проработала несколько часов, а потом, разгоряченная, уставшая и умирающая от жажды, остановилась немного отдохнуть.

– Грейс, хочешь чая?

Она рассмеялась, вытирая с лица пот. Да у Кати почти безукоризненное произношение!

– Да, очень хочу.

Полька перелезла через ограду и пошла по полю с корзиной в руке.

– У нас чай и такая штука... восхитительно.

– Лепешки?

– Смотри, Грейс, на деревьях уже цветы.

Девушки сидели на пригорке, сбоку от поля, прислонившись к каменному столбику. Миссис Лав послала ей чай в термосе. Он был еще горячим, а лепешки, толсто намазанные свежесбитым маслом, были, как сказала Катя, восхитительными.

Грейс посмотрела на деревья, куда указывала подруга.

– Эти две яблони очень старые. Когда-то поле было фруктовым садом.

– В польских садах много деревьев. И цветы такие красивые.

– Ты счастлива здесь?

– Счастлива? Какое странное слово. Если имеешь в виду, что я способна на одну секунду забыть, что не знаю, куда исчезла моя семья, тогда нет, не счастлива. Если же ты имеешь в виду, что я могу смотреть на розовые и белые цветы и... влюбиться в них, тогда да, в это время я счастлива.

Грейс стало не по себе. Как она могла быть такой бесчувственной, такой тупой?

– Мне так жаль...

– Знаю, – улыбнулась Катя, – и да, мне нравится жить в прекрасном доме и работать на этом прекрасном поле. Нравится ты и Ева, особенно когда она поет. Этот Гитлер помешал ей поступить...

Она немного подумала:

– Знаешь, что такое «консерватория»?

– Наверное, это музыкальная школа.

Катя ничего не ответила, только смахнула крошку с бриджей, прежде чем встать.

– Когда война закончится.

Грейс, которой хотелось выть от ужасов войны, неожиданно для себя кивнула:

– Верно. Когда война закончится.

Катя зашагала к дому. Корзинка, значительно полегчавшая, свисала с руки. Грейс снова завела трактор. Ее радость от вспашки куда-то исчезла. Теперь она работала только по обязанности, хотя мысленно упрекала себя. Сэм дома, он в безопасности, но она грустит, потому что не может поехать в Дартфорд, встретиться с ним. А Ева, потерявшая все, по-прежнему поет за работой... и Катя печалится о потерянных возможностях подруги.

Она продолжала пахать и под конец почувствовала себя немного лучше. Леди Элис привезла полек сюда. Почему? Ньюриггс была примитивна по сравнению с этим домом, где они теперь жили, но Флеминги делали все возможное для девушек, и по сравнению с фермой, где бедная Лиз провела несколько кошмарных недель, Ньюриггс выглядела почти дворцом.

Грейс догнала новых девушек, когда те направлялись на ланч.

– Как провели утро?

Все принялись трещать наперебой. Хейзел, Исо и Уолтер работали с ними. А Лиз просто благоговела перед старшим дояром.

– Уолтер так помогает мне. И сказал, что у меня дар обращения с коровами.

– Потрясающе. Будешь доставлять молоко?

Лиз опустила голову и промолчала.

– Она поедет, когда я буду вести машину, – ответила за нее Конни Смарт. – Я буду водить машину и поднимать бидоны. А Лиззи будет ходить по домам. Кстати, ее светлость говорила, что ты начинала брать уроки вождения, Грейси. Далеко продвинулась?

Грейс подняла глаза на очень высокую и полную девушку и по какой-то необъяснимой причине поняла, что нажила врага. Но она больше не была той застенчивой малышкой, которую прислали на ферму почти два года назад.

– Нет, Конни. Но я счастлива, что нашелся другой водитель. Лиз, Хейзел говорит, что Уолтер знает о коровах все на свете. Если он считает, что у тебя дар, значит, так оно и есть.

– Ну вот, любимый зверек ее светлости говорит тебе, Лиз, то, что ты уже знаешь.

Такая откровенная враждебность застала Грейс врасплох. Она решила проигнорировать реплику и продолжать делать, как было велено: стараться, чтобы все новые девушки расслабились.

– Когда я впервые приехала в Уайтфилдз, увидела, что Хейзел, Исо и Уолтер всегда готовы объяснить то, чего я не понимаю. Они сделают то же самое для вас.

– А некоторые готовы из кожи лезть, чтобы всем угодить, – вставила Конни. – Они, представьте, находили время для кончи, даже для спятивших, которые кормят кур, хотя, может быть, наша главная девица расскажет о нем все.

Она вызывающе уставилась на Грейс.

– Насчет того случая, когда кое-кто надрался до синих чертей и пытался прикончить кого-то из деревни, так дело было?

Грейс была так шокирована, что даже остановилась. Другие девушки, кроме Конни, автоматически последовали ее примеру.

Поняв, что осталась одна, Конни затормозила, оглянулась и уставилась на Грейс, словно подначивая ту возразить.

Грейс ненавидела ссоры, но не могла позволить, чтобы оскорбляли Гарри. Да. Понадобится время, чтобы он оправился, и его память уже не та, что была. Но он вовсе не спятил, как грубо

утверждала Конни.

– Не слишком хорошо распускать язык по поводу того, о чем ты ничего не знаешь. Это неминуемо вызовет неприятности. Здесь живут не просто работники ферм, преданные друг другу. Мужчины этого поместья – люди с принципами. И кстати, я Грейс. Не Грейси.

– Я все знаю, *Грейси*. Никто не увидит, как я каждую свободную минуту стою на задних лапках перед аристократами. Я езжу в деревню, как только могу улучшить время. И уж поверь, есть люди, готовые облить грязью это местечко!

Сколько можно открыть девушкам, не опасаясь последствий?

Грейс мысленно встряхнулась.

– Некоторое время назад на танцах приключилась драка, и, боюсь, один из деревенских отправился в тюрьму за то, что покалечил Гарри Макмануса, который усердно трудился в поместье, а сейчас медленно оправляется от серьезного повреждения черепа. Я уже предупредила тебя, Конни. Да и Хейзелу, и другим мужчинам вряд ли понравится слышать от тебя такое.

Конни приблизила лицо к Грейс.

– Собираешься побежать к своей подружке Алисе в Стране чудес и донести на меня? Миссис Лав говорила, что вы прямо неразлучные подружки.

Из кухни раздался раздраженный голос:

– Девушки, вы хотите получить обед? Тогда шевелитесь! Если нет, мы его поделим. Считаю до десяти. Один, два...

Не дожидаясь их реакции, Хейзел повернулся и вошел в дом. Тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась.

Две новеньких бросились бежать.

– Он это не всерьез! – крикнула вслед Грейс. – Миссис Лав всегда готовит так, чтобы всем хватило.

– Даже этому недоростку!

Конни с такой силой толкнула в спину маленькую Лиз, что та растянулась на земле. Грейс хотела вмешаться. Но девушка уже поднялась и повернулась к Конни:

– Ты меня не запугаешь. Я всю жизнь имею дело с жирными наглецами вроде тебя. А теперь прочь с дороги, или я натравлю на тебя быка.

Грейс поняла, что сейчас все зависит от нее и она здесь главная.

– Сначала обед, девушки, а потом... Хейзел говорил, что нужно начинать бороться.

Грейс была поражена реакцией Лиз. Девушка работала на ферме, где ее почти не кормили и плохо обращались, но рассказала свою печальную историю только после того, как заболела. А теперь бросила вызов хамке, которая куда выше ее и тяжелее. Может ли она постоять за себя, потому что за ее спиной стоит любящая семья?

Они вместе вошли на кухню.

Пока остальные хором просили прощения у миссис Лав, Лиз держалась позади, рядом с Грейс.

– Она ужасно боится коров...

– А ты нет. Как насчет быка?

– Уолтер сказал, что он смирный. Если обращаться с ним хорошо, он не взбунтуется.

Лиз смотрела на Грейс глазами человека, видевшего в жизни много бед.

– Тебе следует пожалеть Конни. Она не умеет быть доброй и мягкой. Может, с ней тоже никто не был добр.

Грейс, боявшаяся многих людей в своей жизни: сестры, взрослых девочек и мальчиков в школе, плохого настроения мисс Райленд, даже Конни, которая так и пылала злобой,

почувствовала симпатию к Лиз.

– Скажи, если она будет тебе досаждать.

Лиз улыбнулась:

– Со мной все будет в порядке. Она и близко не подойдет к коровнику. Можно сказать тебе кое-что, хоть ты и старшая?

– Конечно, Лиз. Именно поэтому я здесь.

– Конни все время ищет скандала. Иных отношений она не понимает. Она успокаивается, только когда ей некого доставать. И не волнуйся так сильно. Я закаленная и могу справиться со всеми Конни этого мира.

Немного повеселев, девушки вошли на кухню. Миссис Лав сварила куриный суп из костей курицы, которую вчера жарили на обед. Поскольку для порея было еще рано, она положила чеснок, лук и петрушку, которые всегда имелись в изобилии, чтобы придать супу аромат.

– Всего один месяц, – говорила она вновь прибывшим, – один месяц, и вы не поверите, сколько всего будет расти в огороде.

После обеда девушки разбежались по своим местам. Боронование не могло начаться на поле Грейс, поскольку она не закончила пахоту, так что Грейс вернулась одна и полезла на трактор.

Дул холодный ветер, и она была рада тяжелой физической работе, которая позволяла согреться. Так продолжалось до вечера. Совершенно измученная после целого дня изнурительной работы, Грейс даже не знала, хватит ли у нее сил поужинать. Может, еще есть время принять ванну? Лечь в горячую воду и ждать, пока усталость уйдет из тела.

– Если хочешь чашечку чая, чайник полон. Несколько девиц пожелали прилечь перед ужином. Те, что помоложе, еще не привыкли к тяжелой работе.

Миссис Лав месила тесто на выскобленном столе.

– Морис повел двоих показать паровой каток. А Дейв – крапиву. Они ее не видели, потому что городские.

– Все знают, как выглядит крапива, миссис Лав.

– Может быть, если она два фута высотой и растет прямо перед твоим носом. Но в это время года она просто лезет из-под земли. Тут как-то Морис с Хейзелом смеялись, когда городская девчонка приняла крапиву за ежевику. Но если она увидит побеги, точно не спутает одно с другим, верно?

Грейс согласилась, что это маловероятно.

– Жаль, что ежевику нужно вырубать. Я очень ее люблю.

– Самый красивый цветок считается сорняком, если растет не в том месте. А поскольку Сельскохозяйственный комитет шныряет здесь круглый год, Хейзел должен повсюду выращивать все, что ему велено, так что и заросли крапивы, и кусты ежевики нужно рубить под корень.

Грейс согласилась и на этот раз. Миссис Лав права насчет крапивы, что ни говори, а крапивный суп – единственное съедобное блюдо из этой травы. Да и сколько этого супа можно съесть? Но ежевика – дело другое. Что, если нарезать черенков и посадить их у стены? Нужно поговорить с Хейзелом.

А пока она поднялась наверх, мечтая о том, как чудесная горячая вода исцелит боль в ноющих мышцах.

Добравшись до комнаты, она немедленно взглянула на комод, где хранила свои сокровища. Там еще остались непрочитанные письма!

Она вынула шкатулку и взяла письмо... ничего интересного. У нее еще осталось время для одного письма.

Наконец она вспомнила, что пришла насладиться горячей ванной, и почти вскочила с кровати. Слишком поздно. Она прозевала свою очередь, и... ради чего? Письма, которые она

прочитала, очевидно, хранились только ради воспоминаний о прошлом.

Она поспешила на кухню. Первой ее состояние заметила Ева.

– Ты больна, Грейс? Или скучно? Или устала?

Грейс попыталась улыбнуться.

– Конечно нет.

И поспешив сменить тему, спросила:

– Эти рубленые котлеты просто замечательные, что вы в них положили?

– Консервированное мясо, немного тертого сыра, петрушку и одно из яиц, которые взяла у Гарри. Поразительно, что можно сделать с блюдами с помощью одной петрушки и яйца. Ты и правда какая-то задумчивая. И я не слышала шума воды. Ты в порядке?

– Может, получила сегодня письмо от кого-то особенного, – расхохоталась Конни, продолжая жевать.

– Сегодня почты не было, по крайней мере до этого момента. И не будет, потому что уже поздно, – отмахнулась миссис Лав, все еще глядя на Грейс.

– Кстати, девушки, один из мужчин сказал мне, что сегодня слышал ссору и дело дошло до драки.

Она перевела взгляд на Конни. Та поспешно отвела глаза.

– Леди Элис не позволит таких глупостей в своем доме, главной резиденции его светлости, которая всегда была счастливым семейным гнездышком. Сегодня что-то случилось, Грейс? Я знаю, ты не старше других, но считаешься главной среди трудармеек.

Девушка уставилась на Конни, которая снова крайне увлеклась котлетами.

– Нет, я не думаю, что случилось что-то такое, о чем следует знать ее светлости, миссис Лав.

– Да, но Лиз... – начала Катя.

– ...рассказывала нам, что совершенно не боится быка, – вставила Грейс. – Мы все снимаем перед ней наши чудесные шляпки. Верно?

Остальные, включая Конни, согласились, и ужин пошел своим чередом.

После ужина Грейс хотела пойти наверх, но миссис Лав ее остановила:

– Минутку.

Той ничего не оставалось, кроме как вернуться на кухню. Миссис Лав сразу приступила к допросу:

– Что тебя тревожит? И не говори «ничего». Потому что я вижу, как ты напряжена.

– Но со мной все в порядке. Вы очень добры, что беспокоитесь.

– Это моя работа.

– А моя – помогать новым трудармейкам, и это я и делаю.

– Конни немного груба и распускает руки.

– Но работает хорошо.

– Старый Исо видел, как она толкнула Лиз на землю.

– Лиз может с ней справиться, миссис Лав.

– Что тревожило тебя, когда ты поднялась наверх? И прекрати лгать или увиливать, если считаешь это более точным словом.

Грейс, не в силах встретиться с ней взглядом, опустила глаза.

– Просто сделала глупость. Села и стала читать письма. У меня еще не было времени прочитать все.

– Почему ты не отдашь шкатулку леди Элис, чтобы положила в сейф? Кстати, ей звонил Джек Уильямс. Он не связался с тобой?

– С чего это вдруг?

Грейс чувствовала, что краснеет, и почти слышала, как колотится сердце. Джек, после стольких месяцев!

– Он звонил оттуда?

«О нет! Во сколько же обошелся звонок из-за границы? Он получил отпуск и хотел навестить Гарри? Он заботился о Гарри и изучал медицину, так что наверняка заинтересован в его выздоровлении».

– Похоже на Джека. Гарри очень его любил. Часто слушал, когда они работали.

Миссис Лав сняла цветной передник и повесила на кольцо у раковины. Грейс залюбовалась ее блузкой.

– Какая красивая! Настоящий шелк? По-моему, я впервые вижу блузку из настоящего шелка!

Довольная кухарка принялась охорашиваться и повернулась, чтобы Грейс увидела каждую деталь бледно-розовой шелковой блузки. Показала на большой бант со свисающими концами и исключительную обработку петель.

– Рождество! – гордо пояснила она. – От моего мальчика. Моего Тома. Прямо с Дальнего Востока. У него была увольнительная на день, и он все свои деньги потратил на подарок.

– Могу представить. Она правда чудесная. И вам очень идет.

– Спасибо. Иногда я просто не могу ее не надеть, хотя бы на час-другой. Я изумительно себя в ней чувствую. Если у тебя руки чистые, можешь потрогать.

Зная, что это обрадует миссис Лав, Грейс глянула на свои руки и осторожно коснулась блузки.

– В жизни не видела мягче. Должно быть, Том очень вас любит.

– Что есть, то есть, – кивнула миссис Лав, пытаясь скрыть, как благодарна девушке. – Но хочу, чтобы ты знала: ее светлость не потерпит драк и запугиванья. Так что скажешь, если такое случится снова.

– Спокойной ночи, миссис Лав, – едва слышно ответила Грейс и ушла.

Новость о приезде Джека в Англию на день-два отвлекла Грейс от мыслей о семье. Леди Элис наверняка сказала бы ему, где она... если бы он спросил, конечно. Она так давно не получала писем! Казалось, Джек посчитал, что между ними все произошло в другое время и в другом месте. Грейс, хотя и очень устала, проведя восемь часов на тракторе, должна бы немедленно заснуть, едва голова коснулась подушки, но лежала без сна, слушая тихое похрапывание и бормотанье, и думала о Джеке. Может она спросить леди Элис, навещал ли он или только собирался к Гарри? Она решила, что не стоит.

К ее удивлению, оказалось, что тело помнило Джека. О, как сладко было их соитие, их любовь!

Она повернулась на живот, чтобы спрятать лицо в подушку. По щекам лились слезы. Для Джека это вовсе не было любовью, а было... Нет, она не вынесет мыслей о том, чем это было для Джека. Она пыталась выбросить из головы все воспоминания о нем. Наверняка со временем ее тело тоже забудет...

Она заставила себя сосредоточиться на содержимом шкапулки. Неужели недостаточно знать имен родителей и бабушки с дедушкой? Наконец после всех скорбных лет сознания собственного ничтожества, которое внушила ей сестра, она знала не только имя матери, но и какой она была. Могла держать часы, которые принадлежали ей и бабушке. Маргарет Харди официально вышла замуж за Джона Патерсона. Даже ее родители, люди, жившие по строгим правилам и принципам, посчитали брак законным.

Но Грейс ходила в школу, где над незаконными детьми издевались взрослые школьники и учителя, где любой ребенок в необычной ситуации считался недостойным. По крайней мере ее редко дразнили, опасаясь Сэма, который всегда расправлялся с ее обидчиками. Если кто-то и ранил ее, так это Меган, Меган, которая все эти унижительные годы прятала от нее прекрасные часы и, что всего важнее, ни разу не упомянула о них девочке, отчаянно желавшей хоть какой-то стабильности.

Нет, она не могла заснуть. Нужно взглянуть на старые фотографии и, возможно, прочитать пару писем.

Она выскользнула из постели. Прислушалась к сонному дыханию девушек и прокралась к комоду по скрипучему деревянному полу. Было слишком поздно, чтобы читать письма при естественном освещении.

Поэтому Грейс пробралась к двери, молясь, чтобы она не скрипнула. На цыпочках прошла к ванной. Открыла дверь и скользнула внутрь. Только бы никто из девушек не вздумал посетить это на удивление современное заведение!

Закрыв дверь, Грейс включила недавно проведенное электричество.

Наверное, это стоило Уайтфилдзам целого состояния! И плата за свет тоже огромная!

Точно Грейс не знала, но решила, что, возможно, так и есть, и потому собралась прочитать всего несколько писем.

Она уселась на толстое дубовое сиденье унитаза и стала просматривать фотографии в надежде увидеть маленькую Грейс. Но детей не было ни на одном снимке. Она решила, что фотографии принадлежат в основном Меган и ее семье и, следовательно, неважны и неинтересны для нее.

«Но у нас один отец!» – подумала она. Значит, родственники со стороны Патерсона – и ее родные тоже! Поэтому она решила изучить фотографии позднее.

Письма. В письмах могут найтись какие-то указания на ее прошлое. Пока что ни одно не

пролило свет на личную историю Грейс.

Холод медленно просачивался в кости. Что она здесь делает? Сидит на унитазе, вместо того чтобы давно спать. Она почти решила вернуться в спальню, но взяла письмо, и в глаза бросились следующие строки:

Она родила ребенка. Герт, девочка. Много хорошего он им дал, как же! Занимается сбором урожая в Англии, Сомерсет, Кент... и она повсюду следует за ним. Он настолько глуп, что не понимает: наши кузены...

Это все, что было на листочке хрупкой бумаги. Достаточно, чтобы уничтожить всякие надежды на блаженный сон этой ночью.

– Я этот ребенок, – сказала она себе, – и Герт, которая в то время была жива, – мать Меган.

Ей было так нехорошо, что она с громким стуком захлопнула шкапулку. Если кто-то чутко спит, наверняка проснется.

Она вдруг осознала, что очень, очень замерзла. Потому что в комнате холодно или из-за прочтенного письма?

Она не знала.

«Никаких записей о разводе», – промелькнуло у нее в голове.

Это значит, что я незаконнорожденная.

Грейс, с трудом встала, как очень старая и больная женщина, потушила свет и вернулась в спальню. Судя по ровному дыханию и похрапыванию, ее друзья спали. Она осторожно убрала шкапулку, прежде чем устроиться в постели. И думала не о себе, а о матери. Как, должно быть, та любила Джона Патерсона, если следовала за ним через всю страну.

Последней связной мыслью перед тем, как сон одолел ее, было: если бы Меган выжила, рассказала бы правду?

Эта мысль все еще сверлила мозг следующим утром, когда она плеснула холодной водой в лицо, пытаясь немного освежиться. Выглянула в окно и с удивлением увидела легкий покров снега. Как это прекрасно! Ее маленький мирок был белым и чистым: никаких следов птиц, или животных, или амбарного кота. Ничто не портило снежное покрывало. Подумать только, сейчас почти апрель. Правда, она хотела смотреть на цветы, обещавшие обильный урожай фруктов...

Остальные тоже проснулись, сонные и ворчливые. Умылись и оделись, напялили резиновые сапоги и пальто, поспешили вниз выпить первую освежающую чашку чая. Никто не разговаривал, если не считать тихих «спасибо» в сторону миссис Лав. Все спешили на работу.

И по-прежнему не разговаривали, когда вернулись к обильному завтраку. Но как только молодые здоровые аппетиты были удовлетворены, началась болтовня.

– Ева учит новую песню, – объявила Катя.

Девушки быстро поняли, что голос Евы был больше чем просто приятным. Он был совершенно необычным. Она пела на польском, а иногда на итальянском. На нем она не говорила, но начала изучать до войны. Они также знали, что, не будь захвата Польши, Ева изучала бы музыку в знаменитой Краковской консерватории. Даже Конни слушала ее, хотя, в отличие от всех, никогда не хвалила.

– Какую песню? – спросила Грейс. – Народную, оперную арию, любовную вроде «Не сиди под яблоней»?

– Нет, куда лучше, – строго пояснила Катя. Она еще не выучила все слова. – Давай песню Картошки Пита^[15].

Даже миссис Лав рассмеялась:

– Молодец, Ева. Настоящая патриотка! Когда выучишь слова, я приготовлю на ужин что-

нибудь из кулинарной книги Пита.

Поскольку картофель и морковь в изобилии росли на огородах, Картошка Пит и Доктор Морковка появились на экранах, чтобы убедить британских хозяек использовать их в различных блюдах. Миссис Лав уже попробовала готовить морковь с карри вместо обычной вареной, но с переменным успехом.

– Пожалуйста, не готовьте морковь или картофель на завтрак, – умоляла Лиз. – Ваша овсянка просто идеальна.

– У меня есть рецепт морковного джема. Как насчет овсянки с большой ложкой джема?

– Пора на работу, девушки, – вмешалась Грейс. – Миссис Лав шутит, Лиз. Правда, миссис Лав?

– Может, да. Может, нет.

Направляясь вместе с остальными на поиски Хейзела узнать, что тот скажет по поводу неожиданного снегопада, Грейс вдруг осознала, насколько проще и ближе стали ее отношения с миссис Лав. Напряжение, копившееся между ними в первые дни пребывания здесь Грейс, растаяло так же быстро, как этот снежок. И какова бы ни была причина оттепели, она была ей рада.

Поскольку Грейс, Лиз, Сьюзи и Катя работали в заросших высокой травой лугах далеко от дома, им дали с собой сэндвичи, фрукты и воду, и они вернулись в дом только в сумерках.

– Если повезет, ванная будет свободна, – вздохнула Грейс. – Лиз самая маленькая. Позволим ей искупаться первой?

– Я бы убила за чашку чая, – призналась та и озадаченно вскинула брови, услышав, как Катя испуганно охнула.

– Она не имела в виду буквально, Катя, – засмеялась Сьюзи. – Как это называется, Грейс?

– Не знаю, есть ли специальный термин. Просто выражение, полагаю.

Катя расслабилась и стала смеяться.

– О, в Польше тоже есть выражения. Но поскольку ты не знаешь языка, не могу их привести. Пойдем. А то я, как Лиз, готова убить за чашку чая.

Они пришли почти последними, и первый чайник уже успели опустошить, но миссис Лав заваривала второй.

– Для всех, кто хочет, есть вкусный пирог. И, Лиз, для тебя есть письмо, открытки для Сьюзи и Бет, и...

Она оглядела собравшихся девушек.

– Правда, Бет еще не пришла. Катя, боюсь, для тебя ничего. Грейс, для тебя два письма и открытка – прелестный снимок коттеджа в Озерном крае.

– Мне очень жаль, Катя, – прошептала Грейс, забирая почту. Лиз с видимым удовольствием читала свое письмо.

Грейс узнала почерк на конвертах. Пытаясь успокоить сильно бьющееся сердце, она взглянула на открытку с красивым коттеджем под черепичной крышей.

Дорогая Грейс!

Спасибо, что написала. Нет, я не здесь, но правда, это было бы чудесно? Когда-нибудь увидимся.

Надеюсь, ты здорова.

С любовью, Дейзи.

Несмотря на преследовавшие ее неприятные мысли о незаконности собственного

рождения, Грейс улыбнулась. Дейзи вспомнила, как они мечтали путешествовать, когда станут старше. Они стали старше, но возможность упущена.

Она взглянула на письма. От Джека. Но не пронумерованы. Непонятно, какое было написано раньше.

– Я захвачу их наверх, если не возражаете, миссис Лав.

– Лучше сначала выпить чашку чая с пирогом.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она.

Наверху Грейс по состоянию конверта определила, какое выбрать первым. Похоже, это написано более пяти месяцев назад.

Дорогая Грейс!

Сегодня был хороший день. Я получил от тебя два письма, написанные с разрывом в несколько недель. Полагаю, они следовали за мной по всей стране, и я стараюсь не злиться, потому что их своевременное прибытие должно стоять последней строчкой в списке неотложных дел важных начальников. Конечно, те, кто ждет писем, очень хотят, чтобы последняя строчка стала первой. Вряд ли ты представляешь, какую радость дарят нам письма. Хотя бы несколько строчек. Это все равно что... – тут красовалась большая клякса, словно Джек долго думал, что написать, – внезапно оказаться рядом с другом.

Надеюсь, скоро мне дадут неделю отпуска. С самой войны я не встречал Рождество дома. Тут очень много дел, хотя каждая моя поездка действительно необходима и сама по себе становится вознаграждением за все трудности. Если увидишь Гарри или напишешь ему, передавай привет и скажи, что я приеду повидаться, как только получу отпуск. Если у него найдутся силы для поездки, я попрошу его поехать со мной домой.

Джек.

Грейс снова прочитала письмо, решив, что нужно как можно скорее написать парню о своих частых посещениях Гарри.

Перечитала письмо еще раз и опять расстроилась. Начало было многообещающим. Письма от нее – радость для Джека, и его день, можно сказать, удался. Очень мило. Но содержание письма отнюдь не сделало ее день светлым. Возможно, если бы она привыкла получать много писем, сумела бы понять истинные чувства Джека.

Она вспомнила о письмах в шкатулке. Каждое было написано в совершенно непринужденном тоне.

Вот оно! В письме Джека определенно чувствуется некоторое напряжение. Да хотел ли он вообще ей писать? Возможно, и нет, потому что из-за того, что случилось между ними, он считал себя обязанным...

Вынести эту мысль было невозможно.

Она осторожно открыла следующее письмо. Написано менее чем через неделю после первого.

Моя дорогая Грейс!

Сегодня я видел ад. Поверь, преувеличить и переоценить это невозможно. Как и встречать ту жестокость, на которую способен один человек по отношению к другому. Я совершенно не в силах это понять. Твое улыбающееся лицо плывет передо

мной, и я вижу твои прелестные глаза, твой носик – такой милый маленький носик, Грейс, и твои красные губки, которые так и просят поцелуя. Иногда ты так реальна, что я протягиваю руку, чтобы обнять тебя. Но картинка сразу же исчезает. Тает. Твой образ – единственное, что есть прекрасного в этом безумии, но каждую минуту каждого дня я рад, что у меня хватает сил следовать единственной верной дорогой. Не я затеял все это. Всеми фибрами своего существа я стараюсь облегчить страдания других, но, очевидно, пройди я соответствующую подготовку, сумел бы помочь больше.

Доктора более чем человечны, если оперируют в условиях, которые я вообразить не мог, пока не попал сюда. Не пойму, как раненый человек способен остаться после этого в живых, но каждый здесь верен профессии и присяге.

Я пройду через войну и закончу учебу.

Слишком поздно для сирени, Грейс. Может быть, следующей весной.

Джек.

Он смог увидеть ее лицо и дать ей возможность узнать его душу, а ужасающие сцены, которые ему пришлось наблюдать, напугали ее. Работа в поместье была тяжелой, день тянулся долго, но леди Элис и миссис Лав сделали все, чтобы жизнь дома – а Уайтфилдз-Корт стал их домом – была безопасной и спокойной и все их нужды удовлетворялись.

Она вдруг услышала, как льется вода в огромную ванну на львиных лапах, и задалась вопросом, помнит ли Лиз, как мало воды им позволено использовать. А как моются мужчины на войне? Джек и остальные? А ведь чистота для медиков особенно важна!

Она подняла глаза от писем, решив не заикливаться на их содержании. И в голове возникло содержание еще одного письма, в котором доказывалось ее незаконное происхождение. Если слово «ребенок» в письме к Герт относится к ней, значит, оно написано в 1921 году и Герт Патерсон, мать Меган и первая и единственная законная жена ее отца, была жива и здорова.

– Это не важно, не важно, – твердила себе Грейс. Покачала головой. Закрывает глаза, снова открывает и уставилась в пространство.

– Я могу жить с этим. Моя милая мама не знала, что мужчина, которого она любила, уже женат. Тут нет ничего позорного.

Она выпрямилась, встала и спустилась вниз.

– Грейс, мы только что убили за чашку чая чудесный пирог миссис Лав. Он с морковью, и Ева пела песню Картошки Пита.

– Какой все это бред! – фыркнула Конни, очевидно вернувшаяся домой последней. Теперь она сидела за столом. Перед ней стояла тарелка с недоеденным пирогом с начинкой.

Грейс подошла к окну и выглянула на длинные задние газоны, превращенные в огороды, на летние домики, закрытые с начала войны. Теннисные корты, подвергшиеся тому же жестокому обращению, что и газоны.

Поместье простиралось вокруг насколько хватало глаз. Великолепные сады были вырублены, вытесненные полями пшеницы, овса и ячменя.

Она вдруг улыбнулась.

Что сказала Катя, когда она вошла?

– Смотри, Ева, это Англия. Слава богу.

– Ты так права, Катя, это Англия, слава богу.

Поезд буквально полз по рельсам. Грейс, стараясь не дергаться попусту, пыталась читать книгу, но сегодня даже сэр Вальтер Скотт не смог завладеть ее вниманием.

– Двигайся, двигайся же, – молила она, когда поезд, выпустив пар и слегка вздрогнув, снова остановился. Как и большинство пассажиров, Грейс повернулась к окну. Ничего. Поле, за которым начиналось другое поле. Вид с другой стороны, хотя его загораживали столпившиеся в коридоре люди, кажется, был точно таким же. Огромный монстр-поезд, превратившийся из льва в ягненка, остановился посреди полей, и никто не знал почему.

Пассажиры, привыкшие к трудностям путешествия во время войны, ворча, уселись – те, кто имел места, – и приготвилились ждать.

– Надеюсь, это не налет джерри, – вздохнула женщина на противоположном сиденье. – Но они же не будут бомбить нас при дневном свете, верно?

Грейс сомневалась, что когда-нибудь снова сядет в поезд, не вспомнив подробности того ужасного налета, когда молодые солдаты спасли ей жизнь, прикрыв своими телами. Что ей ответить? Что дневных налетов не бывает? Нет? Да? Может быть? Или «мы услышим самолет, не волнуйтесь»?

Грейс казалось, что стоит взглянуть на небо, и она сразу увидит вражеские самолеты.

– Возможно, уголь кончился, – произнесла она наконец.

Она искренне надеялась, что последнее вряд ли возможно, хотя угля, добываемого в Британии сотни лет, сейчас крайне не доставало. Или это потому, что почти все шахтеры сейчас на фронте?

Она улыбнулась:

– Возможно, что-то с путями.

Можно подумать, она знает, что говорит!

– Иногда на пути забредают коровы. Я в Земледельческой армии, и вы не представляете, какие истории рассказывают про животных. Даже свиньи останавливают движение.

Наконец поезд, пытаясь, подкатил к станции. Они прибыли в Лондон, и, если повезет, она вовремя сядет на поезд до Дартфорда.

Семнадцать минут. Еще есть время найти чашку чая в столовой. Миссис Бруэр, как всегда, приготовит ей вкусный чай, но, поскольку Грейс в последний раз съела миску овсянки в семь утра, сейчас была голодна и умирала от жажды.

В столовой теснились усталые путешественники, а в воздухе висел синий сигаретный дым. Для человека, проводившего дни в одиночестве или в компании одного-двух людей, шум стольких голосов, выкрикивавших заказы и приветствия, казался оглушительным. Грейс с трудом пробилась к прилавку, слыша разные акценты и даже языки, прежде чем смогла попросить:

– Кружку чая, пожалуйста. Без сахара.

Чай был крепким, горячим и сладким! Неужели осаждаемая людьми женщина не расслышала ее заказ или в чай на вокзалах всегда кладется сахар?

Не важно.

Грейс допила чай и сразу ожила. Она взглянула на часы. Завтра в это время она увидит Сэма Петри. Впервые за всю войну.

Она была потрясена и благодарна, что леди Элис передумала. Недавно она была в

бешенстве из-за того, что Грейс попросила отпуск, но вскоре почему-то сказала, что та должна ехать и повидать брата своей подруги. В самом деле иногда ее светлость просто невозможно понять.

«Нужно отдать ей должное», – решила Грейс, она так добра к Кате и Еве и так впечатлилась голосом Евы.

– Какой талант пропадает, – заметила она, когда услышала пение польки. Очевидно, она так же хорошо относилась к Джеку.

У Грейс появилась небольшая мечта, связанная с Евой. Где-то лежало пятьсот фунтов, и с каждым годом сумма росла. Грейс в жизни не мечтала о том, чтобы иметь столько денег, но Ева... Как ей могут пригодиться пятьсот фунтов? Если девушка наберется храбрости, поговорит об этом с леди Элис и, возможно, даже с грозным поверенным...

Но сейчас благодаря ее светлости Грейс приехала в Дартфорд и скоро увидит Сэма, а о польке она подумает потом.

Он сидел у окна, читая газету, но тут же вскочил, когда мать окликнула:

– Сэм, любимый, взгляни, кто приехал! Грейс! Помнишь ее, лучшую подругу Дейзи?

Грейс, задышавшись от едва сдерживаемого волнения, вошла в уютную гостиную, которая так редко использовалась кроме войны: Рождество и Новый год, дни рождения и визиты викария. Но похоже, теперь Сэм проводил здесь почти все время, пытаясь привыкнуть к обретенной свободе, или к отпуску, как он предпочитал это называть.

Первое, о чем подумала Грейс, – как он изменился. И в то же время, во многом остался прежним. Она читала романы, в которых языки героинь прилипали к небу, но никогда этому не верила... до сих пор. Во рту так пересохло, как земля на поле, ждущем дождя. Неужели она сделала ужасную ошибку, приехав сюда? Была ли леди Элис права, утверждая, что вернувшийся военнопленный хочет видеть только близких, а не какую-то старую подругу сестер?

– Добро пожаловать, Сэм, – пролепетала она. – Как чудесно вновь увидеть тебя!

Она надеялась, что он не заметит, как дрожат ее руки, не ощутит, как она потрясена накатившими эмоциями.

– И тебя тоже, – непринужденно ответил он. – Ты выросла. Мне сказали, что ты в Земледельческой армии. Должно быть, работа тяжелая.

– Работа тяжелая? – удивилась она. Напомнила ли ей эта реплика прежнего Сэма? Но он не прежний Сэм. Он ветеран войны, сражавшийся в одной из самых кровавых битв, солдат, который был ранен, захвачен в плен и отправлен в концлагерь.

Он сбежал. И узнают они когда-нибудь всю историю о том, что он сделал? Каким-то образом сумел пересечь Европу, найти убежище в Италии и попасть к партизанам? Она даже подумать боялась, как он смог добраться до Англии. Ну разумеется, с помощью многих людей.

Сердце ее преисполнилось гордостью и... да, любовью. Но она отказывалась думать об этой любви. Потому что наверняка заплачет, а ни один вернувшийся герой не заслужил того, чтобы какая-то девчонка позорно рыдала перед ним.

Миссис Петри, сама того не сознавая, помогла Грейс взять себя в руки.

– Почему бы вам не посидеть здесь? Устраивайтесь поудобнее. А я принесу чай.

– Нет, ма, мы можем выпить его на кухне. Как всегда.

– Грейс проделала долгий путь, чтобы увидеться с тобой, Сэм Петри. Самое малое, что мы можем для нее сделать...

– Но я люблю пить чай на кухне, – перебила ее девушка. – Как в старые времена, вместе с друзьями.

Последние три слова едва не застряли в горле.

– Тогда посидите, пока я не отнесу чай нашему па, – сдалась Флора. – Расскажи Грейс о своей прогулке по Европе. Сколько он повидал, Грейс! Не поверишь! Виноград растет прямо на поле, представляешь? Горы, круглый год покрытые снегом. Тебе расскажут об Альпах!

Флора ушла на кухню, а Грейс и Сэм остались молча смотреть друг на друга. Оба были смущены. Мужчина заговорил первым.

– Прости, Грейс, я не хотел... я собирался сказать... Виноград и Альпы... бедная ма.

Он замолчал, и в разговор вступила ужасно нервничавшая девушка. Это Сэм, Сэм ее герой из плоти и крови, который защищал ее от хулиганов, следил, чтобы никто не захватил ее очередь играть ковбоя в белой шляпе, вместо того чтобы вечно оставаться плохим парнем в черной, которого неизбежно ждал дурной конец.

Ей стало плохо при мысли о том, что ее тоже ожидал дурной конец – узнала же она о своем незаконном рождении.

Она почувствовала приближение истерики. Его не было здесь, чтобы спасти ее, так что она заслуживала черной шляпы...

Она смотрела на него, словно впервые увидела по-настоящему. Бронзовый от солнца и ветра, немного похудевший. Кожа словно натянулась на носу и скулах, но выглядит жестче и сильнее. Его светлые волосы, как у всех Петри, выгорели почти добела.

– Там, где ты был, всегда светит солнце?

Он рассмеялся, и она блаженно вздохнула. Сколько прошло времени с тех пор, как она слышала этот смех?

– Нет, летом было жарко, так жарко, как здесь не бывает, но зимой? Там, похоже, вечно либо дождь, либо снег, в жизни не видел столько снега, и да, зимой тоже бывает солнце. Солнечный свет на снегу... переливается миллионами крошечных сверкающих камешков, может быть, даже бриллиантов. Но расскажи о себе. Ма говорила о твоей сестре. Мне очень жаль.

Грейс отметила, что его тон был таким, будто каждое слово давалось ему с большим трудом.

Как она жалела, что не остановилась у Бруэров! Мать Салли, несомненно, приютила бы ее на ночь, и она смогла бы вернуться в Уайтфилдз на следующее же утро. Что подумает о ней Сэм, если она скажет: «Я почти не огорчена и определенно не грущу и не печалюсь».

Конечно, это чистая правда, но не покажется ли она бесчувственной?

Она тоже сожалела о смерти Меган, но они никогда не любили и не знали друг друга по-настоящему.

К ее удивлению, Сэм шмыгнул носом, как пес, нюхающий воздух. В детстве это всегда ее смешило.

Он улыбнулся, словно почувствовав ее неловкость, и снова стал прежним Сэмом.

– Да это лепешки, Грейс! Пойдем, поможем их съесть. Как я ни велик ростом, не могу осилить всего, что печет ма.

– Она хочет наверстать потерянное время, приготовить тебе все, без чего ты скучал.

Он снова попытался улыбнуться, как прежний, довоенный Сэм, который был старшим братом и чувствовал, что его долг – присматривать за остальными.

– Знаю, но неужели нужно готовить все в один день и класть мне на тарелку?

Флора накладывала горячие промасленные лепешки на большое блюдо. Три чашки с блюдами – доказательство того, что Грейс считается здесь не столько старым другом, сколько гостей, – стояли в ряд на клеенке. О, возможно, чашки были вынуты, чтобы показать Сэму, какой он особенный, как счастлива семья видеть его здоровым и невредимым!

Посреди стола, рядом с блюдом, стоял круглый керамический кувшин.

Флора с гордостью показала на него.

– Берегла для особых случаев. Угадайте, что здесь по два шиллинга шесть пенсов за фунт, –

благоговейно закончила она, очевидно, потрясенная огромностью цены.

Грейс была на фермах в различных частях страны, от юга Англии до юга Шотландии, поэтому имела неплохое представление о природе угощения, но все же сказала, просто чтобы польстить Флоре:

– Господи. Только не говорите, что поехали и купили что-то в лондонском «Фортнумс».

– «Фортнумс и Мэйсон»? Ну что ты! Хотя я уверена, что чаи, которые мы покупаем и продаем, ничуть не хуже, чем у них.

– Конечно, ма. А теперь признайся, что ты прячешь в этом кувшине?

Сэм сделал вид, что немного подумал.

– Это, случайно, не черносмородинный джем?

Флора, довольная реакцией, покачал головой:

– Но это не джем, поскольку кувшин непрозрачный. И не мед по той же причине. Верно, Грейс?

Очевидно, она наслаждалась, поддразнивая сына.

– Мед тоже продается в прозрачных баночках, верно?

– Совершенно верно, миссис Петри. Хотя одна девушка, с которой я работаю, рассказала, что на прошлое Рождество купила для бабушки жестянку с медом. В «Фортнум и Мэйсон». По моему, мед был доставлен из Канады.

– Жестянка? Подумать только! Но он не может быть так же хорош, как наш, если приехал из самой Канады в жестяной банке. Настоящий мед должен быть в стеклянной банке или кувшине.

Сэм глянул на Грейс с видом заговорщика, и на душе у нее сразу стало тепло.

– Ну же, ма, мы больше не выдержим напряжения. Если ты прячешь в кувшине английский мед, мне хотелось бы попробовать. Хотя бы для того, чтобы сравнить с медом, который мы ели в Тоскане. Медом с усыпанных цветами лугов, которые простираются на мили.

– Мили цветов, наш Сэм? Ты шутишь!

– Мили, ма, и все цвета радуги под солнцем.

Сэм был в Тоскане. Грейс попыталась вспомнить, что слышала об этом месте. Девушки сказали, что Сэм был в Италии. Значит, эти цветы в Тоскане. Как много ей предстоит узнать о его приключениях.

Грейс пыталась не расстраиваться. Должно быть, пережитое сильно изменило его. Или нет?

Она с чем-то вроде ужаса вспомнила последнее письмо Джека. Он тоже видел и пережил то, что изменило его. И Сэм, этот высокий, сильный мужчина, скорее всего не мог остаться тем же Сэмом, который так бодро ушел на войну. Да и она уже не та, как во время последней встречи с ним, а он страдал так, как ей и не снилось.

– Сэм, ты боялся?

Откуда вдруг вырвались эти слова?

– Прости. Я ляпнула глупость. Мне не стоило ничего говорить. Мне так жаль...

Сэм поднялся.

– Грейс, не волнуйся. Конечно, я боялся. Мы все боялись. Но самое страшное – шум. Я не могу думать, когда так шумно.

Но Флора тоже вскочила. Лицо исказилось гневом. На какую-то долю секунды Грейс показалось, что мать Сэма ее ударит.

Но женщина лишь отвернулась от нее.

– Сэм Петри. Ты в жизни никогда ничего не боялся! О чем ты думала, Грейс, когда задавала подобный вопрос?

Девушка была сконфужена и зла на себя. Она испортила угощение, которое мать приготовила для сына, обидела миссис Петри, которая, имея пятерых своих детей, гостеприимно

открывала двери брошенному ребенку, приехавшему неизвестно откуда, вязала для нее кардиганы, кормила, когда Меган не оставляла еды, всегда делала подарки на дни рождения и Рождество. О, как она могла быть такой бестактной?

Грейс проглотила слезы, готовые вот-вот пролиться. Но Сэм уже был рядом, как часто в детстве.

– Бедняжка! – улыбнулся он. – Подумать только, именно это я сказал тебе в школе много лет назад. Все в порядке, не расстраивайся. Неужели в этой семье и без того недостаточно слез?

Он обнял ее, прижал к груди, и она услышала, как бьется его сердце.

– Я такая дура, – призналась она, отстранившись.

– Ничего подобного. Мы ведь старые друзья. Ма, так ты собираешься показать нам, что в этом красивом кувшинчике, пока эти вкусняющие лепешки не остыли?

Миссис Петри, застыла, явно переживая какую-то внутреннюю борьбу, но тоже обняла Грейс.

– Прости, девочка, что накричала на тебя. Я так счастлива, что он цел и невредим, что не могу думать связно, даже когда никакого шума нет. Он здесь, наш Сэм! Я положу эти лепешки в жестянку и выну из духовки теплые!

Сэм подождал, пока мать повернется к ним спиной, прежде чем подмигнуть Грейс, показывая, что они союзники и оба нежно любят Флору.

– Я не сказал тебе, что она печет на всю армию Монтгомери?

Флора каким-то образом смогла рассмеяться.

– Я пеку для своей семьи, Сэм, ни в коем случае не для генерала Монтгомери, хотя, смею сказать, бедняге понравились бы мои лепешки. Иди сюда, дорогая, разве ты не член нашей семьи? Можешь открыть кувшинчик.

Они были слишком хороши. Грейс не могла понять, почему они так ее любят. Сестра терпеть ее не могла. Насколько поняла Грейс, Меган никак не отреагировала на внезапное исчезновение сестры, не встревожилась, не почувствовала даже легчайших угрызений совести. Утаила шкатулку, где лежало прошлое Грейс. Что она надеялась этим приобрести? Если бы Меган хоть немного любила ее, Грейс подарила бы ей замечательные золотые часы, деньги, да все на свете!

Но сейчас она смотрела на мать с сыном и чувствовала нечто вроде счастья.

– Вы лучшие люди во всем мире, – выпалила она и, ощущая себя прощенной за любые грехи, подняла кувшинчик и безуспешно попыталась открыть. Сэм взял у нее кувшинчик. Крышка немедленно ему поддалась. Внутри жидким золотом переливался летний мед.

– Ты первая, Грейс, дорогая. В этом доме джентльмены всегда уступают дорогу леди, верно, Сэм?

– Ты права, ма. Выглядит потрясающе. Полагаю, это от Хамблов, с фермы.

Флора развязала цветастый передник, сложила и повесила на стул, прежде чем усесться рядом с ними.

– Мед у Хамблов чудесный, но это не их. Я им оставлю немного. А ты что думаешь, Грейс?

– Дело в цене, миссис Петри. Я еще не видела, чтобы мед стоил два шиллинга шесть пенсов за фунт. А здесь больше фунта.

Довольная Флора потихоньку расслабилась:

– И?

– Я ошиблась. Думаю, вы нас водите за нос и купили этот кувшинчик в «Фортнумс» Я никогда ничего не видела из «Фортнумс» раньше, но говорят, у них все так чудесно упаковано, а этот кувшинчик – просто красавец. Я права?

Флора только что не танцевала.

– Конечно, Грейс! Когда он опустеет, я поставлю в него розы. Если когда-нибудь у нас снова будут розы. Представляете, как он будет смотреться на прилавке в магазине. Радовать покупателей в дождливые дни.

– Меня ничто не развеселит, пока не попробую, – поддразнил Сэм, и неприятный момент прошел. Каждый попробовал по чайной ложке меда и поклялся, что никогда не будет есть мед, домашний или канадский, из другого магазина.

В ту ночь Грейс спала в комнате, которую раньше делили близнецы Петри, пока Дейзи не пошла в ВВС. Ужин подождал, пока не пришла Роуз, работавшая на местном военном заводе «Викерз». Родные никогда не знали, придет ли она вовремя, потому что все военные заводы работали сверхурочно и даже по выходным. Роуз очень уставала и была вся в пыли и грязи после долгой смены.

Она очень обрадовалась, увидев Роуз так скоро после рождественского визита.

– Не стану обниматься, Грейс, иначе мы обе превратимся в настоящих замарашек. Дай мне пятнадцать минут, чтобы смыть все это, и я вернусь. Хороший день, Сэм?

– Потрясающий! Сначала вернулась Грейс, а потом мы ели лепешки с медом из роскошного кувшинчика. В Дартфорде умеют жить, ничего не скажешь!

Ванна оживила Роуз настолько, чтобы не клевать носом за ужином, на который мать положила столько труда. Мистер Петри вместе с Джорджем поднялся наверх из магазина ровно на столько времени, чтобы приветствовать Грейс объятиями и поцелуем в лоб, переодеться в мундир и взять с собой ужин, завернутый для него Флорой.

– Папа сегодня дежурит в гражданской обороне. Джерри снова взялись за старое.

– Налеты? Вряд ли я смогу выдержать новые налеты.

– Не расстраивайся, малышка, – сказал мистер Петри. – Все будет хорошо. Но, боюсь, мне пора. Долг прежде удовольствия. Что ты думаешь о нашем Джордже? Вырос на целый фут с Рождества. Верно, негодник ты этакий?

Дружески взъерошив волосы Джорджа, Фред отправился следить, не возникнут ли пожары во время налета.

Грейс встретила Джорджа Престона на Рождество, когда тот попеременно жил у Петри и у мисс Партридж. Теперь он не только помогал в магазине, но и работал по воскресенью на ферме Хамблов.

– Мама уверена, что скоро Джордж уйдет от нас, – заметила Роуз. – Он, конечно, будет часто приходить к нам и мисс Партридж – очень ее любит, но еще больше любит жизнь на ферме. У вас должно быть много общего. Расскажи ему что-нибудь веселое о своей работе. Ну хоть о необходимости убивать крыс. Но если серьезно, я молюсь, чтобы война закончилась до того, как он войдет в возраст, а если нет – фермеров на фронт не берут, и он останется здесь, в безопасности.

Грейс взглянула на мальчика, для которого Петри были готовы сделать все, и увидела, как он смотрит на Сэма. Очевидно, Джордж поклоняется ему как герою.

Грейс снова одолели сомнения. Неужели она тоже уподобилась Джорджу? И продолжает ходить за Сэмом хвостиком, считая все сказанное им и сделанное непререкаемым и великолепным? Может, это тоже благоговение перед героем?

– По крайней мере наш Джордж последнее время никуда не исчезал и не выкидывал никаких проделок. Правда, Джордж, милый? Он стал другим, и мы не знаем, что делали бы без него весь прошлый год, – пояснила миссис Петри и любовно улыбнулась, когда бедняга покраснел до ушей от таких похвал.

– Как только наш Сэм захочет выходить, научит его водить машину, верно, Сэм?

– Прямо сейчас мы собираемся играть в змейки и лесенки, и я точно его побью. Буду рад,

если присоединитесь к нам.

Но Грейс, заявив, что устала после поездки, ушла спать вместе с Роуз, как только посуда была вымыта и убрана. Сэм, его мать и Джордж вернулись в гостиную поиграть в настольные игры.

«Стоит закрыть глаза, – подумала Грейс, – и все будет как до войны».

Роуз легла в постель и натянула одеяло до подбородка.

– Помнишь, на Рождество мы говорили о том ужасном убежище Андерсона, которое было у вас в саду?

Грейс кивнула, хотя Роуз не могла ее видеть. Убежище действительно было малоприятным. Но конечно, она не рассказывала подруге, как часто оставалась в нем одна, несчастная и напуганная.

– Ненавижу тревоги, – сказала она, но ей ответил только тихий храп.

Грейс хотела спросить у Роуз о результатах ее попытки попасть во Вспомогательную транспортную службу. Несколько раз Роуз и даже Дейзи отказывались от этого намерения из-за матери, тяжело воспринявшей новости о гибели младшего сына и пребывании в плену старшего. Но сейчас, после приезда Сэма, Флора была намного спокойнее и счастливее, тем более что нужно было присматривать за Джорджем.

Грейс глянула на спящую подругу. Может, стоит подождать? Пусть Роуз сама скажет, когда будет готова.

Пока что по городку ходили слухи, что джерри собираются возобновить налеты. Она забыла, где прятались Петри во время бомбежек, а может, и вообще не знала. А как она сама будет вести себя во время налета? Она надеялась, что не опозорит себя.

Грейс легла. Она так устала, но спать совсем не хотелось. Она прислушивалась к голосам снизу: расстроенным воплям Джорджа «Жулишь, жулишь» – очевидно, Сэм постоянно выигрывал, и коротким взрывам смеха Сэма, которые так приятно слышать. Все это так отличается от жизни в Уайтфилдз, с новыми подругами. Но очень похоже на согретые солнцем довоенные дни.

А те моменты, когда Сэм прижимал ее к себе... как она жаждала расслабиться, почувствовать объятия его сильных рук, оберегающих ее от всякого зла. Наконец она ощутила то, о чем давно мечтала, пусть на секунду, ощутила родство с кем-то. Не просто в этой квартире, а с Сэмом, потому что должна быть там, где он.

В этот короткий визит не было необходимости посещать поверенного. Мистер Крофорд заверил и леди Элис, и миссис Петри, что они и Грейс будут немедленно осведомлены о любой информации, касающейся жизни девушки или ее семьи.

– Составь Сэму компанию, Грейс, а мне нужно спуститься в магазин и дать мисс Партридж отдых. Она так часто работает сверхурочно, и при том настоящая леди, не титулованная, как леди Элис, но воспитывалась не для того, чтобы служить в бакалейной лавке.

– Но это ей нравится, миссис Петри. Чем бы еще она занималась целый день?

Миссис Петри кивнула, заправляя внутрь концы тюрбана.

– Все же не стоит пользоваться ее положением. И кроме того, нам ее бог послал, чтобы помогать воспитывать Джорджа. Она считает его умным пареньком. К сожалению, он не пробыл в школе так долго, чтобы как следует научиться читать и писать, но видела бы ты его почерк сейчас! И он читает такие толстые книги: Диккенса и тому подобное.

– Просто сказка! Но если вы уверены, я посмотрю, нельзя ли чем помочь Сэму.

– Было бы неплохо выманить его из дома.

– Он никогда не выходит?

Грейс с трудом этому верила. Сэм, как все Петри, был спортсменом. Играл в футбол за

местную команду, до того как ушел в армию. А потом играл за свой полк.

– Говорит, что за последние два года надышался свежим воздухом так, что хватит на всю жизнь. Он избегает людей, Грейс. Ты первая, если не считать родных, с которой он согласился разговаривать. Полагаю, он считает тебя кем-то вроде сестры и поэтому спокоен и может расслабиться.

Слова, так приободрившие миссис Петри, били по Грейс, как молотом. Сэм считает ее еще одной сестрой.

Ей хотелось свернуться клубочком и выплакать все глаза. Но не может же она сделать это в доме Сэма?

– Как чудесно слышать это от вас, миссис Петри! Я всегда считала его старшим братом.

– Тогда пойду, спущусь в магазин. Если сможешь убедить его прогуляться в парке, будет очень славно, но если нет, будь хорошей девочкой и часов в десять завари чай. В жестянках есть лепешки и морковный пирог. Вкусный и влажный.

Грейс заверила, что все выполнит. Подождала, пока миссис Петри спустится вниз, и направилась к гостиную. Она была пуста. Только коробка со «Змейками и лестницами», стоявшая на карточном столе около камина, указывала на то, чем вчера занимались обитатели дома. Должно быть, Сэм сейчас в спальне. Не может же она туда пойти!

Она осталась у окна, разглядывая улицу внизу, и словно видела себя, Дейзи, Роуз и Салли Бруэр, идущих, бегущих или скачущих по улице. Они были неразлучны. Последние несколько лет подвергли страшному испытанию их дружбу, ибо как может дружба выжить, если друзья почти не видят друг друга? Но они справлялись. Хотя не встречались месяцами, но когда съезжаются, все так, словно никогда не разлучались.

Все вместе они дружили четырнадцать лет, а близнецы и Салли по крайней мере на три года дольше.

– О чем задумалась?

Грейс от неожиданности подскочила. Она не слышала, как вошел Сэм.

– Глупо, но я словно видела себя, твоих сестер и Салли. Мы шли по улице. Сколько лет дружили близнецы и Сали?

Сэм подошел и встал рядом.

– Всякий, кто посмотрит на нас, подумает, что мы странная пара. Ты такая маленькая, а я, клянусь, стал в Италии еще выше. Они вместе пошли в детский сад, и думаю, мама водила близнецов в танцевальный класс для малышей еще до этого. По-моему, они были в костюмах мишек. Но даже тогда Салли была звездой. А ты когда-нибудь брала уроки танцев?

Грейс уже хотела ответить «никогда», но тут перед глазами возникла сцена. Она совсем маленькая, и молодая женщина, как теперь стало известно, ее мать, надевает на нее хорошенькое светло-голубое платье из мягкого, летящего материала. Светло-голубая лента вплетена в волосы, а на спине трепещут сверкающие крылышки. Она фея? В руке длинная палка со звездой на верхушке.

– Тебе дали особенную роль, дорогая. Ты фея-страж, которая должна стоять у двери дворца и смотреть, чтобы злые волшебницы не могли войти.

Грейс с сожалением рассмеялась.

– Полагаю, брала когда-то. Проблема в том, что у меня обе ноги левые, и хотя я должна была танцевать в кругу вместе с другими феями, бедный учитель изобрел для меня специальный танец, называемый «стоять смирно». И мне пришлось стоять все представление.

– Держу пари, ты была чудесным маленьким солдатиком!

– Не помню. На самом деле я ничего не помню, Сэм, но знаю, что у меня по-прежнему обе ноги левые.

– Вовсе нет.

Он оглядел ее единственную пару гражданской обуви.

– Честно говоря, твои ножки выглядят абсолютно идеальными. Ты, должно быть, прекрасно танцуешь.

– Нет. Я редко пробовала.

Хранящиеся под спудом воспоминания о той омерзительной ночи, когда на бедного Гарри напали, вновь вспыхнули с прежней яркостью. Она постаралась их пригасить. И не рассмеяться, видя, как Сэм вопросительно смотрит на нее.

– Должно быть, где-то в душе хранится воспоминание о том, как я не годилась даже для того, чтобы прыгать в кругу.

– Бедная Грейс. Я тоже много лет не танцевал. Давай попробуем вместе.

Прежде чем она успела что-то сообразить, он сжал ее правую руку. Левая инстинктивно легла на его плечо, и она едва не поморщилась, когда он обнял ее за талию и привлек к себе. Жар его тела, казалось, прожигал ее новый кардиган и блузку военного образца, и странные чувства, пробудившиеся в ней, были так сильны, что она боялась упасть в обморок. Это не братские объятия их вчерашней встречи и даже не лихорадочные ласки на заднем сиденье машины Джека.

Сэм оглядел ее, но не заметил ничего странного.

– Танцевать легко. Главное – слушать музыку. Ритм сам подскажет, что делать. Когда я был в Германии, выучил красивый вальс. Он называется «Голубой Дунай», хотя сами немцы называют его «На прекрасном голубом Дунае». Один из охранников либо гонял пластинку, либо насвистывал целый день, а иногда и всю ночь. Я мурлыкал ее всю дорогу домой, и пилот сказал мне английское название. Я буду напевать, а ты считай. Готова?

Она молча кивнула, и он стал петь. Мелодия действительно была красивой, хотя Грейс быстро сбилась со счета, когда он то ли нес, то ли кружил ее по комнате.

– Похоже, мне придется петь и считать одновременно, – мягко улыбнулся он той улыбкой, которая преследовала ее много лет.

– Один, два, три, один, два, три, – пел он, пока Грейс отчаянно пыталась ставить ногу в нужное место в нужное время.

– Я не разберу мелодии, – запротестовала она.

– Это потому, что я напеваю мысленно, – пояснил он и, подняв ее, стал вальсировать по гостиной.

Наконец он остановился, но Грейс не выпустил.

– И кто бы мог подумать? – спросил он в пространство. – Я был прав. Грейс, как насчет прогулки по городу?

Она думала, что сердце вот-вот остановится, такой радостью оно наполнилось. Но она пыталась говорить небрежно:

– Чудесно звучит, Сэм. Уверена, что в парке уже распустились весенние цветы.

– Сумеешь не отстать? Помни, я обошел пешком всю Европу.

Что она может ответить? Знал ли он, что мать хочет выманить его из квартиры? Он сердит? На мать? На Грейс?

– Прости, Сэм. Но в Дартфорде нет снежных вершин и огромных рек, несущих воды в море.

– Тебе понадобится пальто, – все, что ответил Сэм.

Он стоял на перроне, выделяясь из толпы, не своим не слишком необычным ростом или приятной и привлекательной, пусть и не особо выдающейся внешностью: просто из всех мужчин, толпившихся на этих нескольких футах бетона, он был единственным, на ком не было мундира. Хотя остальные стояли поблизости, болтая, смеясь и куря, он не принадлежал их компании.

Грейс подняла руку, чтобы помахать на прощание. Но так и не поняла, смотрит ли он в ее сторону. Возможно, он не видел ее или предпочел игнорировать... Так или иначе, Грейс отпрянула, словно боясь получить пощечину. Рука бессильно упала. Она даже испытала некое облегчение, когда поезд все быстрее увлекал ее прочь, по мере того, как потеющий кочегар бросал в топку лопату за лопатой угля. Ей было холодно, не потому что в поезде плохо топили, – что ни говори, а сейчас начало весны, – а потому, что он явно не желал признавать, что они знакомы. Но так ли это? Она была в поезде. Он – на перроне. Может, он не видел ее. В конце концов, откуда он знал, что она может быть в этом поезде?

Слабое утешение. «Джек, – ее тело словно со всхлипом повторяло его имя, – ты занимался со мной любовью, а сейчас даже здороваться не хочешь...»

Грейс ту же стянула пальто военного образца, чтобы согреться. Или утешиться? Очевидно, он получил отпуск и даже не попытался увидеться с ней. Но она была в Дартфорде. У Петри нет телефона. Даже если бы он захотел, не смог бы с ней связаться.

«Нашел меня непривлекательной? Или считает, что я настолько ниже его, что можно не обращать на меня внимания?»

Труднее всего было переносить неуважение. Она дала ему то, чего он хотел, но пала в его глазах. Грейс старалась воскресить в памяти те моменты, когда поезд подошел к станции. Она так и не встретила с ним взглядом.

Обозленная и униженная, Грейс легла в забитом людьми купе и посмотрела правде в глаза. Невозможно сказать наверняка, видел ли он ее. Она должна выбросить это из головы и думать о долгих прогулках с Сэмом.

Первый медленный час путешествия из Лондона в Бигглсуэйд в голове мелькали образ и воспоминания о Сэме. Теперь она смотрела в окна, в которых проплывали сельские пейзажи, и ничего не видела. Перед глазами вставали два лица: Джека, смуглое, с резкими чертами и, насколько она успела заметить, обтянутое кожей, как у скелета. И лицо Сэма, такое же худое и осунувшееся, но открытое и доверчивое. Последние два дня Сэм и только Сэм был у нее в мыслях.

Почти три года она тосковала по нему и волновалась за него, когда его направили из армейской базы в Олдершоте «куда-то в Европу», потом с поля боя – в госпиталь и лагерь для военнопленных, и, наконец, она слышала о его побеге.

В своем воображении она рисовала Сэма, но не того высокого, нескладного, светловолосого, со счастливейшей улыбкой парня, а крадущуюся фигуру в грязном, порванном мундире, бегущую по вспаханным полям в поисках еды и убежища в сараях и покинутых домах, – разве не такой стала сейчас Европа? Недаром Сэм рассказывал ей о брошенных фермерских домах, разбомбленных деревушках... но были и сцены невероятной красоты и величия, и смиренного мужества, и благородства.

Почти все три года она всячески старалась убедить себя, что думает о Сэме только как о старшем брате близнецов, имевшем большое влияние на ее жизнь, и самое главное – как о человеке, любившем прекрасную и талантливую Салли Бруэр. Может, поэтому и обратила

внимание на Джека Уильямса, так много отнявшего у нее и так мало предложившего взамен. Сейчас слишком поздно жалеть о случившемся.

Ее первый опыт интимных отношений был весьма впечатляющим, но она была уверена, что до конца жизни будет стыдиться того, что произошло между ней и Джеком. Она чувствовала себя избитой и измученной, радовалась, что синяки никому не видны, и понимала, что отношения с Сэмом развиваются в совершенно ином направлении.

Последние два дня в его обществе изменили ее представления о себе и Сэме. Воспоминания о его доброте и мечты о нем преследовали ее. И отказывались уходить. Они рука об руку гуляли по Дартфорду, и никто их не тревожил, даже те, кто думал: «Этот здоровый парень, кажется, один из мальчиков Фреда Петри?» «А эта трудармейка разве не жила с Меган Патерсон, той, которая погибла под бомбами? Ее дочь, верно? Или сестра?»

Но кроме старых и близких друзей, останавливавшихся на минуту, чтобы пожелать Сэму здоровья, никто их не беспокоил, и они беспрепятственно гуляли по городу, который так любили. Сэм восторженно восклицал при виде церкви и старого дома, не тронутого бомбежкой и способного стоять еще не одну тысячу лет.

– Разрушения, которые я видел в Европе... целой жизни не хватит, чтобы все восстановить в прежнем виде.

Слыша напряженные нотки в его голосе, Грейс постаралась свернуть в парк с его прекрасными садами. Нарциссы и тюльпаны очаровали обоих, и Сэм отказался сравнивать их с альпийскими лугами, а вместо этого заговорил, как счастлив оказаться дома, в покое и безопасности, каждый день видеть родителей и сестру, познакомиться с Джорджем, который появился в подходящее время, чтобы заполнить пустоту, оставленную Роном, – не то чтобы это очень помогло, но он занял свое место в семье, и его будут любить за него самого.

То же самое с девушкой, идущей рядом: она уже не ребенок, которого он когда-то защищал, а привлекательная молодая женщина, взявшая в руки собственную судьбу, выказавшая мужество в тяжелой ситуации и никогда не жаловавшаяся на трудности.

– Можешь поверить, Грейс, что там я много думал о тебе? Каким тощим костлявым созданием ты была в тот день, когда я впервые тебя увидел. И заметил твои окровавленные коленки после того, как тебя толкнули на игровой площадке. В твоих глазах стояли слезы, но ты не позволяла себе плакать. Я увидел глаза прежде, чем увидел все лицо. Ты так была похожа на Дейзи. Прелестные глаза, иногда я их представлял: большие, темные, но не голубые и не серые, скорее смесь того и другого. Иногда я видел, как ты улыбалась мне. Испуганно, словно щенок, не уверенный, получит ли пощечину или вкусный кусочек лакомства. И самое странное, что ты похожа на Дейзи больше, чем Роуз!

Она ничего не ответила, но сердце громко забилося от удовольствия. Он думал о ней. Считал, что у нее прелестные глаза.

– Мой па расстроен тем, что никогда не разговаривал о тебе с Меган, – тихо сказал он, не глядя на нее.

Она подняла на него блестящие счастьем глаза.

– Никто никогда не разговаривал обо мне с Меган. Да и зачем? Она давала мне приют, кормила, одевала...

Он не позволил ей продолжать.

– Мама сказала, что она утаила снимки и бумаги твоих родителей. Это подло. А твое наследство? Почему она никогда о нем не упоминала?

Грейс тоже задавалась этим вопросом. Но старалась не думать об этом. Все в прошлом и пусть там остается.

– Несколько дней назад мне исполнился двадцать один год. Возможно, она собиралась

сказать мне в этот день.

– Двадцать один. И никакого праздника.

Он схватил ее руку и развернул к себе.

– Нужно отпраздновать, Грейс. Только ты и я. Понимаешь ли, что прогулка с тобой сделала для сержанта Сэма Петри? Нет?

В парке были еще люди, но он обнял ее и прижал к себе.

– Он расслабился. Клянусь, он действительно почувствовал, как с его плеч свалилось напряжение, и фюить – он очутился на земле. Накопившийся снег растаял, и он снова стал собой, легче на миллион тонн. Смотри.

Он поднял ее и закружил, так что красный берет, который Салли дала ей на Рождество, упал и приземлился среди нарциссов.

Сэм сразу поставил ее на землю и нагнулся над цветочной клумбой. Надел берет ей на голову и натянул на уши.

– Прелестная шляпа, прелестные глаза, прелестное лицо, – прошептал он и, к удивлению девушки, нагнулся и нежно поцеловал ее в губы.

– Прелестная Грейс, – закончил он и снова ее поцеловал.

При этом он обнимал ее, а она была рада этому, потому что колени, казалось, растаяли, как масло на солнце, а ног она и вовсе не чувствовала.

Он смотрел ей в глаза, словно искал там какое-то слово... вопрос... ответ...

– Мне извиниться?

Она покачала головой. Как хорошо, что поцелуи были нежными, потому что этот момент останется в памяти как чудесный, и ничего в его поцелуе не напомнило о Джеке.

– Это Салли подарила мне берет.

Что побудило ее упомянуть о талантливой красавице Салли?

– Славная она девушка.

Он все еще держал ее за руку, будто они привыкли так гулять.

Она смотрела в глаза, которые всегда помнила улыбающимися, сияющими добротой и любовью к человечеству.

– Славная? И это все? Я всегда думала, что ты влюблен в нее. Мы все так думали. Ты даже написал ей письмо, когда у нас была вечеринка. Ты, конечно, любишь ее, всегда любил...

Он положил руки ей на плечи, словно хотел заставить замолчать.

– Люблю Салли? Она мне нравится. Она подруга моих сестер, талантливая, веселая и добрая. Но любить? Не говори ей, Грейс, но малышка Салли с ее постоянным позированием и страстью к игре ужасно мне надоедает. Я от тоски выть готов. Она вечно старается произвести впечатление, а, прости, эффект получается противоположным.

Грейс закрыла глаза и немного подумала. Салли надоедала Сэму, и все же Грейс была уверена, что он ее любит. Почему? Как глупо осознать, что это только потому, что Сэм посылал Салли привет, когда она поступила в театральное училище, первая из всех них, которая сумела продолжить образование.

– Научусь ли я когда-нибудь понимать людей? – спросила она себя, открыв глаза, сама не понимая, как соблазнительно при этом выглядит. – Надоедает? Но как ты можешь? Салли будет знаменитой.

Он рассмеялся прежним счастливым смехом.

– Будь сейчас на земле снег, я бы натер твою дерзкую физиономию, Грейс Патерсон! Она ужасно надоедала, когда мне было лет шестнадцать: вся эта похвальба, вечное гарцевание вокруг той или этой актрисы. Вы, девочки, понятия не имели, как досаждали мне. А теперь забудь о Салли и думай о празднике в честь дня рождения.

Он снова поцеловал ее.

– Милая, даже ради тебя я не вынесу большой вечеринки. Когда-нибудь устроим что-нибудь роскошное, но сегодня только ты и семья, возможно – мисс Партридж.

«Милая» – разве это не самое чудесное слово в английском?

– Чай и лепешки твоей мамы. Этого более чем достаточно, Сэм.

Ощущая ничем не замутненное счастье, Грейс шла рядом с Сэмом, и он старался шагать не так широко, чтобы ей не пришлось его догонять.

Они весело болтали обо всем на свете. Правда, что чинная и чопорная мисс Патртридж – самая веселая, добрая и умная в Дартфорде женщина? И кто мог подумать, что старый беженец, которого они знали как доктора Фишера, – знаменитый ученый, с длинной строчкой титулов после имени?

– Он всегда был таким вежливым. Думаю, он много узнал о людях, просто находясь рядом с ними.

– По-моему, я ни разу с ним не разговаривала.

– Дейзи говорит, что он вернется к нам, когда кончится война. Тебе он понравится. Очень мягкий и добрый человек.

Задолго до того, как сесть на поезд до Лондона – первый этап обратного путешествия в Уайтфилдз, – Грейс призналась себе, но не Сэму, что любит его. Ну конечно, она никогда не переставала его любить. И все же была с Джеком, которого не любила, и что скажет Сэм, если она признается во всем?

Сомнения обуревали ее. Портили рвущееся наружу счастье. Да что она вообще знает о любви?

Она вдруг вспомнила, как высокий, худой Сэм Петри отряхивал ее от пыли в тот первый жуткий день в новой школе. Неужели она уже тогда влюбилась в него? Если так, это было любовью ребенка к мальчику постарше, которая переросла в любовь женщины к мужчине? Хочет ли она испытать с Сэмом то, что испытала с Джеком? Да. Очень.

А потом, всего несколько часов спустя, она увидела Джека Уильямса, ожидавшего поезда, который снова унесет его из жизни Грейс, и ее сердце перевернулось в груди.

Какое же она дрожащее желе! Она любила его, конечно, любила, мечтала о другой жизни с ним, когда война кончится. Потому что, пусть и застигнутая врасплох, она приняла его ласки и не сделала бы этого, если бы не любила...

А он даже не махнул ей рукой на прощание.

Возможно ли любить двоих одновременно? Будь у нее мать, узнала бы она ответ?

Грейс могла бы погрузиться в болото отчаяния и жалости к себе, но вместо этого постаралась собраться.

«Я состою в Земледельческой армии. Не стану сидеть и плакать только потому, что сама испортила себе жизнь. Нужно подумать и о Джеке. Может, он меня не видел? У него так много забот, и я не должна судить его так поспешно».

Сэм проводил ее на вокзал.

– Я начал писать письмо, но оно не закончено. Я отдам его тебе, если пообещаешь прочитать его, когда вернешься в то удивительное поместье, где живешь, и не раньше.

Конечно, она пообещала и сдержала слово. Кто лучше ее способен уклоняться от чтения писем?

Поднявшись в большую комнату, прислушиваясь к тихому дыханию подруг: да, как чудесно, что у нее есть подруги, – она прочитала незаконченное письмо.

Дорогая Грейс!

Кажется полным идиотизмом писать тебе после того, как ты годами прибегала в наш дом. Было здорово видеть тебя, и жизнь стала почти нормальной, потому что ты была собой и позволила мне тоже быть собой, не каким-то уродом. Маленькая Грейс Патерсон сидела точно там же, как в те времена, когда была маленькой.

Не могу смириться с потерей нашего Рона. Знаешь, ма переделывает его одежду для Джорджа. Па очень доволен, потому что она наконец перестала спать на постели Рона. Матерям этого мира приходится труднее всего.

Так или иначе, было здорово увидеться с тобой, и я рад услышать все твои хорошие новости о семье.

Грейс, я надеюсь на наше общее будущее. Но должен сказать, что мне необходимо вернуться в свой полк. Мои раны давно зажили благодаря французским монахиням и итальянским фермерам. Эти бедняги сейчас по другую сторону, но я обязан им. Порядочные люди...

Через несколько недель после короткого визита в Дартфорд Грейс и Ева пешком возвращались в Уайтфилдз-Корт, наслаждаясь свежим воздухом, когда рядом послышался рев мотора. Такое случалось нечасто, и девочки поспешили заверить друг друга, что это самолет своих. Грейс пыталась убедить себя, что это правда и что им не грозит опасность.

– Я совершенно уверена, Ева, что это «Спитфайр». Я выросла в Дартфорде, и, поверь, мы очень быстро научились отличать шум английских моторов от немецких.

Это было не совсем правдой, поскольку Грейс вступила в Земледельческую армию в начале 1940 года и никогда не была в родном городе во время вражеских налетов. Но ей хотелось ободрить подругу, которая уже пережила немало ужасов войны.

– Смотри! – взволнованно закричала она. – Это «Спитфайр», я же говорила!

Девушки обрадовались и стали с энтузиазмом махать руками. Низко летящий самолет, казалось, парил, как ястреб в небе. Прямо над головами. Позже они так и не смогли вспомнить, слышали ли что-нибудь. Если и был какой-то шум, в памяти это не отложилось. Потому что самолет попросту исчез. Только сейчас он летел над ними, и вот теперь голубое небо взорвалось обломками, планировавшими вниз, плавающими, вертящимися, как в кошмаре наяву.

Еву начало трясти. Она уставилась на Грейс, словно прося помощи.

– Что это случилось?

– Не знаю, – начала Грейс, но тут же завопила:

– Смотри, Ева, парашют! Летчик спасся!

Девушки стояли, замороженные видом парашюта, медленно спускавшегося вниз среди обломков «Спитфайра». Скоро он исчез, уносимый воздушными течениями или весенним ветром над полями и маленьким холмиком, единственным на бесконечном плоскогорье в этой области Англии.

Грейс быстро сообразила, что делать.

– Ева, беги в дом за помощью. Расскажи всем, что видела, и приведи Хейзела, Уолтера, других мужчин. И леди Элис. Летчик, возможно, ранен. Я побегу...

Грейс понятия не имела, чем помочь. У нее были смутные и не особенно счастливые воспоминания о курсах первой помощи, которые она посещала вместе с Дейзи в начале войны. Усвоила она что-нибудь? Неизвестно. Но она может побежать к нему и кричать, зовя людей.

Грейс остановилась и посмотрела вслед Еве, которая, похоже, все поняла и мчалась к дому. Возможно, она сумеет найти работников фермы. Грейс от души на это надеялась. Сама она бросилась в противоположном направлении, думая, что примерно год назад Джек, который

наверняка помог бы летчику, был здесь.

В боку сильно закололо: она никогда не занималась спортом, но продолжала бежать, боясь, что летчик ударится о землю, возможно, покалечится еще больше или запутается в ветвях некстати подвернувшегося дерева. Все зависело от ветра.

Ей показалось, что на расстоянии слышатся голоса, но сказать точно было невозможно.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть на поле окажутся другие люди, которые смогут ему помочь».

Боль в боку становилась все сильнее. Грейс пришлось остановиться и согнуться в попытке облегчить ее. Она пустилась в путь почти сразу, довольная, что ей стало лучше, и, кроме того, она определенно слышала крик. Спасение было близко.

Впереди предстоял довольно крутой подъем. Грейс стала упорно взбираться вверх. Крики и вопли доносились с другой стороны. Она видела дым и языки пламени, которые поднимались с разных участков поля, расстилавшегося перед ней. Но эти крики испугали ее, потому что были полны ненависти.

На какой-то момент дым прояснился, и она увидела ошеломленного пилота, стоявшего среди обломков, рассеянных во всех направлениях, насколько было видно глазу. «Спитфайр» развалился на куски. Но люди бежали к летчику, и Грейс в ужасе увидела, как мужчина с размаху ударил мотыгой по голове и без того плохо державшегося на ногах летчика. Тот молча рухнул на обломки погибшего самолета.

– Прекратить! – заорала она и буквально скатилась вниз, подстегиваемая гневом и силой притяжения, моля бога, чтобы не упасть. Достигнув подножия холма, она едва не свалилась в одну из дымящихся куч. Сильный, едкий запах горящего металла, вытекшего керосина, дыма ел глаза.

Она приземлилась прямо рядом с летчиком и была поражена, увидев, как он с трудом встал и протянул правую руку, чтобы ей помочь, а другой, окровавленной, пытался расстегнуть летный комбинезон и выпутаться из строп парашюта.

– Jestem Polskim pilotem^[16], – повторил он несколько раз.

– Он проклятый немец! – заорал какой-то парень. – Даже говорить нормально не умеет, не понимает ни одного нашего слова! Слишком много чертовых джерри бросают на нас чертовы бомбы, так что мы сейчас его линчуем. Верно, парни?!

– Заткнись! – рявкнула Грейс. – Неужели не понимаешь, что он говорит?

Она крепко сжала руку летчика.

– Polckim?^[17]

Он кивнул и пошатнулся, но продолжал сражаться с застежками комбинезона.

– Кто-нибудь, помогите мне, – велела Грейс, пытаясь заставить раненого сесть, пока он не упал. – По-моему, у него сломана рука, и ему нужно избавиться от строп. Обопритесь на меня. Садитесь, и я помогу.

Почему она не выучила ни одного польского слова от Евы и Кати?

Она показала на себя и повторила:

– Я помогу.

Он все понял по тону. И с помощью Грейс медленно опустился на землю, морщась от боли. Она вынула носовой платок, радуясь, что он относительно чист, и стерла грязь с его лица. Похоже, что кровь, засохшая в волосах, появилась после удара мотыгой.

– Я могу точно рассказать, что случилось с этим человеком.

– Отбросьте ее с дороги, парни. Это паршивая шлюха, которая спит с чертовым кончи. Но на этот раз я ее достану!

Грейс затошнило. Она узнала голос: тот работник с фермы, который покалечил Гарри.

Значит, вышел из тюрьмы, готов расправиться с другим человеком и угрожает ей.

Она, не задумываясь, хлестко ударила его по физиономии.

– Прекратите все! – прошипела она, хотя поняла, что остальные вовсе не собираются иметь ничего общего со своим другом и его планами.

Все молча смотрели на нее.

– Я послала за леди Элис и мистером Хейзелом, – заявила она, немного исказив истину, – и никто никого не линчует, пока я здесь.

Еще один работник подошел к ней. Судя по виду, он был смущен и пристыжен.

– Я помогу.

Он вынул нож. Глаза летчика настороженно блеснули, но он тут же расслабился.

– Нужно разрезать все это. Нельзя таскать за собой такую тяжесть.

Пилот снова поморщился от боли, когда его наконец освободили от строп и комбинезона.

– Mam na imie Mateusz Jackowski. Jestem Polskim pilotem^[18].

Грейс достаточно наслушалась болтовни Евы и Кати, чтобы понять: язык не имеет никакого отношения к немецкому.

– Чертов иностранец!

Злобный олух был полон решимости затеять драку.

– Он поляк, идиот! – бросила Грейс.

– Ради бога, заткнись, Арнольд! Строишь из себя проклятого дурака! Взгляни. Он на нашей стороне.

Остальные работники были раздражены и смущены выходками товарища, особенно потому, что на летчике был мундир ВВС с польской эмблемой на плече.

К счастью, он повредил левую руку, так что теперь каждый мужчина энергично тряс его правую руку, а он, говоря очень медленно, громко и отчетливо, пытался передать, как сожалеет и как рад приветствовать brave союзника.

В этот момент появилась довольно потрепанная машина, за рулем которой была леди Элис. Мотор икал и чихал, но все-таки выдержал гонку. Из машины высыпались Хейзел, Исо, Уолтер и Ева. Последней медленно вышла леди Элис, которая мгновенно начала командовать. Под ее руководством и с помощью взволнованной Евы мужчины попытались определить состояние спасенного летчика.

– Ради всего святого, Ева, неужели ты совсем не выучила английский? – не выдержала леди Элис, которой надоела неумолчная болтовня девушки.

– Он не понимает по-английски, леди Элис, но, кажется, счастлив говорить на родном языке.

Грейс надеялась, что ее вмешательство не будет расценено как грубость.

Леди Элис схватила Еву за руку, чтобы привлечь ее внимание.

– Послушай, у нас нет времени искать Катю. Тебе придется поехать с нами, помоги нам всем боже. Надо переводить. Поняла?

Ева ответила на беглом польском.

– Попробуйте успокоить ее, Грейс.

Грейс пристально уставилась на Еву:

– Пожалуйста, перестань болтать.

К всеобщему изумлению, полячка и ее соотечественник замолчали.

Ева не сказала ни слова, пока Хейзел и Уолтер осторожно усаживали раненого на заднее сиденье старой машины.

– Летчик из Польши. Очень хороший, очень храбрый, – уведомила она, когда он оказался в машине. – У него болит в руке и в ушах.

– Еще бы, – пробормотала леди Элис. – Он думает, от много шума, – добавила она, пусть и с ошибками.

Леди Элис завела мотор и велела Еве сесть рядом. И уже хотела отъехать, но опустила окно.

– Хейзел, – саркастически заметила она, – вижу, наш старый друг снова с нами. Пожалуйста, поговорите с мужчинами из деревни и послушайте их истории. Грейс, я надеюсь потолковать с вами сегодня вечером. Вы видели аварию?

– Нет, но, по-моему, самолет взорвался в воздухе.

– Спасибо. Много шума, – кивнула леди Элис и уехала.

В доме вечером царило всеобщее волнение. Некоторые работники видели и самолет, и спускавшегося на парашюте пилота. Другие заметили либо то, либо другое. Те, кто ничего не видел, желали знать каждую подробность.

– Не может быть, Грейс! Наша Ева переводит для ее светлости, докторов и пилота? – спросила Конни, которая, к счастью, постепенно теряла свою агрессивность и стала куда дружелюбнее к другим девушкам.

Даже Катя улыбнулась при этой мысли.

– Это большая больница, верно? Там могут быть поляки, даже доктор, например, но Ева хорошо переведет и будет стараться, чтобы всем было легко понять друг друга.

– Может, Катя, тебе следует поехать туда?

Миссис Лав закончила чистить гору выращенного в поместье картофеля и присоединилась к компании.

– Вряд ли. Я так не думаю. Это хорошо для Евы, и язык необязателен для докторов. Они смотрят на покалеченного летчика и говорят, что у него голова разбита. Все очень просто, да?

– Надеюсь, что нет. Я имею в виду разбитую голову. Правда, его сильно ударил по голове один из мужчин и, возможно, повредил череп.

Последовало ошеломленное молчание. Потом девушки начали обсуждать все сразу.

Миссис Лав привлекла их внимание, резко сдвинув два чугунных котла.

– Довольно! Я не слышу собственных мыслей.

– Никто ничего не слышит, миссис Лав, после такого оглушительного лязга. Мои бедные барабанные перепонки!

Лиз сжала голову ладонями и закивала.

– Летчик пытался выпасть или выпрыгнуть, Грейс, но, ради всего святого, не спрашивай меня как. Кто-то однажды сказал мне, что летчики стараются перевернуть самолет, чтобы освободиться от пристегивающих ремней и выпасть, но если самолет взорвался, возможно, его просто выбросило. Кажется настоящим чудом, что он выжил.

И снова вмешалась миссис Лав:

– Грейс была там и сможет все нам рассказать. Тот, кто первым ее перебьет, обойдется без пудинга.

Конни молча подняла руку.

– Никаких вопросов, и ты перебиваешь...

– Я просто быстро спрошу. Он классный? – не успокоилась Конни.

Все, включая Грейс, рассмеялись.

– Не знаю. Бедный парень был покрыт грязью и засохшей кровью. Высок. Настоящий джентльмен. Довольно строен. Помимо удара по голове, думаю, у него рука сломана, потому что он никак не мог расстегнуть комбинезон.

– Какой противный летчик! С чего это ему вдруг снимать одежду?

– Показать сво... – начала Грейс, но девушки уже катились от смеха...

– Мундир ВВС, вы ужасные девчонки!

Вспыхнув до корней волос, она пыталась говорить спокойно, объяснить, как страшно было наблюдать всю эту сцену.

– Пытался доказать, что он не немец. Один из работников заявил, что они собираются линчевать его.

Это заставило всех замолчать, и Катя торопливо перекрестилась.

– Слава богу, что вы с Евой были там.

– Я ничего не сделала, – начала Грейс, но тут же вспомнила, как дала пощечину наглому работнику. Вряд ли он этим доволен.

– Хорошо, что леди Элис и Хейзел успели вовремя.

Миссис Лав встала.

– Мир сошел с ума, – вздохнула она. – И завтра у вас тяжелый день. Сейчас поджарю картофель. И у меня есть несколько банок сардин. Самый подходящий день, чтобы их открыть, верно?

Многие разочарованно поморщились. Среди них была и Грейс. Она ненавидела сардины, особенно консервированные. Одно масло чего стоит!

Но она ничего не сказала.

Зато сказала Конни:

– Можно включить приемник, миссис Лав? Поймаем музыку. Может, Бенни Гудмена или Джо Лосса. Потанцуем немного на кухне.

– Держитесь подальше от плиты с вашими джиттербагами!^[19]

Грейс улыбнулась, вспомнив объятия сильных рук Сэма, когда тот пытался научить ее вальсировать.

– Найди вальс, Конни: раз, два, три, раз, два, три...

Она подняла руки и дотанцевала до края стола.

– Можно подумать, это ее стукнули по голове, – засмеялась Конни. – Ла-ла-ла... вальс, как же.

– Польку! – потребовала Катя, протягивая руки Лиз. – Я учу всех танцевать польку. Хороший, веселый танец.

Следующие четверть часа миссис Лав стояла, полуобернувшись к жарившемуся картофелю, и наблюдала веселую суматоху: обычно тихие, измученные девушки пытались выучить вальс, польку или джиттербаг, в зависимости от того, какую музыку сумели найти по радио. Она видела улыбки и даже слезы на лицах девушек, вспоминая счастливые времена и мечтавших, возможно, о будущих солнечных днях.

Миссис Лав не хотела прерывать их веселье, но девушек надо было покормить. К счастью, Ева и идеально зажаренный картофель появились одновременно.

Поняв, что, возможно, стоит сэкономить время, девушки позволили Еве пересказать всю историю Кате на польском. Миссис Лав потребовала рассаживаться и ужинать.

– Можете говорить за едой. Простите, что не приготовила всего, что хотела. Но картофель чудесный. А если не хотите сардин, еще остались анчоусы. Да. И всегда есть добрый старый соус «Эйч-Пи». Мой Том очень его любит.

Интересно, она единственная, кто находит новую разговорчивую миссис Лав крайне странной? Она знала также, что никогда не подружится с Конни. Но последнее время в их ледяных отношениях наступила оттепель. И она была этому рада. Жизнь будет намного легче, если они станут тянуть лямку вместе.

– Заснула, Грейс?

Конни энергично трясла большую бутылку с соусом.

– Извини, просто глупые мысли, ничего важного.

– Катя готова рассказать нам все, что случилось. Ради бога, Лиз, мы можем разливать и пить чай, пока слушаем Катю. Садись... пожалуйста, – добавила Конни, когда у Лиз на глазах выступили слезы. – Я сильнее и сама разолью.

– Особенно рассказывать нечего. Пилота зовут Матеуш Жаковски, он в Англии с 1940 года. На обратном пути... с войны его самолет стал издавать странные звуки, двигатель захлебывался, и он подумал, что должен прыгать, но, глянув вниз, увидел работников на полях. Попытался увести самолет от них. Но услышал громкий взрыв и больше ничего не помнит. Очнулся, когда в лицо бил ветер, а потом он на земле, люди бегут и вопят, очень сердитые. Потом кричит девушка, кто-то бьет его по голове. Он пытается сказать «я поляк», поскольку люди вокруг явно считают его немцем. Потом он думает, что мертв, потому что пришли ангелы.

Катя восторженно рассмеялась.

– Он думает, что один ангел говорит по-английски, но второй – безусловно, польский.

Все засмеялись, стали шутить, пока Конни не призвала к порядку. Громко:

– Этот бедняга в порядке? И что насчет того идиота, который хотел его линчевать? Поверить не могу, что англичанин захочет линчевать кого-то, даже немца.

– А он хотел. И, что всего хуже, вначале несколько человек были за него. Думаю, летчик обязан жизнью прекрасному польскому ангелу.

Грейс подождала, пока девушки перестанут кричать «ура» в честь Евы, которая казалась крайне смущенной. И спросила, сказала ли леди Элис что-то насчет состояния летчика или его лечения.

– Чудо, Грейс. У него только две сломанных кости и пара ран на голове и на других местах. Врачи хотят проверить его внутри и сделать швы. Завтра скажут больше. Леди Элис приедет завтра, когда мы рано пить чай, и спросит много вопросов, – с трудом, но объяснилась Ева.

Миссис Лав встала.

– Великолечно, девушки. А теперь я стану мыть посуду, а вы – по кроватям. Катя и Грейс устали, да и Ева тоже.

– Простите, миссис Лав, всего один вопрос.

– Да что тебе, Конни... – начала кухарка, которая тоже очень устала, но девушка не стала ждать.

– А он красивый?

Катя и Ева переглянулись, поговорили между собой и заулыбались.

– Матеуш очень хорош...

– Ну? Придется тянуть жребий, кому его навещать, – решила Лиз, и все потянулись наверх.

– Никаких шансов, – предупредила Ева. – У Матеуша нет английского, и он уже увидел два, нет, три ангела в униформе.

Как ей это удалось?

Леди Элис постучала в дверь комнаты Грейс до того, как звуки будильника разорвали ночную тишину. Она разбудила всех, и девушки стонали, бормотали проклятия и устало выбирались из постелей.

– Похоже, мы это уже проходили, Грейс. Можете натянуть одежду и спуститься со мной на кухню? Я заварю чай.

Грейс, гадая, как может хозяйка выглядеть такой свежей в начале пятого, что-то ответила. Должно быть, утвердительное, поскольку леди Элис спустилась вниз.

Девушка постаралась поторопиться и взяла у миссис Лав большую кружку крепкого горячего чая.

– Нельзя посадить в тюрьму за угрозу убийством. Боюсь, будет немного трудно доказать, что Арнольд говорил всерьез, когда с неба упал наш летчик. Он всем в округе известен, как болтун.

Грейс молча пыталась придумать, что сказать. Если она объяснит леди Элис, что Арнольд угрожал также и ей и приказывал другим убрать ее с дороги, будет это считаться преступным намерением? В прошлый раз из-за него ее отослали ради «собственного блага». Она не хотела, чтобы ее отослали снова. Уайтфилдз гораздо ближе к милому старому Дартфорду и в настоящее время – к Сэму, чем ферма в Ньюриггс.

– Вас никто не предупреждал, что вам не стоит работать ни на одну секретную службу, поскольку все, что творится в вашей хорошенькой головке, четко и большими буквами написано у вас на лице? Не волнуйтесь. Мы сделаем все, чтобы нога его больше не ступала на нашу землю.

Грейс опустила глаза при мысли о том, что сказал летчик о ней и Еве. Назвал ангелами в униформе. Она не позволит этому мерзкому Арнольду творить зло. Чего бы это ей ни стоило, нужно сказать правду.

– Этот подлый коротышка поднял мотыгу и ударил ею по голове беззащитного человека. Летчика, который сражался в ВВС, чтобы сохранить ему жизнь. Я стояла рядом с летчиком. У него не было времени среагировать, что-то сделать.

– Значит, вот как было дело. Доктора гадали, не ударило ли его каким-то обломком. Не представляю, почему он не погиб от удара: возможно, уберег ангел-хранитель. Слава богу, что на нем был летный шлем.

– Это все, леди Элис?

– Нет, не все. Вы уже научились водить?

– Нет, леди Элис.

– Жаль. Придется Конни развозить молоко сегодня. Я хотела дать Кате и Еве несколько свободных часов, чтобы они успели поговорить с Жаковски, если доктор разрешит. Боюсь, это означает лишнюю работу и ответственность для вас. Можете провести трехчасовую дойку?

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Скоро дни будут длиннее, и мы сможем предоставить урожаю позаботиться о себе, пока Конни будет давать вам уроки вождения. Как жаль, что у Джека не было времени вас обучить.

Она немного помолчала. Грейс не знала, оставаться ли ей или идти на дойку.

– Ему паршиво приходится, – заметила она. – Надеюсь, вы ему больше не пишете?

– Пишу, леди Элис, но только как другу.

– Слава богу, что этим все ограничилось. Славный парень, не могу отрицать, и если уцелеет, станет великолепным доктором, но, откровенно говоря, жизнь с ним – сущий ад.

– Могу я спросить, что это значит, леди Элис?

– Боюсь, его принципы не всем приходятся по вкусу.

– Но благодаря этим принципам он выполняет труднейшую и опаснейшую работу, и нет, он никогда ничего мне не рассказывал, но я слушаю радио и читаю газеты, когда они попадают мне в руки, так что знаю, что в армии есть хамы и наглецы, как повсюду, и они любят угнетать беззащитных.

– Мы предлагали попытаться вернуть его из армии. Но он очень разозлился. Глупый мальчик. Все же я рада, что у вас нет к нему пылких чувств. Вы из тех, кто легко гнется. А Джек – один из тех, кто вообще отказывается гнуться. Невозможный союз.

Леди Элис шагнула было к двери, но обернулась:

– Кстати. Как поживает брат вашей старой подруги? Секунды свободной не было, чтобы спросить.

– Он... очень хорошо, спасибо, – пробормотала Грейс, с раздражением обнаружив, что по какой-то идиотской причине краснеет до корней волос.

– Значит, вот как обстоят дела? – спросила леди Элис, на этот раз уже определенно направляясь к двери. – Оставляем путь свободным для наших полек. Должен же наш *Polskim pilotem* завести себе друзей, верно?

Грейс молча смотрела, как за леди закрывается тяжелая дверь.

«Если я проживу тысячу лет, – подумала она, – никогда не смогу понять людей. Каждый раз, когда предполагаю одно, происходит что-то, отчего приходится думать совершенно противоположное. Благодарение господу за коров. Корми их, дои, пусти пастись на чудесном зеленом лужке, и они счастливы...»

Внизу никого, кроме нее, не было. Поэтому она сняла пальто, висевшее вместе с другими на внешней стороне кухонной двери, надела тяжелые ботинки и вышла в коровник. Там уже был старший дояр Уолтер Грин.

– Вот это сюрприз! А я ожидал польских девушек! Слышал, что с летчиком все в порядке.

– Левая рука сломана и еще один перелом, не знаю где, синяки и порезы.

– И удар по голове?

– Да, – коротко ответила Грейс.

Уолтер понимающе улыбнулся:

– Хочешь, чтобы Арнольда посадили под замок? Не расстраивайся, Грейс, все зависит от того, что скажут доктора. Уайтфилдзы не спустят ему такого. Иначе эти леди разозлятся так... что Арнольду не поздоровится. А теперь нужно начинать дойку.

Уолтер был самым опытным дояром. И Грейс знала, что он закончит доить своих коров гораздо быстрее, чем она. Но она начала доить, полная решимости выложиться до конца и сделать все, что от нее зависит. Через полчаса к ним присоединились Конни и Лиз. Лиз подошла к Уолтеру, а Конни, дружелюбно улыбнувшись, – к Грейс. Зная, что Конни не слишком любит коров, Грейс удивилась при виде девушки, но ободряюще кивнула и продолжала доить.

Наконец дойка закончилась, и девушки собрались гнать коров на поле. Теперь нужно развезти молоко, вымыть доильную: тяжелая работа, а подчас и грязная.

– Кто поедет с тобой, Конни? – спросил Уолтер, озабоченно оглядывая доильную, но его немедленно успокоили, сказав, что Лиз присоединится к Конни, как только закроет ворота за стадом.

– А кто моет доильную?

– Понятия не имею, куда все подевались. Возможно, со мной поедут польки, потому что сегодня у них день свободен и они собираются навестить парня, которого вчера спасли. Разве не Сьюзи и Бет должны мыть доильную?

– Да я и по именам их всех не знаю и еще слышал, что пришлют военнопленных убирать

хлеб.

– Слышала, Грейс? Военнопленные приедут! – сообщила Конни, когда та вернулась вместе со Сьюзи и Холли, девушкой постарше.

– Мечтаю об итальянце. Очень романтичный язык.

– А мне вчера нашептали, – ухмыльнулась Лиз, – что в нескольких милях отсюда стоят янки.

– Настоящие живые американцы? И ты ничего мне не сказала? – ахнула Конни.

– Забыла. Все вылетело из головы, когда узнала о спасшемся летчике.

– Больше никакого вздора с вашими итальянцами, американцами и польскими пилотами, – проворчал Уолтер, которому, очевидно, все это не нравилось. – Я хочу знать одно: кто чистит доильную?

– Мы, мистер Грин, – хором пропели Холли и Сьюзи.

– Прекрасно. Надевайте передники и начинайте, пока коровы нагуливают еще больше молока.

Грейс улыбнулась. Последнее время Конни не казалась такой злобной. И она, и Лиз, бывшие врагами всего несколько месяцев назад, сейчас неплохо ладили.

– Человеческие существа чрезвычайно сложны, – проинформировала Грейс толстую свинью, чесавшую спину о каменную ограду. Свинья хрюкнула и отошла.

– Куда мне теперь? – спросила она миссис Лав, возвратившись на кухню.

– Список на доске, где ему и полагается быть. Раз уж ты здесь, садись и позавтракай. У меня есть бекон, картофельные лепешки и консервированные бобы.

Запах жареного бекона манил Грейс всю дорогу от садовых ворот, но теперь, когда приходилось кормить столько вновь прибывших, иногда опоздавшим доставался один лишь запах.

И поскольку девушка умирала от голода, поскорее села, наполнила большую кружку крепким горячим чаем и стала наслаждаться завтраком. Она едва начала, когда появилась Холли.

– Прости, но миссус хочет тебя видеть. Говорит, что может подождать, но просила тебя прийти как можно быстрее.

Прежде чем Грейс успела ответить, миссис Лав напустилась на Холли за «миссус».

– Простите, но это моя пятая ферма. И на каждой я обращалась к жене фермера «миссус». Никогда и близко не подходила к леди.

– Объясни ей, Грейс, пока я найду пару приличных кочанов капусты.

– Холли, ты действительно обращаешься к леди Элис как к «миссус»?

– Да, – кивнула девушка.

– И что она отвечает?

– «Как забавно».

– Обращайся к ней «леди Элис», не «миссус». Она не жена фермера. Она сама фермер, причем очень тяжело работает. Наравне со всеми.

Миссис Лав вернулась с тремя кочанами поздней капусты.

– Рада, что ты сегодня сеешь, Грейс. Так надоели старые овощи, и, честно говоря, я люблю брюссельскую капусту, особенно жаренную с беконом и каштанами. Восхитительно! Но если кто-то принесет еще один мешок брюссельской капусты, воображая, что делает мне одолжение... не знаю, что сделаю. Только подумать: месяц, и у нас будут редиска, латук, свежий садовый горошек... слюнки текут! А к июлю – молодой картофель!

Но Грейс уже не слушала. Она ела брюссельскую капусту каждую военную зиму. Иногда ей нравилось, иногда – нет... но по какой-то причине ей вдруг вспомнилась мерзкая мороженая брюссельская и обычная капуста той страшной зимой сорокового года. Она и Дейзи собирали

овощи, и подружка сказала, что ее ма сварит суп.

«Хочешь не хочешь, а нужно пустить их в дело», – заявила миссис Петри и действительно пустила в дело овощи, которые Грейс так старательно растила.

– Ты в порядке? У тебя вид странный.

– Все хорошо, миссис Лав, только вспомнила первую военную зиму. У меня был маленький огородик на заднем дворе. Двое братьев моей подруги помогли нам его вскопать. Все равно что пробиваться сквозь бетон. Не знаю, как они этого добились, но вскопали достаточно длинный и глубокий участок, чтобы я смогла кое-что посадить. Сажали мы вместе с девочками. И целое лето ели свежие овощи. Лучшего горошка я не пробовала. Простите, но ваши слова вдруг унесли меня назад.

– А пока тебе лучше вернуться сюда и пойти к миссус, – рассмеялась миссис Лав, но тут же окинула решительным взглядом смущенную Холли.

– Не делай, как я, делай, как говорят.

Оставив недоеденный завтрак, Грейс побежала к древнему зданию. Она так редко его видела, что у нее каждый раз заново перехватывало дыхание. И дело не только в его размерах, а в неброской элегантности. Никакой простой функциональной кирпичной стены с унылыми прямоугольными, часто расположенными окнами, а вместо них огромные камни, привезенные из каменоломен, обтесанные и покрытые резьбой неизвестного мастера. Кем был он или они? В этих стенах высечена многовековая история Англии. Может, монахи сами строили свои аббатства?

И она живет в этом здании. Пусть и в помещениях для слуг. Она так рада этому. И навсегда его запомнит.

Эйфория испарилась, когда она вспомнила, что леди Элис посылала за ней. В животе сжался тугой узел, ладони вспотели. Ей стало нехорошо.

– А вот и вы, Грейс. Почему так медлили? Не переминайтесь на пороге. Заходите. У меня для вас новости, которые вы должны рассказать остальным.

«Новости?»

Грейс ощутила, как сердце неприятно екнуло. Но она прошла в дом за леди Элис.

– Садитесь на подоконник, там подушки, и, следовательно, на них удобнее, чем просто на деревянном сиденье.

Леди Элис прошла к камину, где горел огонь и на железном треножнике стоял кофейник. На письменном столе были две чашки с блюдцами. Она разлила кофе.

– Манящий запах, правда? – спросила ее светлость, протягивая чашку.

Удивленная Грейс молча подождала, пока хозяйка сядет и тоже возьмет чашку.

– Очень, хотя я пила только кофе «Кэмп».

– Бедняжка. Мне пока не приходилось бывать в столь отчаянном положении. Перехожу прямо к делу. Арнольд Арчер арестован, и, к моему сожалению, на этот раз вам придется появиться в суде. Не уверена насчет Евы, вполне возможно, как только ее вызовут, она забудет все английские слова. И я готова спасти ее от такого испытания, тем более что мы не знаем, что именно пришлось вынести польским беженцам. Но это дело полиции. Я уверена, вы поможете ей, если дело дойдет до такого. И у нас на этот случай есть Катя. Но вот другое дело относится прямо к вам. Прошлой ночью звонил ваш Сэм. Он едет сюда, чтобы увидеться с вами... пожалуйста, не пролейте кофе на ковер.

Она остановилась и подождала, пока Грейс спасет чашку от падения.

– Вы довольны? Я сказала, что готова предоставить ему ночлег. Он может остановиться в комнате Джека и Гарри. Он, конечно, не хотел, очень гордый, и мне это не в тягость, но...

Леди Элис не закончила, но девушка поняла, что она хотела сказать, и еще больше заужала

ее за это. Сэм приезжает. Может, на машине? Нет. Старый фургон точно не вынесет такой дороги. Должно быть, сел на поезд.

– Сначала позвонил мистер Тивертон. Приятно было снова с ним поговорить. Шлет свой привет, конечно. Потом подошел сержант Петри и сказал, что его подвезут. Какой-то военный грузовик едет в эти края, и он очень вежливо спросил, не может ли помешать ненадолго вашей работе.

– Похоже на Сэма, – улыбнулась Грейс. – Он вдумчив, заботлив и добр, очень добр.

– Вы хотите узнать, когда он приедет?

Грейс опустила голову. Хозяйка приняла это за согласие и продолжила:

– Он надеется прибыть часа в четыре, невзирая ни на какие помехи, что бы это ни означало. Вам нужно непременно быть дома к этому времени, чем бы вы ни занимались. Миссис Лав даст вам чайник с чаем. Она останется с вами. Придет Хейзел и проводит Сэма в комнату, где он будет спать. Потом он снова присоединится к вам, и, думаю, вам понравится гулять по полям, пока не будет готов ужин. Вам и сержанту Петри принесут поднос в маленький офис: это даст возможность побыть наедине, но, простите, я попросила Хейзела вернуться в девять. Вам нужно выспаться, а в комнате Сэма есть приемник.

– Не знаю, как благодарить вас, леди Элис.

– Вздор. Я думаю только о нашем вернувшемся воине. А теперь бегите и попытайтесь хоть что-то сделать до четырех.

Грейс еще раз поблагодарила ее и чинно вышла из прекрасной комнаты с великолепными картинами и тяжелой резной мебелью. В двадцатом веке она называлась конторой, но когда-то, Грейс была уверена, носила куда более красивое название.

Она слегка подпрыгнула от возбуждения. Сэм приезжает, чтобы поговорить с ней. Почему? «О Сэм, ты не можешь взять на себя такой труд только для того, чтобы сказать, что теперь, через несколько недель после того, как мы погуляли в дартфордском парке, больше не считаешь меня своей «прелестной Грейс!» – крутилось у нее в голове.

Она поглядела на небо. Какое оно голубое, в это прекрасное время поздней весны!

Грейс посмотрела на свои простые маленькие часы. Оказалось, что она провела слишком много времени с леди Элис. А ведь должна сесть с Хейзелом и Исо, и никому не позволит думать, что ожидает особого отношения к себе.

Грейс пустилась бежать.

Хейзел и Исо приняли ее поздний приход в обычной манере.

– Поторопись. Этот инспектор заявил мне, что правительство ожидает получить еще больше земли под вспашку. Дальше остается сажать пшеницу в дырах между камнями оград. Можешь вспахать обочины дорожек, ведущих к коттеджам поместья?

А вот это сюрприз.

– Конечно, я могу вспахивать эти узкие полоски, но кто будет собирать урожай, если будет что собирать? Крапива и ежевика задушит все, прежде чем у побегов будет шанс вылезти из земли.

– Собираешься спорить с правительственными инспекторами, Грейс?

– Полагаю, нет.

– Прекрасно. Поэтому вспахивай обочины – пусть инспекторы будут счастливы, – а мы попытаемся расправиться с сорняками.

Грейс работала без перерыва весь день, потеряв всякое представление о времени. Вспахать обочины было почти невозможно, особенно для такой миниатюрной девушки. Не хватало силы, чтобы провести плуг по закаменевшей земле, с корнями сорняков, ежевики и других растений. Спина разламывалась, руки были стерты, но она упорно продолжала свое дело, пока к

реальности ее не вернул знакомый голос:

– Грейс, это я, Сэм. Где ты?

Она повернулась, чувствуя, как сердце готово вырваться из груди, а в жилах вместо крови течет неразбавленная радость. Она огляделась и, хотя до нее доносились неясные звуки, парня нигде не было видно.

– Сэм! – крикнула она.

Странные звуки прекратились, и по другую сторону каменной ограды вырос Сэм. Такой же живой и настоящий, как в Дартфорде. Над его волосами потрудился парикмахер, и теперь они были такими же мягкими и светлыми, как всегда. Непокорная прядь по-прежнему падала на лоб. Она побежала к нему.

– Не перелезай через ограду, любимая. Боюсь, меня слишком гостеприимно встретила «зеленая и прекрасная земля Англии».

Они дружно засмеялись, потому что Грейс по запаху точно поняла, что именно встретило Сэма.

– Ты не там срезал дорогу. На это поле мы пускали коров после вчерашней дойки, – пояснила она, глядя на парня, увязшего по щиколотку в коровьем навозе.

– Да представляешь ли ты, сколько времени уйдет на то, чтобы отчистить ботинки до блеска, как полагается сержанту британской армии?

Сэм глянул на нее с улыбкой, которую Грейс называла особенной, и снова занялся чисткой ботинок.

– Я оботру их травой, но, думаю, твои друзья за милую почувствуют мое приближение.

– Мы все наступали в навоз, Сэм. Что-то вроде крещения огнем.

Он глянул на ее черные высокие резиновые сапоги и на свои единственные гражданские ботинки и засмеялся.

– Не думал, что буду заниматься именно этим, когда найду тебя. Ты работаешь довольно далеко от дома. Действительно дом огромный, редко приходится такие видеть.

Но Грейс все еще слышала заманчивые слова о том, что он собирался сделать.

– Если не собираешься перелезть на мою сторону, я перелезу на твою, но думаю, что ты должен это видеть: славное, поросшее травой поле, и нигде ни одной коровы.

Сэм нагнулся, стащил ботинки и, взяв их в руки, перепрыгнул на сторону девушки. Вытер ботинки о густую траву, прежде чем выпрямиться.

– Как здорово наконец увидеть тебя, Грейс Патерсон.

Даже босой он возвышался над ней. Она на секунду испугалась. Но не Сэма. А вдруг она не увидит в его глазах того, что мечтала увидеть?

Девушка подняла голову и с сердцем, полным любви, и глазами, сияющими от счастья, бросилась в его протянутые руки. Они немного постояли молча, просто обнявшись, чувствуя, как бьются их сердца. Грейс, едва осмеливаясь верить происходящему, первая разорвала волшебные чары:

– Ты схватишь воспаление легких, Сэм Петри, если будешь стоять в одних носках.

– Малая цена, любимая. Но пойдём. Миссис Лав сказала, что сделает нам чай, и бьюсь об заклад, у нее есть газета, которой можно вытереть ботинки.

Поймав нежный взгляд Грейс, Сэм снова нагнулся и очень бережно поцеловал ее в мягкие губы.

Взявшись за руки, они побрели к дому, и парень время от времени прихрамывал, натыкаясь на камни.

– Ты ни за что не получишь газету. Мы храним любой клочок бумаги, который попадает нам в руки, но миссис Лав наверняка не пожалеет старой тряпки. Только лучше не приносить

ботинки на кухню: тебя примут с радостью в отличие от запаха.

Большинство трудармеек бросили работу и спешили с полей, предположительно для того, чтобы устроить пятиминутный перерыв, но на самом деле решив посмотреть на друга Грейс.

– Очень славный, – дружно согласились они.

– И такой высокий! – восклицала одна.

– В блондинах есть нечто особенное, – утверждала другая.

– Но почему он так внезапно появился? Она не знала, что он придет, – заметила третья.

– Он достаточно хорош, чтобы быть поляком, – заверила Ева, но Катя была тверже и объявила всем:

– Это не наше дело.

Они были разочарованы, когда миссис Лав при виде неожиданно большой группы девушек, нашедших время примчаться на короткий перерыв, предложила, чтобы Грейс и Сэм взяли поднос с чайником, хлебом и маслом в маленький офис, куда она намеревалась подать ужин, оставив остальных девиц в большой кухне грезить о романтических встречах.

– Лиз, пойди напхни Грейс, чтобы оставила дверь открытой. Девушке полагается беречь репутацию, – деловито велела кухарка, отмеряя достаточное количество яблочно-ежевичного джема.

– Но, миссис Лав! Они влюблены! Неужели не могут провести пять минут наедине?

– Они могут провести пятнадцать, но с открытой дверью. И с чего вы взяли, будто между ними что-то есть? Он брат ее лучшей подруги, и только.

– О, как скучно!

Сьюзи утешила себя лишней ложечкой джема.

– Когда я работала на первой ферме в Сомерсете, там устроили свадьбу. Все были приглашены, и мы откладывали деньги несколько месяцев, чтобы взять невесте напрокат подвенечное платье из настоящего магазина для новобрачных в Лондоне и не тратить талоны на одежду. Было полно сидра и фруктового пунша. Играла музыка, пары танцевали в чистом сарае. Заметьте, у нас ушло несколько часов на то, чтобы отмыть пол, и почти столько же после свадьбы, чтобы привести все в порядок. Некоторым вообще не стоит дотрагиваться до сидра, – добавила она, оставив девушек домысливать остальное.

– Звучит неплохо, – заметила Конни, заработав улыбку Лиз. – О, они возвращаются. Сделаем вид, что мы не заметили их появления.

Сэм тащил поднос, который поставил около большой каменной раковины. У него был вид человека, собравшегося вымыть посуду.

– Оставь это, Сэм. Сплошная трата воды, потому что через пять минут чашек будет еще больше, а ты лучше пойди и помой свои ботинки.

Миссис Лав повернулась к присмирившей Грейс.

– Принеси тряпки, те, что в деревянном ящике в буфетной. Дай парню две и скажи, что я избавлюсь от них, когда он закончит.

– Спасибо, миссис Лав, – тихо поблагодарила она и вышла, оставив девушек переглядываться и гадать о причинах изменений в атмосфере в доме.

Грейс наблюдала, как Сэм чистит ботинки. Она была уверена, будто знает, что именно он собирается сказать, и не хотела этого слышать.

Молчание становилось все напряженнее. Грейс пыталась выпутаться из сложной ситуации, сказать что-то, что помешает ему произнести нечто дурное.

– Ты должен познакомиться с девушками, Сэм. Они все очень славные. Почти такие же, как Дейзи, Роуз и Салли. Но больше всего я, конечно же, люблю полек...

Она продолжала трещать, рассказывая о разбившемся самолете и раненом польском летчике.

– По-моему, Ева – это та, что с белокурыми волосами и золотым голосом, – думаю, он ей понравился, летчик то есть. Он сказал, что его спасли ангелы. Она и выглядит ангелом. Разве не здорово, если... она беженка и семьи у нее нет?

– Нам нужно поговорить, Грейс, – мягко ответил он. – Все это не убежит. Я хотел сказать, что мне позволили вернуться в полк. Медики заверили: со мной все в порядке, и нет причин удерживать дома человека, годного для службы, тем более что ему целыми днями делать нечего. Мне нужно сказать тебе правду в лицо, милая. Не в письме. Я попросил их сам. Они созвали докторов, потребовали задавать мне разные вопросы, исследовать вдоль и поперек, и оказалось, что я годен к службе. И очень доволен, по-настоящему доволен.

Грейс слушала его. Каждое слово, произнесенное им, ударяло, как молотом по гвоздю. Она чувствовала, что вот-вот разойдется по швам. Несмотря на все, что он писал, она никогда не считала всерьез, что Сэм может вернуться в армию. Неужели он недостаточно сделал для своей страны? Более чем достаточно!

– Ты не вернешься на войну. Пожалуйста, Сэм, твоя мама этого не вынесет.

Он подошел к маленькому телефонному столику, у которого стояла Грейс, и обнял ее так, словно хотел раздавить.

– Ну, ну, моя любовь, – шептал он, держа в объятиях негнущееся напряженное тело.

– Ты совсем не думаешь, Грейс. Не думаешь головой. Я солдат. Был солдатом с шестнадцати лет. Малышка, это все, что я умею делать. Все, в чем я хорош.

Он поцеловал ее блестящие каштановые волосы.

– Расслабься, моя Грейс. Посиди со мной. Не нужно так напрягаться, милая, это я, Сэм, и хочу рассказать тебе, когда в мою глупую голову пришла мысль о том, что я влюблен в тебя. Я был влюблен в тебя с той минуты, когда ты упала в мои объятия на игровой площадке. Но полюбить по-настоящему, серьезно, я смог только сейчас. Ведь это совершенно иное.

Она расслабилась, но решила, что он так легко не отделается.

– Миссис Лав так старалась приготовить чай!

– И мы можем посидеть и поболтать над чашками и подумать обо всем, что упустили.

Он сказал явно не то.

– И будем упускать снова и снова, если ты пойдешь на войну...

– Мой младший брат погиб, Грейс, и только господь и британский ВМФ знают, где сейчас Фил. Можешь представить меня сидящим в гостинице и поедающим домашние лепешки вместо того, чтобы помогать делать все, чтобы покончить с этим безумием?

Она заплакала.

– Ты уже больше чем помог. Ты сражался, был ранен, попал в плен. Господи боже, Сэм. Судя по тому немногому, что я слышала, ты пешком пересек Европу в обоих направлениях.

Он поднял руку, словно пытаюсь отмести такие пустяки.

– Когда-нибудь я покажу тебе Италию, фермы, на которых работал, крестьян, с которыми жил. Это самая благословенная и благородная страна! Ты не поверишь ее красоте! Всего несколько початков кукурузы в кладовой, а они делятся с голодным чужаком. Одна девушка напоминала мне тебя. Хотя ее глаза были карими. Не серо-голубыми или голубовато-серыми. Ее родители жили в маленьком каменном домике, и, представь себе, там же жила корова. Согревала нас зимой, – улыбнулся он. Ненадолго задумался и, снова вспомнив о присутствии рядом возлюбленной, заговорил:

– Они прятали меня от немецких патрулей, Грейс, позволили жить на чердаке. Кормили, а я за это работал с Альдо на полях. Я научился рыскать по лесам в поисках еды – грибов, трюфелей, орехов и ягод – и обрабатывал маленький клочок земли. Подумать только, что может вырастить человек на крайне негостеприимной почве! Поверишь, томаты растут без парников! В жизни не ел ничего подобного! Невероятно! Все мужчины в окрестности помогали друг другу семенами и черенками. А женщины и дети тоже работали... Я чувствовал, что становлюсь ближе и ближе к... – едва не произнес «Грейс», он продолжил: – Ее звали Лючией. В один пронзительно холодный январский день мы все пошли в лес, чтобы набрать хвороста, и помню, как был рад, что она рядом. Мое сердце сильно сжалось. Глупая мысль, но внезапно все встало на свои места, и я сказал себе: «Она Лючия. Она прелестна, но это не Грейс».

Он поколебался, глядя в глаза, о которых мечтал в самые мрачные моменты.

– Я люблю Грейс.

Девушка задрожала. Попыталась встать, он протянул руку, чтобы помочь, и они долго стояли, глядя друг на друга.

– Я люблю Грейс, – повторил Сэм.

На ресницах Грейс повисли слезы.

– О Сэм, это правда?

Вместо ответа он привлек ее к себе и поцеловал. Не тем нежным поцелуем, которым коснулся ее губ чуть раньше, но поцелуем, страсть которого все росла, и она, не думая о Джеке или ком-то еще, отвечала с таким же пылом.

Наконец он отстранился.

– С тех пор как мне исполнилось четырнадцать, малышка с мягкими каштановыми волосами, хорошеньким личиком и самым бескорыстным, самым благородным характером заняла особое место в моем сердце.

Грейс подняла голову и была почти ослеплена напряженностью его взгляда.

– Но ты никогда не говорил, никогда не писал...

– Солдат, ожидающий начала войны, которую не хочет, но которая, как он понимает, вот-вот разразится? Какое право я имел связывать прелестную девушку? И вспомни, я сам осознал, что мои чувства к тебе куда сильнее братской привязанности, только когда стал военнопленным, зависевшим от доброты бедных итальянцев, живших в Альпах, которые почти голодали, но приютили беглеца.

Когда ты приехала навестить меня, я едва дышал от любви к тебе. Но ты должна была получить возможность выбирать: искать своего единственного или нет.

Она расслабилась и прижалась к нему.

– Я уже нашла его, Сэм.

Он обнял ее. Грейс никогда не чувствовала себя в такой безопасности. Такой защищенной. Как она могла принять за глубокое чувство то, что испытывала к Джеку? Ей следовало подождать. Теперь она это понимала. Тогда, с Джеком, она была просто девушкой, отчаянно хотевшей, чтобы ее любили.

Сейчас ее обнимали руки человека, с которым она хотела бы оставаться навечно.

Но Грейс совершила ошибку и пострадала за это, а теперь боялась, что придется заплатить еще.

– Сэм, ты говоришь, что любишь меня, что хочешь...

Она осеклась. Как можно быть такой дерзкой, чтобы спросить прямо?

Он снова ее обнял.

– Свадьбы, Грейс. Это то, чего я хочу. Не с любой свободной девушкой, но с малышкой Грейс Патерсон, которая храбро принимала все, что мир швырял в нее, и никогда не жаловалась.

– Ты хочешь жениться на мне?

– Да, мне очень нравится леди Элис, но, по-моему, она уже помолвлена... фотография на письменном столе...

Грейс рассмеялась, осознав, что он имеет в виду.

– Очень на это надеюсь. Она так много работает и, насколько мы видим, никогда не развлекается.

– Нельзя ли вернуться к Грейс и Сэму? Я хочу жениться на тебе. И очень тебя люблю. Но, милая, мировая война по-прежнему в разгаре, и я хочу просить тебя подождать, пока это безумие не закончится, хотя...

Он сунул руку в карман и вытащил маленькую коробочку.

– Я достаточно эгоистичен, чтобы желать одного: пусть весь мир знает о том, что я счастливейший человек на свете. Ты выйдешь за меня, Грейс? Будешь носить мое кольцо?

Он открыл коробочку, и девушка увидела колечко с красивым синим камешком.

– Я хотел подобрать камень в цвет твоим прелестным глазам, но изумруды слишком зелены. Сапфир подходит больше.

Она продолжала молчать, и он озабоченно глянул на нее.

– Ты не любишь меня настолько, чтобы выйти замуж?

– О Сэм, я люблю тебя всем сердцем и буду горда стать твоей женой и носить это прекрасное кольцо. Но я не... я была... встретила...

Он прижал палец к ее губам.

– Шшшш, моя любовь. Грейс, ты любишь меня? Хочешь быть моей женой?

Глаза Грейс блестели от непролитых слез, она кивнула. Он взял ее левую руку и надел колечко на безымянный палец.

– Пусть прошлое останется в прошлом. Я смотрю в будущее – будущее, которое хочу разделить с собой. Это будет нелегко. Мы снова разлучимся, но нас будут разделять только земля и море. И однажды, когда война закончится, может, в следующем году, мы поженимся...

Он обнял ее.

– Клянусь, если я поцелую тебя, сюда толпой ввалятся девушки и скажут, что наш чай готов. Я готов рискнуть, если готова ты.

Чувствуя, что сейчас взорвется от счастья, Грейс кивнула. Он наклонил голову и, глядя ей в глаза, коснулся ее губ поцелуем, от которого сердце, казалось, сейчас выскочит из груди. Оно принадлежало ему. Так просто. И принадлежало всегда.

Около 159 см. – Здесь и далее прим. ред.

Land girl – трудармейка, дружинница Земледельческой армии.

Лица, отказывающиеся от военной службы по пацифистским или другим соображениям.

Hazel (*англ.*) – лесной орех.

Имеется в виду Первая мировая война.

Частная электроэнергетическая компания.

Джошуа «Джо» Лосс (1909–1990) – британский музыкант, композитор и певец.

Во время войны было принято прятать любые источники света, чтобы вражеские бомбардировщики не могли отыскать жилые здания. Окна плотно задергивались или заколачивались насовсем.

Блюдо шотландской кухни, состоящее главным образом из отварной баранины.

«Ребекка» – художественный фильм в жанре триллера, снятый режиссером Альфредом Хичкоком в 1940 году, экранизация одноименного романа Дафны Дюморье.

Десерт из ягод или фруктов: пюре со взбитыми сливками.

Консервированное мясо фирмы «Фитч Лоуэл».

Трикотажное изделие с пестрым рисунком часто в американском стиле. Первоначально такие делались на острове Фэр Айл, Шетландские острова.

Популярный фильм 1941 года. На восточном побережье Канады нацистская лодка U-37 торпедирует канадский танкер и конвоирующую подлодку, а местные ВВС и торпедные катера начинают преследование врага.

Персонаж английского мультфильма времен Второй мировой войны, смешной человечек-картофелина.

Я польский пилот (польск.).

Поляк?

Меня зовут Матеуш Жаковски. Я польский пилот (*польск.*).

Танец, несколько напоминающий буги-вуги или рок-н-ролл. Популярен в 30–50-х годах прошлого столетия.